

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 2 (96)

BULLETIN
of the Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2022

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Абдраязпов Ранис Ришатович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе).

Баишева Зиля Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Биккинин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник выс-

шего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры криминологии и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Джоробекова Арзыгуль Мамаюнусовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (по учебной и научной деятельности).

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор РАН, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Коновалова Людмила Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры

педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заведующая кафедрой криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (по научной работе).

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Овсепян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии

мии наук, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Московского государственного областного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 24.06.2022. Дата выхода в свет: 30.06.2022.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 21,75. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 60 экз.

Заказ № 46. Цена свободная.

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (for scientific work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Abdrazyapov Ranis Rishatovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Altai State University.

Anokhin Yury Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Deputy Head of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the

Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Romano-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Dzhorobekova Arzygul Mamayunosovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliyev (for educational and scientific activities).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the Insti-

tute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Ilakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Kovtunen Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University.

Konovalova Lyudmila Ivanovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of

Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (for scientific work).

Nadtachayev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Language and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of State (Constitutional) Law of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of the Moscow State Regional University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout A. F. Chinyeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 24.06.2022. Release date: 30.06.2022.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 21,75. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 60 copies. Order № 46. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

(Теория и история права и государства; история правовых учений)

- Ельчанинов А. П.* Исправительные заведения принудительного воспитания несовершеннолетних сельскохозяйственной специализации в Российской империи на рубеже XIX – XX вв.: к вопросу о целях создания и эффективности функционирования..... 12
- Самигуллин В. К.* О категории «основы» в теоретической и практической юриспруденции... 19
- Синиченко В. В., Белозерцев С. М.* Циркуляры Департамента полиции МВД России по вопросам противодействия шпионажу в механизме правового регулирования накануне и в годы Первой мировой войны..... 30

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

(Конституционное право; муниципальное право; Административное право; административный процесс; Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности)

- Мушаков В. Е.* Дистанционное электронное голосование в России: опыт прошлого и возможности настоящего 37
- Павлова Е. В., Юсупов Ф. Р.* Сравнительно-правовой анализ составов административных правонарушений в области дорожного движения, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Проектом кодекса 45
- Федчук И. Л., Янчин В. О.* Правовой институт мер воспитательного воздействия в аспекте профилактики правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь 53

Частно-правовые (цивилистические) науки

(Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

- Малкеров В. Б.* Отдельные проблемы правового регулирования трудовых отношений в условиях цифровизации экономики..... 61

Уголовно-правовые науки

(Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; Уголовный процесс; Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность)

- Ермаков С. В., Ермакова О. В.* Превышение должностных полномочий: проблемы толкования общественно опасного деяния..... 68
- Маликова Н. Б., Маликов Б. З.* Нормативно-правовые основы выражения уголовной ответственности..... 74
- Савченко М. М.* К вопросу о квалификации мошенничества в сфере кредитования 82
- Харзинова В. М., Небрятенко Г. Г.* Криминалистическая характеристика умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях..... 88
- Блинова Е. В., Буй Т. Т.* Взаимодействие следователя с прокурором на стадии предварительного расследования по законодательству Социалистической Республики Вьетнам 94
- Гимазетдинова И. Н.* К вопросу о восстановлении утраченных уголовных дел или их материалов..... 100
- Солодовник В. В.* Принцип состязательности сторон при особом порядке судебного разбирательства в случае согласия обвиняемого с предъявленным обвинением..... 106
- Десятов М. С.* Принципы реализации актов оперативно-разыскного правоприменения в сфере незаконного оборота наркотиков 115

Общие вопросы языкознания. Лингводидактика. Юрислингвистика

- Емельянова А. М.* Реализация основных риторических законов в юридическом дискурсе (на примере преподавания языковых дисциплин адъюнктам) 122
- Ихсанова Л. И.* О нотации жестов при изучении русского жестового языка 128
- Посиделова В. В., Хорошко Е. Ю., Резникова А. В.* Реализация принципа систематизации и последовательности при обучении русскому жестовому языку сотрудников полиции 133

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

- Булгаков В. В.* Исследование мотивов поступления абитуриентов в образовательные учреждения МЧС России и их трансформация в процессе обучения 140
- Бутиков А. И., Гейжан Н. Ф.* Теоретические основы комплексной оценки эффективности прохождения практики будущих участковых уполномоченных полиции 148
- Карнаухов О. П.* Актуальные вопросы совершенствования профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел 159
- Шарухин А. П., Шимко С. Ю.* Потребности служебно-боевой деятельности воинских частей Росгвардии России в научно-методическом обеспечении 164

- Памятка** 172

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

(Theory and history of law and the state; history of legal doctrines)

- Elchaninov A. P.* Correctional institutions of compulsory education of minors of agricultural specialization in the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries: on the issue of the goals of creation and efficiency of functioning 12
- Samigullin V. K.* On the category of «foundations» in theoretical and practical jurisprudence 19
- Sinichenko V. V., Belozertsev C. M.* Circulars of the police department of the ministry of internal affairs of Russia on countering espionage in the mechanism of legal regulation on the eve and during the first world war..... 30

Public law (state law) sciences

(Constitutional law; municipal law; Administrative law; administrative process; Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement activities)

- Mushakov V. E.* Remote electronic voting in Russia: experience of the past and the possibilities of the present..... 37
- Pavlova E. V., Yusupov F. R.* Comparative legal analysis of the composition of administrative offenses in the field of traffic provided for by the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Draft Code..... 45
- Fedchuk I. L., Yanchin V. O.* Legal Institute of educational impact measures in the aspect of prevention of juvenile delinquency in the Republic of Belarus..... 53

Private law (civil law) sciences

(Civil law; business law; family law; private international law)

- Mal'kov V. B.* Some problems of legal regulation of labor relations in the conditions of digitalization of the economy..... 61

Criminal law sciences

(Criminal law and criminology; penal law; Criminal process; Criminalistics; forensic activities; investigative activities)

- Ermakov S. V., Ermakova O. V.* Abuse of official authority: problems of interpretation of a socially dangerous act 68
- Malikova N. B., Malikov B. Z.* Regulatory frameworks for criminal liability 74
- Savchenko M. M.* On the issue of qualification of fraud in the sphere of credit..... 82
- Kharzinova V. M., Nebratenko G. G.* Criminalistic characteristic of deliberate dissemination of deliberately false information in the media and telecommunications networks..... 88
- Blinova E. V., Bui T. T.* Interaction of the investigator with the prosecutor at the stage of preliminary investigation under the legislation of the Socialist Republic of Vietnam..... 94
- Gimazetdinova I. N.* To the question of recovery of lost criminal cases or their materials 100
- Solodovnik V. V.* The principle of the adversarial nature of the parties in a special procedure of judicial proceedings in the case of the consent of the accused to the charge 106
- Desyatov M. S.* Principles for the implementation of acts of operational and search enforcement in the sphere illegal drug traffic 115

General questions of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

- Emelyanova A. M.* Implementation of the basic laws of rhetoric in legal discourse (on the example of teaching language disciplines to adjuncts)..... 122
- Iksanova L. I.* On sign notation in the course of the Russian sign language study..... 128

Posidelova V. V., Khoroshko E. Yu., Reznikova A. V. The principle of systematization and consistency in teaching Russian sign language to police officers implementation 133

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of vocational education

Bulgakov V. V. A study of the motives of students in educational institutions of the emercom of Russia and their transformation in the process of learning 140

Butikov A. I., Geyzhan N. F. Theoretical foundations of a complex assessment of the effectiveness of the practical training of future district police officers 148

Karnaukhov O. P. Current issues of improvement of professional training of personnel of the internal affairs bodies 159

Sharukhin A. P., Shimko S. Y. The needs of the service and combat activities of the military units of the Russian guard in the scientific-methodological support 164

Instruction 172

Научная статья
УДК 343.815:631.115(470)"189/190"

**ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.: К ВОПРОСУ
О ЦЕЛЯХ СОЗДАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Андрей Петрович Ельчанинов

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, petrovich2102@rambler.ru

Аннотация. Автором показано, что идея использования труда лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в процессе производства сельскохозяйственной продукции не является новой. В данной статье рассматриваются организационно-правовые основы исправительных заведений для несовершеннолетних, которые, как правило, представляли собой земледельческо-ремесленные колонии, приюты со школами садоводства, огородничества, пчеловодства и хмелеводства, городские ремесленные приюты. Создавая их, законодатель преследовал цель содействовать нравственно-социальному воспитанию, исправлению несовершеннолетних и распространению в народе знаний в области садоводства, огородничества, пчеловодства. Автор считает удачным опыт создания системы стимулов для воспитанников после успешного окончания школы садоводства и огородничества (выдача аттестата, одежды, денежных средств, освобождение от применения к ним в будущем телесных наказаний и др.). Сделан вывод о том, что путем создания школ садоводства и огородничества 2 разряда при исправительных приютах для содержания несовершеннолетних государство пыталось решить сразу несколько проблем: остановить разрастание детской и подростковой преступности, вооружить выпускников приютов знаниями в области сельского хозяйства, что в дальнейшем должно было бы облегчить процесс их ресоциализации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, земледельческо-ремесленные колонии, исправительные приюты со школами садоводства, огородничества, пчеловодства и хмелеводства, городские ремесленные приюты.

Для цитирования: Ельчанинов А. П. Исправительные заведения принудительного воспитания несовершеннолетних сельскохозяйственной специализации в Российской империи на рубеже XIX – XX вв.: к вопросу о целях создания и эффективности функционирования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 12–18.

Original article

**CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF COMPULSORY EDUCATION
OF MINORS OF AGRICULTURAL SPECIALIZATION IN THE RUSSIAN
EMPIRE AT THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES: ON THE ISSUE
OF THE GOALS OF CREATION AND EFFICIENCY OF FUNCTIONING**

Andrew P. Elchaninov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia, petrovich2102@rambler.ru

Abstract. The author shows that the idea of using the labor of persons serving a sentence of imprisonment in the production of agricultural products is not new. This paper examines the organizational and legal foundations of correctional institutions for minors, which, as a rule, were agricultural and craft colonies, orphanages with

schools of gardening, horticulture, beekeeping and hop-growing, city craft orphanages. By creating them, the legislator pursued the goal of promoting the moral and social education and correction of minors and the dissemination of knowledge in the field of gardening, horticulture, beekeeping among the people. The author considers the experience of creating a system of incentives for pupils after successful graduation from the school of gardening and truck farming successful (issuance of a certificate, clothing, money, exemption from corporal punishment in the future, etc.). It was concluded that by creating schools of gardening and truck farming of the 2nd category in correctional shelters for the maintenance of minors, the state tried to solve several problems at once: to stop the growth of child and adolescent crime, to equip the graduates of shelters with knowledge in the field of agriculture, which in the future should have made it easier the process of their resocialization.

Keywords: penitentiary system, agricultural and craft colonies, correctional shelters with schools of gardening, truck farming, beekeeping and hop-growing, city craft shelters.

For citation: Elchaninov A. P. Correctional institutions of compulsory education of minors of agricultural specialization in the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries: on the issue of the goals of creation and efficiency of functioning // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 12–18.

Данная публикация является продолжением серии работ автора, посвященных рассмотрению организационно-правовых основ исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников и вопроса о целесообразности создания и проблемах реализации сельскохозяйственных колоний и тюрем в конце XIX – начале XX в. [1; 2; 3]. Выбор этой темы не случаен, поскольку в современных условиях одной из стратегических целей, стоящих перед Россией, является обеспечение продовольственной безопасности, которая является составной частью национальной безопасности. Несмотря на очевидные успехи, достигнутые Россией в последние годы, потенциал агропромышленного комплекса страны использован далеко не полностью. В настоящее время в сельском хозяйстве задействованы предприятия различных форм собственности. Среди них не последнее место занимают специализированные сельскохозяйственные предприятия и подсобные хозяйства, находящиеся в ведении Федеральной службы исполнения наказаний, одной из основных задач которых является обеспечение продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы. К сожалению, производственные мощности этих предприятий и их эффективность являются пока недостаточными. Колонии, которые производят продукты питания, находятся по всей России, во всех семи климатических зонах и на 80 типах

почв, начиная от черноземов. Это 266,5 тыс. га сельхозземель, из них 156 тыс. га пашни, но используются только 91 тыс. га. Возможности пенитенциарной системы в производстве сельхозпродукции, проведении работ по восстановлению земель сельскохозяйственного назначения, лесов велики, но используются они пока не рационально. Как отмечал еще в 2016 г. на заседании при директоре ФСИН России главный научный сотрудник НИИ ФСИН России В. А. Седых, «в учреждениях ФСИН России в настоящее время действует фактически прикухонное хозяйство, фермерское по своим масштабам. Надо идти в промышленное сельское хозяйство» [4].

Нужно отметить, что идея привлечения к процессу производства сельскохозяйственной продукции лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, не является новой. На рубеже XIX – XX вв. эти идеи не только активно обсуждались на разных уровнях, но были и безуспешные попытки их реализации [5, с. 38–45].

Как известно, заведения принудительного воспитания в Российской империи назывались исправительными приютами. Их организационно-правовая форма регламентировалась нормами Закона 5 декабря 1866 г. [6]. В эти заведения помещались несовершеннолетние четырех категорий: 1) отдаваемые в них по определению и приговорам суда по причине совершения этими

несовершеннолетним законопротивных деяний; 2) отдаваемые по административным распоряжениям беспризорные несовершеннолетние (нищие, бродяги), находящиеся на пути порока и преступления; 3) несовершеннолетние, состоящие под следствием и судом в тех случаях, когда их задержание представляется необходимым; 4) несовершеннолетние, помещенные по воле и просьбе их родителей.

Как правило, эти заведения представляли собой земледельческо-ремесленные колонии, либо приюты со школами садоводства, огородничества, пчеловодства и хмелеводства, либо городские ремесленные приюты. Так, например, в 1883 г. Симбирским губернским тюремным комитетом по согласованию с управляющими Министерства государственных имуществ и Департамента земледелия и сельской промышленности при местном исправительном приюте для несовершеннолетних была учреждена Симбирская школа садоводства и огородничества, цель которой, как было определено в ее Уставе, распространение в народе знаний в области садоводства и огородничества.

Данные заведения находились в ведении Министерства государственных имуществ и Департамента земледелия и сельской промышленности. Непосредственный контроль осуществляли губернские тюремные комитеты и их отделения.

Подобные заведения финансировались за счет нескольких источников: 2 тыс. рублей ежегодно выделяло Министерство государственных имуществ в течение 15 лет, Департамент земледелия и сельской промышленности предоставлял кредиты в объеме финансовых смет; от частных лиц, обществ, учреждений поступали пожертвования; незначительная сумма предоставлялась губернскими тюремными комитетами; доходы, которые поступали от продажи продуктом тепличного, парникового и огородного хозяйства.

Продолжительность курса обучения в таких школах составляла 3 года, все воспитанники были распределены по трем клас-

сам. Кроме того, при заведении действовал приготовительный (подготовительный) класс [7, с. 417].

В 1 класс школы принимались воспитанники исправительного приюта в возрасте не менее 14 лет, знающие общеобразовательные предметы в объеме курса начального народного училища. В приготовительный (подготовительный) класс набирали воспитанников в возрасте 12–13 лет. Наполняемость классов определялась количеством 15–20 учеников. Продолжительность учебного дня составляла 10 часов – для учеников подготовительного и первого классов, 12 часов – для учеников последующих классов. Теоретический курс изучался с 15 октября по 1 апреля, а с 1 апреля до 15 октября длились практические занятия.

Для укрепления здоровья учеников и профилактики инфекционных заболеваний предусматривалось строгое соблюдение гигиенических мероприятий: еженедельное посещение бани, поддержание чистоты в комнатах, запрет пить сырую воду, ежедневные прогулки, регулярное посещение врача и др. [8, с. 104].

Весьма любопытны программы учебных курсов, утвержденные Министерством народного просвещения. В частности, наряду с общеобразовательными предметами и церковным пением, начиная с подготовительного класса, вводились специальные дисциплины:

- объяснение важнейших для земледелия явлений природы;
- основные понятия о правильных способах обработки земли, удобрения, ухода за растениями во время их роста, уборки и хранения вообще;
- учения о полезных и вредных для садоводства, огородничества и полевого хозяйства растениях и животных.

Распределение учебных часов для каждого класса поручалось Совету школы. С примерным распределением уроков в неделю для каждого класса можно познакомиться в таблице 1 [9, с. 486].

Ученикам всех классов в обязательном порядке должно было предоставляться вре-

Таблица 1 – Распределение уроков в неделю для каждого класса [9, с. 486]

Учебные предметы	Классы				Всего
	приготовительный (подготовительный)	1	2	3	
Закон Божий	2	2	2	2	8
Русский язык	5	3	3	3	14
Арифметика	5	2	2	2	11
Чистописание с черчением	2	2	2	2	8
Объяснение важнейших для земледелия явлений природы	–	2	2	2	6
Основные понятия о правильных способах обработки земли, удобрения, ухода за растениями во время их роста, уборки и хранения вообще	2	2	2	2	8
Учения о полезных и вредных для садоводства, огородничества и полевого хозяйства растениях и животных	–	4	4	4	12
Церковное пение	2	1	1	1	5
Итого	18	18	18	18	72

мя для выполнения домашних заданий в объеме не менее 2 часов ежедневно.

Все ученики в течение курса обучения должны были сдавать вступительные, переводные, выпускные экзамены. По теоретическому курсу переводные экзамены проводились в конце августа, по практическому – в течение всего лета, по мере выполнения сельскохозяйственных работ. Применялась пятибалльная шкала оценивания: 5 – «отлично», 4 – «хорошо», 3 – «удовлетворительно», 2 – «посредственно», 1 – «худо». На всех экзаменах присутствовали попечитель, управляющий, учитель-предметник.

Ученики после сдачи выпускных экзаменов для более полного ознакомления с садоводством и огородничеством направлялись в частные хозяйства на год на работы за вознаграждение, размер которого был заранее определен руководством школы с владельцами хозяйств. Ученики, выдержавшие успешно это практическое испытание, через год получали аттестат, в котором указывалась та сфера сельскохозяйственной деятельности, специалистами в которой они являлись. Лица, закончившие школу на отлично, получали льготы, касающиеся воинской повинности, к тому же они не могли подвергаться телесным наказаниям [10, с. 497].

Попечение о благосостоянии школы было поручено Губернскому тюремному комитету в лице попечителя. Он избирался Губернским тюремным комитетом и утверждался руководителем Министерства государственных имуществ. Попечитель, прослуживший в этом статусе не менее 3 лет, получал право на ряд преимуществ, которые были определены чиновникам VII класса, кроме пенсионного обеспечения [11, с. 137].

Попечитель должен был следить за правильностью организации образовательного процесса, выполнением учебных программ, служебной дисциплиной, сохранностью школьного имущества и т. д.

Обсуждение и решение вопросов, связанных с качеством преподавания учебных дисциплин, организацией практического обучения, осуществлялись Советом школы, состоящим из управляющего школой (он же являлся смотрителем исправительного приюта) и преподавателей.

Управляющий школой назначался по согласованию с Губернским тюремным комитетом и попечителем. Все штатное расписание школы утверждалось министром Министерства государственных имуществ [12, с. 17].

Кандидатов на должность управляющего должны были отличать высокая духовность, владение навыками преподавания, образованность, в первую очередь, в области сельскохозяйственного производства. Как правило, управляющий школы преподавал один из специальных предметов, названия которых нами были указаны ранее.

Управляющий и весь преподавательский состав получали жалование из казны и право пользования квартирой с отоплением на территории школы. За каждые пять лет службы в школе они могли претендовать на повышение на четверть ранее получаемого жалования. Они имели право на предоставление ежегодного отпуска: до 14 дней – с разрешения попечителя школы; свыше 14 дней до 1 месяца – с разрешения вице-президента Тюремного комитета; свыше 1 месяца – с разрешения Департамента земледелия и сельской промышленности. Рассмотрим особенности денежного содержания штатных работников на примере Симбирской школы садоводства и огородничества (таблица 2) [9, с. 494].

Однако, несмотря на ряд государственных преференций в отношении штатных работников исправительных приютов, в рас-

сматриваемый период проблема кадрового обеспечения повседневного быта и обучения малолетних преступников все же оставалась нерешенной.

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. путем создания школ садоводства и огородничества 2 разряда при исправительных приютах для содержания несовершеннолетних государство пыталось решить сразу несколько проблем: остановить распространение детской и подростковой преступности; продолжить окультуривание земель, большие площади которых оставались необработанными даже в европейской части России; вооружить выпускников приютов знаниями в области сельского хозяйства, что в дальнейшем могло бы облегчить процесс их ресоциализации. Кроме того, опыт создания системы стимулов для воспитанников после успешного окончания школы садоводства и огородничества (выдача аттестата, одежды, денежных средств, освобождение от применения к ним в будущем телесных наказаний и др.) тоже можно признать успешным. Полагаем, что такие возможности являлись значимым инструментом в деле перевоспитания и последующей социальной адаптации несовершеннолетних правонарушителей.

Таблица 2 – Денежное содержание штатных работников Симбирской школы садоводства и огородничества

Название должности	Количество	Годовое содержание (в руб.)	
		одному	всем
Управляющий школой	1	450	450
Преподаватели научных предметов	2	400	800
Законоучитель	1	200	200
Учитель общеобразовательных предметов в подготовительном классе	1	300	300
Учитель пения	1	50	50
На учебные пособия	–	–	200
Итого	6		2000

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ельчанинов А. П., Ельчанинова О. Ю. Исправительные приюты в системе исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в дореволюционной России: организационно-право-

вые основы // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. 2020. Ч. 1. С. 81–83.

2. Ельчанинов А. П. Организационно-правовая форма исправительных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи во второй половине XIX века // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 235–239.

3. Ельчанинов А. П. Особенности нормативно-правового регулирования исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних преступников в Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 2 (38). С. 30–36.

4. ФСИН может создать агрохолдинги для обеспечения продуктами заключенных // URL: <https://meat-expert.ru/forums/record/novosti-otrasli/sobytiya-otrasli/fsin-mozhet-sozdat-agrohol> (дата обращения: 27.04.2022).

5. Исправительные заведения для несовершеннолетних и приюты для арестантских детей // Тюремный вестник. 1895. № 8. С. 416–424.

6. Тальберг Н. Исправительные приюты и колонии в России // Журнал гражданского и уголовного права: Сентябрь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882. Кн. 6. С. 33–60.

7. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1900. 909 с.

8. Дриль Д. А. Призрение несовершеннолетних преступников «нравственно-испорченных» и беспризорных детей // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 100–112.

9. Устав Симбирской школы садоводства и огородничества 2 разряда, учрежденной в г. Симбирске при местном исправительном приюте для несовершеннолетних // Тюремный вестник. 1893. № 12. С. 484–494.

10. Устав Вятского исправительного приюта // Тюремный вестник. 1893. № 12. С. 495–497.

11. Беклешов М. Русские воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. 1910. № 1. С. 131–151.

12. Проект устава Специальной школы садоводства, огородничества и хмелеводства 2-го разряда, учреждаемой при Харьковском исправительном приюте для несовершеннолетних преступников. Харьков: Б. и., ценз. 1888. 19 с.

REFERENCES

1. Elchaninov A. P., Elchaninova O. Yu. Correctional shelters in the system of correctional institutions for juvenile delinquents in pre-revolutionary Russia: organizational and legal foundations // Penitentiary security: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation . In 2 parts. 2020, Part 1. P. 81–83. (In Russ.)

2. Elchaninov A. P. Organizational and legal form of correctional institutions for minors in the Russian Empire in the second half of the XIX century // Eurasian legal journal. 2020. No. 10 (149). P. 235–239. (In Russ.)

3. Elchaninov A.P. Features of the legal regulation of the execution of punishments for juvenile delinquents in the Russian Empire in the second half of the 19th century // Bulletin of the Samara Law Institute. 2020. No. 2 (38). P. 30–36. (In Russ.)

4. The Federal Penitentiary Service can create agricultural holdings to provide food for prisoners // URL: <https://meat-expert.ru/forums/record/novosti-otrasli/sobytiya-otrasli/fsin-mozhet-sozdat-agrohol> (date of access: 27.04.2022). (In Russ.)

5. Correctional institutions for minors and shelters for children under arrest // Prison Bulletin. 1895. No. 8. P. 416–424. (In Russ.)

6. Talberg N. Correctional shelters and colonies in Russia // Journal of civil and criminal law: September. Publication of the St. Petersburg Law Society. SPb.: Type. Governing Senate, 1882. Book. 6. P. 33–60. (In Russ.)

7. Code of Institutions and Statutes on Detainees // Code of Laws of the Russian Empire. T. XIV. SPb., 1900. 909 p. (In Russ.)

8. Dril D. A. Charity of juvenile delinquents of «morally spoiled» and homeless children // Public and private charity in Russia. SPb., 1907. P. 100–112. (In Russ.)

9. The charter of the Simbirsk school of gardening and horticulture of the 2nd category, established in the city of Simbirsk at the local correctional shelter for minors // Prison Bulletin. 1893. No. 12. P. 484–494. (In Russ.)

10. Charter of the Vyatka correctional shelter // Prison Bulletin. 1893. No. 12. P. 495–497. (In Russ.)

11. Bekleshov M. Russian correctional institutions for minors // Prison Bulletin. 1910. No. 1. P. 131–151. (In Russ.)

12. Draft charter of the Special School of Horticulture, Horticulture and Hop Growing of the 2nd category, established at the Kharkov correctional shelter for juvenile delinquents. Kharkov: B. and., qualification. 1888. 19 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ельчанинов А. П., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Yelchaninov A. P., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию: 28.12.2021; одобрена после рецензирования: 21.02.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 28.12.2021; approved after reviewing: 21.02.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 342:340.13(470)

О КАТЕГОРИИ «ОСНОВЫ» В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Венир Калимуллович Самигуллин

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, svk_02@mail.ru

Аннотация. В статье, исходя из самых общих посылов, отстаивается положение, что категория «основы» выполняет важную роль в философских системах, естественных и технических, гуманитарных и социальных науках, в том числе в юриспруденции, взятой в единстве ее теоретической и практической составляющих. Отмечается, что в советский период истории России (в СССР) категория «основы» была востребованной и активно используемой в осуществлении правового регулирования общественных отношений. На уровне СССР принимались Основы законодательства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы) по тем вопросам, по которым союзные республики принимали собственные кодексы. Посредством Основ обеспечивалось единство правового регулирования соответствующих видов общественных отношений, подпадающих под сферу правового воздействия. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года не предусматривает издания федеральных законодательных актов в форме Основ. Но категория «основы» не предана совсем забвению. В ином контексте она стала использоваться в правотворческой деятельности и в Российской Федерации. Указывается на то, в чем ценность категории «основы». Вместе с тем обращается внимание на то, что в смысле категории «основы права» используются и понятия «законодательство», «правовое регулирование».

Ключевые слова: категория, основы, законодательство, правовое регулирование, положительное гуманистическое общество, демократическое государство, гуманистическое право.

Для цитирования: Самигуллин В. К. О категории «основы» в теоретической и практической юриспруденции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 19–29.

Original article

ON THE CATEGORY OF «FOUNDATIONS» IN THEORETICAL AND PRACTICAL JURISPRUDENCE

Venir K. Samigullin

Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Ufa, Russia, svk_02@mail.ru

Abstract. Based on the most general premises, the article defends the position that the category of «foundations» plays an important role in philosophical systems, natural and technical, humanitarian and social sciences, including jurisprudence, taken in the unity of its theoretical and practical components. It is noted that in the Soviet period of the history of Russia (in the USSR), the category of «foundations» was in demand and actively used in the implementation of the legal regulation of social relations. At the level of the USSR, the Fundamentals of Legislation of the USSR and the Union Republics (further – Fundamentals) were adopted on those issues on which the Union republics adopted their own codes. By means of the Fundamentals, the unity of legal regulation of the relevant types of social relations falling under the scope of legal influence was ensured. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 does not provide for the issuance of federal legislative acts in the form of the Fundamentals. But the category of «basics» is not totally forgotten. In a different context it began to be used in law-making activities in the Russian Federation. It is indicated what is the value of the category «foundations». At the same time, attention is drawn to the fact that in the sense of the category «fundamentals of law» the concepts of «legislation», «legal regulation» are also used.

© Самигуллин В. К., 2022

Keywords: category, fundamentals, legislation, legal regulation, positive humanistic society, democratic state, humanistic law.

For citation: Samigullin V. K. On the category of «foundations» in theoretical and practical jurisprudence // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 19–29.

В философии – прародительнице, основе основ всех наук – категории «основы» уделяется серьезное внимание. Здесь (в философии) она используется для характеристики сущности явления или процесса. В некоторых философских системах обсуждается вопрос об основном вопросе философии. Так, по марксистско-ленинской философии, оцениваемой ее противниками как не истинное учение, а ложное, этот вопрос имеет две стороны. Принципиально важным считается правильно решить два вопроса: а) о соотношении материи и сознания (бытия и мышления, природы и духа); б) о познаваемости мира.

Проблематика основ актуальна также и в области естественных и технических, гуманитарных и социальных наук. Исследуются гносеологические и логические основы науки. Известны дисциплины типа «Основы теоретической логики», «Основы радиотехники», «Основы языкознания» и др. Существуют дисциплины, развивающиеся на стыке между философией и теми или иными науками. Например, основные философские проблемы медицины, физики, истории, политики и т. д.

В юриспруденции, взятой в единстве ее теоретической и практической составляющих, категория «основы» не оставлена без внимания тоже. «Основы теории государства и права», «Основы государственного управления», «Конституционные основы общей части уголовного права», «Основы теории доказательств в уголовном процессе», «Нравственные основы правоохранительной деятельности» и им подобные дисциплины были популярны еще в прошлом веке.

В советский период истории России (в СССР) категория «основы» была востребованной и активно используемой в осуществлении правового регулирования общественных отношений. Так, Конституция СССР 7 октября 1977 года именовалась Основным

Законом, определяющим устои советского конституционного строя [1, с. 21–31].

На общесоюзном уровне принимались Основы законодательства Союза ССР и союзных республик (сокращенно – Основы) по тем вопросам, по которым союзные республики (Азербайджанская ССР, Белорусская ССР, Грузинская ССР, Казахская ССР, Узбекская ССР, Украинская ССР и другие) принимали собственные кодексы. Посредством Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (1991 г., Основ жилищного законодательства (1981 г.), Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1958 г.), Основ гражданского судопроизводства (1961 г.) и другим Основам, подобным им, в СССР обеспечивалось единство правового регулирования соответствующих общественных отношений, подпадающих под сферу правового воздействия. По существу, в СССР Основы закладывали юридическую базу отраслевой дифференциации системы советского права и законодательства, устанавливали модус правомерного поведения, задавали направление развитию общественных отношений в пределах соответствующего предмета и метода правового регулирования, учитывая режимные характеристики субъектов и объектов права.

Данная форма некоторое время, до 1993 года, использовалась и в постсоветской России – в федерации, ориентирующейся больше на демократические ценности. Было принято порядка 10 Основ. В частности, Основы законодательства о культуре (1991 г.), Основы лесного законодательства (1993 г.) и другие.

Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года не предусматривает издания федеральных законодательных актов в форме Основ. По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, предусмотренным

статьей 72 Конституции Российской Федерации, на федеральном уровне стали практиковаться рамочные законы, на которые ориентируются субъекты Российской Федерации.

Однако категория «основы» не предана совсем забвению. В ином контексте, чем в советское время, она стала использоваться в правотворческой деятельности и в Российской Федерации, которая, по ее Конституции (статьи 1, 7, 14,) есть демократическое, федеративное, правовое, социальное, светское государство с республиканской формой правления.

Глава первая Конституции Российской Федерации, посвященная законодательным устоям российского конституционализма, именуется «Основы конституционного строя». Здесь существенны идеи о господстве права и верховенстве закона; правах и свободах человека и гражданина; суверенитете; разделении властей; местном самоуправлении; экономическом, политическом и идеологическом плюрализме.

Ценность категории «основы» в конституционном значении состоит, по меньшей мере, в следующем. Прежде всего, категория «основы» в конституционном значении означает первичность положений, заключенных в нормах статей Главы 1 Конституции Российской Федерации, для развития российского законодательства и практики его осуществления, а также обязательность этих положений для всех граждан и должностных лиц, для всех органов публичной власти (органов государственной власти и органов местного самоуправления), для юридических лиц всех видов собственности и организационно-правовых форм.

Посредством категории «основы» обеспечивается стабильность правового воздействия на развитие общества, единство, устойчивость построения и функционирования постсоветской государственности и ее структур. Категория «основы» указывает на то, что сложившийся в результате демократических преобразований конституционный строй в Российской Федерации незыблем. Положения, содержащиеся в статьях Гла-

вы 1 Конституции Российской Федерации, не могут быть изменены обычным парламентским путем. В статье 16 этой главы Конституции подчеркивается, что «положения настоящей главы Конституции составляют основы конституционного строя Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном настоящей Конституцией», что «никакие другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации».

Наконец, категория «основы» предполагает включение в состав правовой системы Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров. Если международным договором предусмотрены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (часть четвертая статьи 16 Конституции Российской Федерации).

Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации, в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации (статья 79 Конституции Российской Федерации).

Словом, категория «основы» в конституционном значении, являясь богатой по содержанию, универсальна. Она важна не только для внутригосударственного устройства Российской Федерации, развития ее правовой системы и осуществления правового регулирования, а еще и важна с точки зрения приобщения Российской Федерации к международному сообществу государств, международному праву, его регулятивной системе. Вместе с тем эта категория исполь-

зуются в Конституции Российской Федерации для того, чтобы Российская Федерация, ее руководство были достаточно твердыми в верности российскому конституционализму, Конституции Российской Федерации как его правовому ядру.

Синонимом категории «основы» является понятие «начала». Так, в российском гражданском законодательстве принята формула «основные начала». В статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации «Правовые начала гражданского законодательства» установлено:

«1. Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договоров, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав; обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

2. Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

3. При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

4. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

5. Товары, услуги и финансовые средства свободно перемещаются на всей территории Российской Федерации.

Ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться в соответствии с феде-

ральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей».

Цивилисты – хорошие юристы. Они отличаются искусностью в юридической казуистике, утонченностью в анализе фактов и права, изощренностью в толковании закона, продуктивностью в законодательных предложениях. Но порой цивилисты, погружаясь в действительные и мнимые тонкости гражданского правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений и некоторых тесно связанных с ними организационных отношений, перебарщивают в своих теоретических построениях, законодательных конструкциях, правовых решениях. Особенно в тех, что не всегда обоснованно заимствованы из иностранных правовых систем, в основном относящихся вперемешку то к правовой семье романо-германского (континентального) права, то англосаксонского (островного) права. Не редкость, когда правовые тексты перегружаются иностранными словами. Однако формула «основные начала» удачна. По существу она означает наиболее важные идеи, главные положения, лежащие в основе современного гражданского права и его механизма правового регулирования общественных отношений, переориентировавшихся на рынок, товарно-денежные инструменты. Успешно или нет, с точки зрения интересов обычных граждан, простых людей, – это уже другой вопрос.

В современном российском законодательстве встречается и понятие «правовая основа». Часто под ним понимаются принципы и нормы международного права, международные договоры, а также правовые акты национального законодательства (внутригосударственного права). Так, статья 2 «Правовая основа деятельности Правительства Российской Федерации» Федерального конституционного закона от 11 апреля 1997 г. № 2 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [2] гласит: «Правительство Российской Федерации осуществляет свою деятельность на основе Конституции Рос-

сийской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов и нормативных актов Президента Российской Федерации». Вопрос о правовой основе детальнее освещен в статье 4 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3]. Здесь закреплено: «Правовую основу местного самоуправления составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, издаваемые в соответствии с ними иные федеральные нормативные правовые акты Российской Федерации (указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти), конституции (уставы) и иные правовые акты субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований, решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан, и иные муниципальные правовые акты». Схожие положения содержатся в статьях и других федеральных законов. Показательны: статья 3 Федерального закона от 17 января 1993 г. № 2002-1-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [4]; статья 4 Федерального закона от 5 июля 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]; статья 4 Федерального закона от 6 марта 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [6]; статья 1 Федерального закона от 26 февраля 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [7]; статья 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [8]; статья 3 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [9]; статья 3 Федерального закона от 22 июня 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [10] и др.

В некоторых случаях (например, в Федеральном законе от 4 июня 2004 г. № 54-ФЗ

«О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях») [11] в смысле правовой основы законодатель ведет речь о законодательстве. В части первой статьи 1 этого закона установлено: «Законодательство о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях основывается на положениях Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и включает в себя настоящий Федеральный закон и иные законодательные акты Российской Федерации, относящиеся к обеспечению права на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований. В случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом нормативные правовые акты, касающиеся обеспечения условий проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, издаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

Вместо категории «правовая основа» законодатель использует и понятие «правовое регулирование». В этом случае перечисляются правовые акты, к которым прибегают для урегулирования какого-то вида или подвидов общественных отношений. Например, такой подход реализован в статье 3 Федерального закона от 17 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12]. Здесь закреплено:

«1. Регулирование правоотношений, связанных со службой в органах внутренних дел, осуществляется в соответствии с:

1) Конституцией Российской Федерации;

2) настоящим федеральным законом;

3) Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и другими федеральными законами, регламентирующими правоотно-

шения, связанные со службой в органах внутренних дел;

4) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации;

5) нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации;

6) нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел;

2. В случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации, указанными в части 1 настоящей статьи, к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, применяются нормы трудового законодательства.

3. Если международным договором Российской Федерации, ратифицированным в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, применяются правила международного договора Российской Федерации».

Применительно к своему предмету регулирования аналогично решается вопрос и в статье 2 Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы»» [13].

Категория «основы» связана также с понятием «принципы». Но категория «основы» важнее, чем понятие «принципы». Во взятой в различных измерениях системе (механизме) правового регулирования общественных отношений принципы предстают, по существу, как конкретизированное выражение основ.

Понятие «правовая основа» уместно особенно тогда, когда законодатель ставит своей целью различать правовую основу явлений и процессов от социальных и экономических основ этих явлений и процессов, или политических и идеологических, финансовых и организационных их основ, или ставит целью отделить правовую основу от всех этих основ, взятых вместе.

Законодательство может служить юридической основой регулирования общественных отношений. И в целом ряде случаев, с точки зрения практики как таковой, особенно если исходить из особенностей уровня правосознания и степени развития правовой культуры, менталитета русского населения в целом, ориентировать на законодательство всякого и каждого в выборе вариантов поведения вполне оправданно. В нем можно найти нормы, определяющие, что полезно, а что вредно; что можно (разрешено), а что нельзя (запрещено); что желательно, а что опасно и рискованно; что поощряется и что наказывается. Однако такой подход сопряжен и с определенными проблемами. Во-первых, в юридической литературе не достигнута необходимая и достаточная определенность в понятии «законодательство». Во-вторых, закон и право не тождественные понятия; дискуссионным является вопрос о понятии «правовой закон». В третьих, в действующем российском законодательстве, особенно учитывая то, что оно двухуровневое (федеральное и региональное), существуют противоречия, пробелы, с которыми связаны сложности в осуществлении надежной и эффективной реализации права, в частности, в осуществлении обоснованного и справедливого правоприменения. Отсюда – необходимость прибегать к правовым обычаям и традициям, правовым обыкновениям, договорной практике, толкованию права. Заметим, в международном праве, которое играет все большую роль в организации и развитии национального законодательства главными источниками права (или, как говорят некоторые авторы, формами права) являются обычай и договор, а вовсе не закон в принятом во внутригосударственном праве специально-юридическом значении. Словосочетание «международное законодательство», используемое иногда в лексиконе политиков, – метафора, а не научное понятие, не строгий юридический термин. Следовательно, с точки зрения общей теории права и государства, если угодно философии права, рассматривать законодательство в смысле

правовой основы не точно. По сравнению с законодательством «правовая основа» – более фундаментальная категория. И природа ее нуждается в более углубленном изучении. Тем не менее, еще раз подчеркнем, с точки зрения сугубо практических соображений, в ряде случаев законодательство вполне допустимо рассматривать в качестве юридической основы регулирования определенных общественных отношений.

В самом общем виде правовое регулирование представляет особый социальный способ и своеобразный процесс воздействия на общественные отношения, сердцевину которых образует поведение субъектов права, в целях их упорядочения, охраны и развития в соответствии с социальными потребностями. Главными в предмете правового регулирования являются четыре группы отношений: отношения по обеспечению прав и свобод человека и гражданина; отношения по обеспечению национальной безопасности; властеотношения (субординационные отношения); отношения по обмену материальными и нематериальными ценностями (координационные отношения). Актуален системный подход к пониманию природы правового регулирования, который предполагает установление общего, отраслевого и институционального механизма правового регулирования. В осуществлении правового регулирования значительна роль государства, что не исключает «подключение» к правовому регулированию и других субъектов права: граждан, общественных объединений, партий и т. д. При таком подходе выясняется, что инструментарий правового регулирования сложен и разнообразен. При осуществлении правового регулирования используются различные правовые средства, а также методы и режимы, которые не сводятся к тому, что относится к содержанию категории «правовая основа». Особенно если понимать эту категорию узко, лишь как специально-юридическую нормативную составляющую, в которую избирательно включены только определенные источники (формы) права. В этом случае не только категория «правовая основа» и понятие

«правовое регулирование» не совпадают, а содержание системы (механизма) правового регулирования сильно обедняется. В социальном плане это опасно тем, что может привести к взаимному отчуждению власти и народа. В этом случае не исключено то, что государство, оторвавшись от общества – людского субстрата, своей естественной основы, питающей ее социальной среды, корневой системы, оказавшись в плену мифа о том, что оно представляет самодостаточную и всесильную структуру, под влиянием и натиском тех или иных неконструктивных и агрессивных социальных сил, может обрушиться. А народ, впад в анархию, может стать неуправляемой и неконтролируемой массой, опасной для самого себя и государственности, любой публичной власти.

Таким образом, категория «правовая основа» вполне самостоятельное правовое образование, которое необходимо отличать от понятий «законодательство» и «правовое регулирование». И это, представляется, должно быть принято во внимание теми, кто приобщен к правотворчеству (законотворчеству) и реализации права (особенно к правоприменительной деятельности: управленческой, контрольной, надзорной, судебной).

Для правотворческой деятельности законодателя в постсоветской России характерна практика включения в структуру ряда законодательных актов особых статей, в которых обозначаются либо основные понятия (таковы, к примеру, статья 3 Федерального закона от 19 апреля 2002 г. № 63-ФЗ «О гражданстве» [14]; статья 1 Федерального закона от 19 февраля 1993 г. № 4528-1-ФЗ «О беженцах» [15]), либо основные термины (например, статья 1 Федерального закона от 7 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [16]), либо и первые, и вторые, то есть и термины, и понятия, представляемые равно как основные. Например, статья 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3].

Сама по себе эта практика конструктивна. Особенно тогда, когда имеет место трансформация общественных отношений, уход от одних ценностей (устаревших) и переход к другим ценностям (новым). И, следовательно, заслуживает поддержки. Однако, если рассуждать строго научно, то «термин» – одно, а понятие – другое [17, с. 456–460; 594–595]. Но законодатель использует слова «понятие» и «термин», зачастую не особо заботясь о проведении различия между ними. Не всегда он проводит различия также между дефиницией (определением) и понятием. А это требует критического подхода к тому, что законодатель представляет в качестве термина или понятия. Особенно тогда, когда они (понятия и термины), обозначаясь как основные, совмещаются в тексте одной статьи. Актуализируется тема классификации юридического материала, правового толкования. Это важно, ибо в противном случае, утерев главное, наиболее важное, что составляет суть основного понятия или основного термина, можно увязнуть во второстепенном, малозначительном. А это может сказаться разрушительно на правовой конструкции, вроде бы устоявшейся и прочной, а также на нормальном развитии общественных отношений, соответствующих естеству человека, который в единстве с правами и свободами является, по Конституции Российской Федерации (статья 2), высшей ценностью. И российское государство обязалось призвать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Важнейшим институтом современного права продвинутого общества и его государственности, особенно в части международного права и конституционного права, являются права и свободы человека и гражданина, среди которых основные права и свободы. Статьи 17–64, заключенные в Главе 2 Конституции Российской Федерации, полностью посвящены им. Положения, образующие содержание этих статей, составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном

в Главе 9 Конституции Российской Федерации «Конституционные поправки и пересмотр Конституции». Также основные права и свободы человека и гражданина, перечисленные в Конституции Российской Федерации, не могут толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Не должны издаваться в Российской Федерации законы, отменяющие или умаляющие эти права и свободы человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены, но только федеральным законом и лишь в той степени, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При чрезвычайном положении, вводимом на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя, могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока действия и лишь при наличии соответствующих обстоятельств и только в порядке, установленном федеральным законом. Вместе с тем, ряд признаваемых и гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод, предусмотренных статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46–54, не подлежат ограничению.

Стремясь подчеркнуть важную роль, которую Конституция Российской Федерации выполняет в правовом регулировании значимых общественных отношений, в народе часто именуют ее основным законом страны – России, хотя в брошюрном тексте Конституции так она нигде не обозначается. Вместе с тем, в обществе уже при подготовке проекта Конституции Российской Федерации к принятию и при принятии на всенародном голосовании были противники этой Конституции. Существуют они и ныне.

Сегодня отношение к действующей Конституции таково. Одни предлагают отменить ее или внести в нее кардинальные изменения. Другие противятся этому. Третьи

выступают за внесение в текст Конституции точечных изменений и, как показывает практика, добиваются успеха. Показательны законы Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации.

Права и свободы человека и гражданина, особенно естественные, неотчуждаемые, основные, столь значимы для развития человека, природы, общества, государственности, что если вдруг в России опять актуализируется тема принятия новой Конституции, то они должны быть выдвинуты на передний план. Популярное в настоящее время понятие «гражданское общество» – это то же, что буржуазное общество. Оно является устаревшим, поскольку в скрытом виде отражает устои уходящего общества и его государственности, интересы олигархов и сращенных с ними бюрократов-временщиков. И коммунизм, низшей стадией которого, по марксизму-ленинизму, является социализм, который, надо сказать, тоже коммунизм, но данный в зачаточных или в более или менее развитых формах, не предел развития человечества. Если не цепляться за устаревшие догмы; не зажигаться утопическими идеями; не создавать проблемы на пустом месте, чтобы затем их «успешно разрешать», то конструктивна и перспективна для развития человечества, взятого в общемировом и национальном «срезах», не очень романтическая, но вполне реалистическая идея о положительном гуманистическом обществе, гуманистическом праве, демократической государственности. Идея, где человек – мера всех вещей, решающая энергетическая сила социального развития, а публичная власть, в которой государственная власть – одна из ее составляющих, связана правом, поставлена в правовые рамки и служит человеку и обществу, обеспечивает счастливую жизнь людей. Следовательно, институт прав и свобод

человека и гражданина должен быть заглавным в Конституции, с него должна начинаться новая Конституция, если она состоится.

Анализ законодательства и практики его реализации показывает, что в теоретической и практической юриспруденции существует множество производных от категории «основы». Например, правовая и фактическая основа юридического дела; основания для оспаривания действительности сделки; основания для задержания; основания юридической ответственности; основания, исключающие юридическую ответственность; основания, освобождающие от юридической ответственности и т. д., и т. п. Прохождение государственной службы в органах внутренних дел сопряжено с ситуациями, требующими применения физической силы сотрудников. В таких случаях важно, с одной стороны, пресечь противоправное поведение, а с другой – обеспечить личную безопасность сотрудника органов внутренних дел. А это, по К. В. Денисенко, предполагает формирование правовых основ у лиц, противостоящих преступности; принятие мер в направлении обретения будущими сотрудниками полиции в области правоохранительной деятельности умений и навыков эффективно применять и физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, в отношении тех, кто нарушает права и свободы человека и гражданина, закон, следовательно, ведет себя неправомерно [18, с. 71–74].

Если, по мнению теологов, человеку нельзя жить без Бога в душе и без Царя в голове, то в теоретической и практической юриспруденции невозможно обойтись без категории «основы», которая содержательно богата и функционально многозначна, и по мере углубления в предмет может открываться все новыми и новыми сторонами и гранями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Берлявский Л. Г. Основы советского конституционного строя: концепции правопонимания // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей / под ред. Т. В. Замятиной; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. Вып. 20. 332 с.

2. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2 ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 51. Ст. 5711.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
4. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1993 г. № 2002-1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
5. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 5 июля 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 6 марта 1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.
7. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 26 февраля 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.
8. О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.
9. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
10. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 22 июня 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть 1). Ст. 4159.
11. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 4 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.
12. О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 17 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 № 49 (часть 1). Ст. 7020.
13. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы»: Федеральный закон от 3 июня 2018 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 30. Ст. 4532
14. О гражданстве: Федеральный закон от 19 апреля 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.
15. О беженцах: Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации. 1993. № 12. Ст. 425.
16. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 7 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
17. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Второе, исправленное и дополненное, издание. М.: Издательство «Наука», 1975. 720 с.
18. Денисенко К. В. Формирование правовых основ применения физической силы у слушателей, проходящих профессиональное обучение // Проблемы правоохранительной деятельности. Белгород. 2021. № 3.

REFERENCE

1. Berlyavsky L. G. Fundamentals of the Soviet constitutional system: concepts of legal understanding // Constitutional development of Russia: interuniversity collection of scientific articles / ed. T. V. Zamyatina; Saratov State Law Academy. Saratov: Sarat Publishing House. state legal acad. 2021. Issue. 20. 332 p. (In Russ.)
2. On the Government of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of December 17, 1997. No. 2 FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 51. Art. 5711. (In Russ.)
3. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Art. 3822. (In Russ.)
4. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of January 17, 1993 No. 2002-1-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Art. 4472. (In Russ.)

5. On operational-search activity: Federal Law of July 5, 1995 No. 144-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3349. (In Russ.)
6. On the status of military personnel: Federal Law of March 6, 1998 No. 76-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 22. Art. 2331. (In Russ.)
7. On countering terrorism: Federal Law of February 26, 2006 No. 35-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 11. Art. 1146. (In Russ.)
8. On the Investigative Committee of the Russian Federation: Federal Law of December 28, 2010 No. 403-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. fifteen. (In Russ.)
9. On the Police: Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900. (In Russ.)
10. On the troops of the National Guard of the Russian Federation: Federal Law of June 22, 2016 No. 226-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (part 1). Art. 4159. (In Russ.)
11. On meetings, rallies, demonstrations, marches and pickets: Federal Law of June 4, 2004 No. 54-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 25. Art. 2485. (In Russ.)
12. On service in the internal affairs bodies and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of November 17, 2011 No. 342-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011 No. 49 (part 1). Art. 7020. (In Russ.)
13. On service in the penitentiary system of the Russian Federation and on amendments to the Law of the Russian Federation «On institutions and bodies executing punishment in the form of deprivation of liberty»: Federal Law of June 3, 2018 No. 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 30. Art. 4532 m. (In Russ.)
14. On Citizenship: Federal Law of April 19, 2002 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 22. Art. 2031. (In Russ.)
15. On refugees: Federal Law of February 19, 1993 No. 4528-1-FZ // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation. 1993. No. 12. Art. 425. (In Russ.)
16. On the state civil service of the Russian Federation: Federal Law of July 7, 2004 No. 79-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 31. Art. 3215. (In Russ.)
17. Kondakov N. I. Logical dictionary-reference book. Second, revised and enlarged edition. Moscow: Nauka Publishing House, 1975. 720 p. (In Russ.)
18. Denisenko K. V. Formation of the legal basis for the use of physical force among students undergoing vocational training // Problems of law enforcement. Belgorod. 2021. No. 3. (In Russ.)

Информация об авторе:

Самигуллин В. К., доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

Samigullin V. K., Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию: 01.03.2022; одобрена после рецензирования: 26.04.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 01.03.2022; approved after reviewing: 26.04.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК [354:351.74]:351.862.44(470)"1910/1918"

**ЦИРКУЛЯРЫ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МВД РОССИИ
ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ШПИОНАЖУ
В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Владимир Викторович Синиченко¹, Сергей Михайлович Белозерцев²

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия, v.v.sinichenko@bk.ru

² Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, zuyn03@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ Циркуляров департамента полиции Российской империи, направленных на организацию деятельности сотрудников МВД России по борьбе со шпионажем. Делается вывод, что этот вид нормативного акта, во-первых, разъяснял сотрудникам охранных и жандармских подразделений, как вести агентурную работу, выявлять агентов иностранных держав территориальным органам МВД Российской империи. Во-вторых, этот вид ведомственного нормативного акта определял алгоритм взаимодействия сотрудников МВД России и офицеров военного министерства при осуществлении контрразведывательных функций государства. Анализ Циркуляров Департамента полиции показывает, что наибольшую угрозу власти ожидали от шпионажа подданных Австро-Венгерской империи (многие из которых были славяне, понимающие русский язык) и китайцев, находившихся с коммерческими целями на территории Российской империи. Возлагая на МВД России контрразведывательные функции, вместе с тем власти подчеркивали, что сотрудники МВД не должны были ими увлекаться в ущерб «политическому и уголовному сыску». Кроме того, сотрудникам МВД Российской империи было запрещено оказывать содействие военным разведчикам Российской империи на территории иностранных держав.

Ключевые слова: контрразведка, разведка, циркуляры Департамента полиции, австрийцы, китайцы, военные округа, уголовный розыск.

Для цитирования: Синиченко В. В., Белозерцев С. М. Циркуляры департамента полиции МВД России по вопросам противодействия шпионажу в механизме правового регулирования накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 30–36.

Original article

**CIRCULARS OF THE POLICE DEPARTMENT OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA ON COUNTERING ESPIONAGE
IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION ON THE EVE
AND DURING THE FIRST WORLD WAR**

Vladimir V. Sinichenko¹, Sergey M. Belozertsev²

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, v.v.sinichenko@bk.ru

² East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, zuyn03@mail.ru

Abstract. The article analyzes the Circulars of the Police Department of the Russian Empire, aimed at organizing the activities of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia to combat espionage. It is concluded that this type of normative act, firstly, explained to the employees of security and gendarme units how to conduct intelligence work, to identify agents of foreign powers to the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. Secondly, this type of departmental normative act determined the

© Синиченко В. В., Белозерцев С. М., 2022

algorithm of interaction between employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia and officers of the War Ministry in the implementation of counterintelligence functions of the state. An analysis of the Circulars of the Police Department shows that the authorities expected the greatest threat from the espionage of the subjects of the Austro-Hungarian Empire (many of whom were Slavs who understood Russian) and the Chinese who were on the territory of the Russian Empire for commercial purposes. While assigning counterintelligence functions to the Ministry of Internal Affairs of Russia, at the same time, the authorities emphasized that the employees of the Ministry of Internal Affairs should not get carried away with them to the detriment of «political and criminal investigation». In addition, the employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire were prohibited from providing assistance to the military intelligence officers of the Russian Empire on the territory of foreign powers.

Keywords: counterintelligence, intelligence, police department circulars, Austrians, Chinese, military districts, criminal investigation.

For citation: Sinichenko V. V., Belozertsev C. M. Circulars of the police department of the ministry of internal affairs of Russia on countering espionage in the mechanism of legal regulation on the eve and during the first world war // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 30–36.

Опыт деятельности российской полиции в чрезвычайных условиях военного времени, когда все усилия российского государства направлены на обеспечение нужд фронта, представляет большой интерес для современного читателя. Действительно, в российской истории уже был период, когда тыл страны, оказавшись в условиях тотального дефицита товаров, разлагался не только протестными акциями, но и сопровождался всплеском преступности, существенно осложнявшей оперативную обстановку.

Современная международная обстановка характеризуется глобальным геополитическим напряжением. В результате в ближайших сопредельных территориях, да и в самой Российской Федерации осуществляются антигосударственные и антиобщественные акции, направленные, в конечном итоге, на ослабление сложившейся Российской государственности. Поэтому опыт деятельности органов внутренних дел России по противодействию криминальному давлению в сложных международных условиях актуален в настоящее время и необходим для корректировки тактических и стратегических планов Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Отметим, что анализ содержания Циркуляров Департамента полиции МВД Российской империи по противодействию шпионажу пока недостаточно исследованная тема в отечественной историографии. Вместе с тем есть ряд работ, в которых довольно под-

робно описана деятельность Департамента полиции в этом направлении [1; 2; 3; 4; 5]. Особое внимание при этом уделяется анализу взаимодействия российских министерств в годы Первой мировой войны, перераспределению между ними тех или иных полномочий [6; 7].

Этот вопрос интересен тем, что накануне Первой мировой войны и в годы войны борьбой со шпионажем занимались два ведомства Российской империи: Военное министерство (имеющее сеть контрразведывательных отделений при Штабах военных округов) и МВД (возложившее эту обязанность на губернские жандармские управления и жандармско-полицейские управления железных дорог). При этом жандармы в контрразведывательной деятельности использовали при реализации своих полномочий и иные полицейские учреждения, находившиеся с ними в рамках единого министерства.

Потребность обеспечения охраны государственной безопасности на низовом уровне в условиях недостаточной численности контрразведывательных отделений Военного министерства вызвала к жизни различные инициативы привлечения жандармов и полицейских для оказания содействия государственным органам в этом деле.

Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что впервые Циркуляр по созданному в 1898 г. Особому Отделу Департамента полиции, который регулировал вопросы противодействия сотрудниками

МВД Российской империи шпионажу появился 25 декабря 1910 г. за № 119955. В нем начальникам Губернских областных жандармских, Железнодорожных полицейских управлений и Охранных отделений предписывалось срочно оказать содействие военным властям России (Военно-окружным штабам) по противодействию военно-шпионской деятельности. В циркуляре отмечалось, что «борьба с военным шпионством» является обязанностью не только чинов Военного ведомства, но и МВД Российской империи.

Причина появления данного документа определялась тем, что начальники жандармских управлений и охранных отделений МВД Российской империи не относились к этому вопросу ранее «с должным вниманием и усердием». Поэтому товарищ министра внутренних дел, командир корпуса жандармов (П. Г. Курлов) приказал офицерам корпуса жандармов принять неотложные и срочные меры к «прекращению развития военно-шпионской деятельности в России». Офицеры Корпуса жандармов и районных охранных отделений обязывались завести секретную агентуру для выявления шпионов с последующим их привлечением к уголовной ответственности на основании ст. 108–119 Уголовного Уложения» [8, л. 13–14].

Предлагая активизировать агентурную деятельность по линии выявления иностранных шпионов, Департамент полиции требовал, чтобы чинов МВД не только выполняли отдельные поручения военных властей – Штабов военных округов, но и действовали «...вполне самостоятельно и по собственному выбору применяли те или иные розыскные приемы» [8, л. 15]. Вместе с тем Департамент полиции предупредил чинов жандармского ведомства чтобы они чрезмерно не увлекались «контрразведческой деятельностью» и не забывали о своих обязанностях по ведению политического розыска. Приводился пример того, как один жандарм вызвался посредничать между разведывательными органами Военного Министерства России и находящимися за границей их агентами, в результате чего был «...задержан за границей местными властями

и подвергнут долговременному тюремному заключению» [8, л. 17].

Департамент Полиции предупреждал, что прежде всего стоит установить наблюдение за австрийскими подданными на российской территории и выявить их преступные связи [8, л. 16]. Буквально накануне Первой мировой войны 25 июня 1914 г. был издан Циркуляр Департамента полиции № 173431. В нем говорилось, что от Генерального Штаба России были получены сведения о новом приеме военного шпионажа, практикуемом в пределах России разведками иностранных государств. Иностранные разведчики действовали под видом туристов, посещавших исключительно важные в стратегическом отношении местности. Как правило, такие «туристы» нанимали в качестве компаньонов русских подданных, которые за материальное вознаграждение принимали участие в шпионаже в пользу иностранной державы. Циркуляр отмечал, что военные разведчики – «туристы» – вели в целях вовлечения российских подданных в преступный промысел широкий разгульный образ жизни, привлекая к своей особе тех россиян, которые нуждались в средствах.

Российские власти фиксировали, что «туристы» пытались установить контакт как с соотечественниками, проживавшими длительное время в России, так и с другими путешественниками-иностранцами, передвигающимися с целью туризма по России [9, л. 2]. Поэтому Департамент Полиции просил чинов ведомства «...обратить внимание на вышеописанный новый способ военного шпионства», выявлять шпионские сети путем установления негласного наблюдения за туристами и в случае установления фактов шпионажа виновных задерживать, обыскивать и подвергать уголовному преследованию. Если же улики для обвинения в шпионаже было собрано недостаточно, то в отношении подозрительных иностранцев предполагалось применять ст. 950 Уложения о Наказаниях и ст. 205 Устава административной высылки». Иностранцы должны быть задержаны и в административном по-

рядке высланы из России до окончания их туристического турне.

Таким образом, предлагалось российским властям не привлекать лиц, заподозренных в шпионаже, к следствию и суду, а высылать за пределы Российской империи с запретом посещать ее вновь [9, л. 3].

28 июля 1914 г. в первый день войны был издан Циркуляр Департамента полиции № 174678. В нем отмечалось, что «...китайцы-торговцы представляют собой элемент, из которого легко могут вербоваться военные разведчики в пользу Иностранных Держав» [9, л. 4].

Действительно, в 1913 г. в пределах Варшавского военного округа было задержано несколько китайцев-торговцев, обвиненных в шпионаже в пользу Германии. Кроме того, на протяжении первых 13 лет XX века японцы неоднократно использовали китайских подданных как диверсантов и разведчиков против Российского государства. Поэтому Департамент полиции Российской империи предписывал своим чинам собрать сведения о количестве и цене товара у китайских торговцев и определить действительно ли они получают прибыль или используют мелочную торговлю для сбора сведений о дислокации российских войск. В случае если бы были добыты сведения, дающие повод заподозрить китайцев в военном шпионаже, их надлежало задерживать и содержать в заключении для последующего решения или по привлечении их к суду, или для последующей депортации [9, л. 5].

Начавшаяся мировая война в 1914 г. добавила новых задач российской полиции. Важной задачей стало проведение арестов революционеров.

5 ноября 1916 г. был издан Циркуляр Департамента полиции по Особому Отделу № 145032/383 «Об уголовном розыске» лиц, которые могли оказать содействие иностранным шпионам. В нем офицерам, ведущим уголовный розыск, и жандармским офицерам передавались списки «А», «Б», «В» разыскиваемых лиц, а также экземпляры розыскных карт. В розыскных картах содержались данные о возрасте, месте рождения,

вероисповедании, сословном звании, профессии и последнем месте работы разыскиваемого лица, сообщались также установочные данные на ближайших родственников. В них описывались особые приметы разыскиваемого лица, имелась его фотографическая карточка, антропометрическое измерение или дактилоскопическое исследование, проведенные ранее сотрудниками МВД Российской империи. Отмечалось его положение в политической или религиозной партии, указывалось, если был побег, откуда он был совершен (с мест высылки или из места заключения), когда и при каких обстоятельствах. Также в розыскной карте отмечалось по какой статье уголовного или административного законодательства ранее задерживалось разыскиваемое лицо, по каким уголовным статьям закона он обвинялся, а если был подвергнут высылке или надзору, то где именно, на какой срок и на каких условиях [10, л. 29].

Каждая розыскная статья списка полностью отпечатывалась на отдельных розыскных картах, эти карты находились в местных полицейских и жандармских учреждениях. Карты для Сыскных отделений печатались на картоне, а для прочих жандармских и полицейских управлений – отдельными листами на обычной бумаге. Кроме того, делался оттиск фотографий для розыска, выдаваемый рядовым сотрудникам полиции и жандармерии [10, л. 28].

В приложении к Цирюляру говорилось, что при составлении списков все разыскиваемые лица делились на несколько групп:

1. В группу «А» входили лица, подлежащие немедленному обыску и аресту. Причем, эта группа делилась на две части: в «А/1» входили экстремисты (эсеры-террористы из «Боевой организации» и анархисты), в «А/2» – революционеры-пропагандисты.

2. Группу «Б» составляли разыскиваемые лица, за которыми нужно было только установить наблюдение для выявления их антигосударственных связей.

3. В группу «В» попадали лица, которым въезд в Российскую империю был воспрещен. Их надлежало арестовать и депортировать.

Департамент полиции просил сотрудников МВД, в случае обнаружения кого-либо из разыскиваемых лиц, использовать соответствующий картографический аппарат для принятия правоохранительной меры и последующего сообщения о достигнутых результатах в Департамент полиции [10, л. 29]. Благодаря разработанной системе жандармами жандармско-полицейского управления Китайской Восточной железной дороги в 1916 г. был осуществлен арест (ликвидация) в Харбине четырех, на станции Маньчжурия – трех шпионов. Еще пятеро китайских агентов были задержаны в России вместе с бежавшими из русского плена германскими военнопленными [11, л. 50–51].

Важным направлением розыскной деятельности российской полиции и жандармерии в годы Первой мировой войны стал розыск бежавших военнопленных. Так, уведомление отдельного корпуса жандармов ротмистра Попова от 28 ноября 1916 г. за № 2942 иркутскому полицеймейстеру свидетельствует, что полиция Иркутской губернии ориентировалась на поимку следующих военнопленных: «Иоганна Хауэра 20-ти лет, бежавшего с работ на Ивановском заводе Уфимской губернии; Тюзен Смерака, 24 года, среднего роста, блондина, по-русски говорит хорошо; одетого в пиджак башлычного сукна, черную фуражку и высокие сапоги, бежавшего с перегона Саблино-Петроград из состава поезда № 25, рядового 12-го пех. полка австрийской армии; Юзефа Медуна, военнопленного австрийской армии бежавшего из Конотоиского уезда с работ; Франца Матони, военнопленного германской армии, бежавшего из лагеря, при дер. Липки, близ Шлисельбурга; нижних чинов австрийской армии – Юзефа Саво, мадьяра, среднего роста, усы черные густые завитые вверх, на лице имеются небольшие следы оспы, и Франца Флодера, ниже среднего роста, волосы на голове и усы черные, борода бритая, бежавших из Ташкента, где они были распределены на работы» [10, л. 27].

Из Твери бежал с работ австриец 56-го полка Юзеф Вопичка, «...39 лет, волосы темно-русые, бороду бреет, усы коротко

острижены, на шее может быть повязка, голову держит несколько на правый бок, одет в русский черный пиджак, серые штаны, черную кепку и старые ботинки, по-русски говорит плохо» [10, л. 27].

Из Ташкента, из госпиталя, сбежал целый ряд военнопленных: нижний чин Иштвак Гентякский «...20 лет, волосы русые и усы, среднего роста; рядовой 36-го ландверского полка Семен Деделюк, 27 лет, среднего роста, волосы на голове русые, одет в русскую шинель, шаровары австрийские и боты; Николай Куланский, рядовой 55 пехотного полка, 24 года, среднего роста, волосы темно-русые, усы небольшие темно-русые, русин, одет, в австрийскую форму; Дмитрий Овичин, 28 лет, словенец, высокого роста, полный, волосы черные, и усы черные, небольшие, одет в австрийскую форму» [10, л. 28]. Бежал из Ташкента и нижний чин австрийской армии – Валентин Гауфман, среднего роста, в кепке и вольной тужурке.

Из другого госпиталя в Омске сбежал чех, санитар Веселый Румольф. «Из города Хвалынска с работ бежали германцы Вергочерд Цилинский и Флоранд Томан. Из Харькова австрийцы: Юзеф Глоушек, чех, 22 года, роста ниже среднего, волосы темно-русые, усов нет, спереди нет 4 зубов; работавший на военном кладбище, чех Ян Каулашек, 22 года, среднего роста, лицо круглое, волосы и усы русые». С работ строящейся железнодорожной линии «Волохов-Рыбинск», сбежал германец Михаил Маркс, 36 лет, среднего роста, темно-русый, плохо говорящий по-русски и австриец Андриан Акимов, 30 лет, среднего роста, светло-русый, не знающий русского языка. [10, л. 29].

Из Ташкента сбежал нижний чин 87 полка австрийской армии Франц Хюранс, 30 лет, среднего роста, волосы черные, небольшие усы, без бороды. Из г. Кузнецка с работ бежали Иосиф Куцер и Вацлав Кадлец. С работ в Уфимском уезде из селения Киржацкого затопа сбежали военнопленные австрийцы: венгр Популец Лаишь, 34 года; из Катав-Ивановского завода Макс Кочилянс, Иоганн Вайднер и Людвиг Лейбл. [10, л. 29].

Из Усть-Шелонского Брениа-Миньярского лесничества бежал военнопленный Павел Тимме «...среднего роста, лицо смуглое, нос большой, носит очки, одет в шубное с шубным венником пальто, на ногах ботинки, по-русски говорит плохо; Макс Мюзер, роста выше среднего, в очках, бороду бреет, черный толстопузый, тип еврея, одет в форму; Иоганн Шейфер, среднего роста, лицо белое, волосы темно-русые, физиономия толстая, одет в форму; из Харьковского завода Доже Конь, роста высокого, лицо смуглое, волосы на голове черные, усы и брови черные густые, нос длинный горбатый, по-русски говорит плохо, на правой щеке выше усов шрам, одет в полушубок бурого цвета; Ян Тур, 30 лет, среднего роста, полный лицо полное смуглое, волосы на голове черные, одет в пиджак, шаровары, австрийское пальто, форменную шапку; из Гремячинского и Шаломовского куреней, Миньярского лесничества, Симского горного округа Иоган Таушь, 32 года, среднего роста, хорошо говорит по-русски; Босик Фриц, 25 лет, среднего роста, русский; Макс Кайзер, 20 лет, тип еврея, все одеты в австрийскую форму; Златоустовском уезде: с Хаксинских углевыжигательных печей и таковых же Вазрутлинских Курского завода: Юзеф Кухайда, Януш Лясно, Лойд Шиссер и Михаил Кулич и со станции Сулей австриец по национальности немец Вильгельм Миллер, 35 лет, одет в русский пиджак, говорит немного по-русски». [10, л. 29]. Иркутский полицмейстер направлял подобные списки начальнику Иркутского Сыскного отделения с пометкой «Для розыска упомянутых в этом военнопленных».

Итак, накануне и в годы Первой мировой войны Циркуляры Департамента полиции МВД Российской империи выступали в качестве ведомственного нормативного акта, регламентирующего оперативно-разыскную деятельность подразделений полиции и жандармерии.

Как видно из анализа представленных Циркуляров руководство МВД России считало своей задачей оказание содействия Военному министерству в осуществлении контрразведывательных функций государства.

Согласно Циркулярам жандармские, жандармско-полицейские и сыскные чины наделялись определенной самостоятельностью в проведении оперативно-разыскных мероприятий. Вместе с тем, ставя задачи по противодействию вражескому шпионажу и ликвидации агентов в той потенциальной среде российского общества, которая могла оказать содействие иностранным агентам, Департамент полиции строго предупреждал сыскных офицеров и начальников подразделений, чтобы они не выходили за пределы предоставленных им законодательством страны полномочий и не вели агентурную деятельность за пределами территории Российской империи. В годы Первой мировой войны полиция и жандармерия были обязаны оказывать помощь военной контрразведке не только в выявлении потенциальных помощников вражеских шпионов, но и в поимке бежавших из русских концентрационных лагерей военнопленных. Поэтому полиция и жандармские подразделения часто ориентировались на проведение агентурной работы среди тех лиц, которые могли оказать содействие таким побегам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев Т. В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб.: Лема, 2015. 768 с.
2. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. Т. 1. 1915 / Рос. ист. о-во, Федер. архив. агентство, Рос. гос. военно-ист. архив, Ин-т рос. истории РАН, Рос. полит. энциклопедия, сост. А. П. Корелин, А. С. Грузинов, М. К. Шацилло. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 559 с.
3. Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч. 1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 146 с.

4. Сомов С. А. Особое совещание по обороне и буржуазии. Возникновение новой формы сотрудничества самодержавия и буржуазии (май – август 1915 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. 24 с.
5. Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М.: Воениздат, 1956. 332 с.
6. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1914 г. М.: РОССПЭН, 2006. 700 с.
7. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915 год. М., 1975.
8. Государственный архив Иркутской области. Фонд 600. Опись 1. Дело 305.
9. Государственный архив Иркутской области. Фонд 600. Опись 1. Дело 825.
10. Государственный архив Иркутской области. Фонд № Р-38 (38/23). Опись № 1. Дело 2.
11. Государственный архив Иркутской области. Фонд 25. Опись 11. Дело 112.

REFERENCE

1. Alekseev T. V. Special meeting on the defense of the state and military-economic mobilization in Russia during the First World War (1914–1917). St. Petersburg: Lema, 2015. 768 p. (In Russ.)
2. Journals of the Special Conference for the discussion and unification of measures for the defense of the state (Special Conference for the Defense of the State). 1915–1918: in 3 vols. T. 1. 1915 / Ros. ist. wow, Feder. archive. agency, Ros. state military ist. archive, Inst. History of the Russian Academy of Sciences, Ros. polit. encyclopedia, comp. A. P. Korelin, A. S. Gruzinov, M. K. Shatsillo. M.: Russian political encyclopedia, 2013. 559 p. (In Russ.)
3. Kitanina T. M. Russia in the First World War. 1914–1917. Economy and economic policy. In 2 hours. Part 1: The economic policy of the tsarist government in the early years of the war. 1914 – mid-1916. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2003. 146 p. (In Russ.)
4. Somov S. A. Special meeting on defense and the bourgeoisie. The emergence of a new form of cooperation between the autocracy and the bourgeoisie (May – August 1915): author. diss. ... cand. of history. M., 1974. 24 p. (In Russ.)
5. Shigalin G. I. War economy in the First World War (1914–1918). M.: Military Publishing House, 1956. 332 p. (In Russ.)
6. Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, 1909–1917. 1914. M.: ROSSPEN, 2006. 700 p. (In Russ.)
7. Journals of the Special Meeting for the discussion and unification of measures for the defense of the state. 1915 M., 1975. (In Russ.)
8. State archive of the Irkutsk region. Fund 600. Inventory 1. File 305. (In Russ.)
9. State archive of the Irkutsk region. Fund 600. Inventory 1. File 825. (In Russ.)
10. State archive of the Irkutsk region. Fund No. R-38 (38/23). Inventory No. 1. File 2. (In Russ.)
11. State archive of the Irkutsk region. Fund 25. Inventory 11. File 112. (In Russ.)

Информация об авторах:

Синиченко В. В., доктор исторических наук, профессор;
Белозерцев С. М., кандидат исторических наук.

Information about the authors:

Sinichenko V.V., Doctor of History, Professor;
Belozertsev S. M., Candidate of History.

Статья поступила в редакцию: 11.01.2022; одобрена после рецензирования: 24.05.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 11.01.2022; approved after reviewing: 24.05.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 342.849.1:004.77(470)

**ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В РОССИИ:
ОПЫТ ПРОШЛОГО И ВОЗМОЖНОСТИ НАСТОЯЩЕГО**

Виталий Евгеньевич Мушаков

Омская академия МВД России, Омск, Россия, mushakov.2018@mail.ru

Аннотация. В условиях цифровизации общественных отношений в российскую электоральную практику внедряются институты электронной демократии, одним из которых выступает дистанционное электронное голосование. Автором настоящей статьи проанализирован отечественный опыт применения дистанционного электронного голосования. Начиная с 2019 г. в Российской Федерации увеличиваются территориальные масштабы и финансирование при применении дистанционного электронного голосования в рамках федеральных и региональных избирательных кампаний. Выделены зарубежные особенности его использования и те тенденции, которым следует Российская Федерация. Исследована специфика отечественного законодательного регулирования современного способа голосования. Экспериментальный характер нетрадиционного способа голосования обуславливает активность подзаконного регулирования данной сферы. С учетом выявленных рисков и угроз, встречающихся на практике, сделаны выводы о необходимости совершенствования юридического и технического механизмов рассматриваемого института электронной демократии.

Ключевые слова: избирательное право, электронная демократия, дистанционное электронное голосование, электоральная практика, выборы и референдумы, цифровизация общества, эксперимент.

Для цитирования: Мушаков В. Е. Дистанционное электронное голосование в России: опыт прошлого и возможности настоящего // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 37–44.

Original article

**REMOTE ELECTRONIC VOTING IN RUSSIA: EXPERIENCE
OF THE PAST AND THE POSSIBILITIES OF THE PRESENT**

Vitaly E. Mushakov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, mushakov.2018@mail.ru

Abstract. In the context of digitalization of public relations, electronic democracy institutions are being introduced into Russian electoral practice, one of which is remote electronic voting. The author of this article has analyzed the domestic experience of using remote electronic voting. Starting from 2019, the territorial scale and financing of the use of remote electronic voting in the framework of federal and regional election campaigns have been increasing in the Russian Federation. The foreign features of its use and the trends followed by the Russian Federation are highlighted. The specificity of domestic legislative regulation of the modern method of voting has been investigated. The experimental nature of the non-traditional voting method determines the activity of the by-law regulation of this area. Taking into account the identified risks and threats encountered in practice, conclusions were drawn about the need to improve the legal and technical mechanisms of the considered institution of e-democracy.

Keywords and phrases: electoral law, electronic democracy, remote electronic voting, electoral practice, elections and referendums, digitalization of society, experiment.

For citation: Mushakov V. E. Remote electronic voting in Russia: experience of the past and the possibilities of the present // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 37–44.

© Мушаков В. Е., 2022

Стремительное развитие общества характеризуется появлением телекоммуникационных технологий, применяемых не только для поддержания социальных связей путем обмена информацией, но и в целях решения вопросов общегосударственного значения, к которым относится волеизъявление народа на выборах и референдумах. Длительное время правовые системы России и большинства зарубежных стран были ориентированы только на регламентацию традиционного, верифицированного способа организации и проведения выборов и референдумов. В этом случае граждане совершают совокупность предусмотренных избирательным законодательством действий от прихода на избирательный участок и до опускания подписанного бюллетеня в ящик для голосования.

С развитием цифровых технологий на стадии голосования, являющейся важнейшей в избирательном процессе, появляются программные технические средства и публичные информационные сети. Если первые уже стали неотъемлемой составляющей при проведении российских выборов, то вторые только экспериментальным путем внедряются в отечественный избирательный процесс. 8 сентября 2019 г. на выборах в Московскую городскую думу VII созыва впервые в российской истории была использована система дистанционного электронного голосования, предназначенная для определенной части избирателей. Кроме того, на общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию Российской Федерации, проводившемся с 25 июня по 1 июля 2020 г., и 13 сентября 2020 г. на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, совместно с традиционным способом голосования было апробировано дистанционное электронное голосование через сеть Интернет. Дальнейшее применение современного способа голосования планируется на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва, о чем свидетельствует активная нормотворческая деятельность Центральной избирательной комиссии Рос-

сийской Федерации (далее – ЦИК РФ) [1]. Таким образом, происходит оптимизация отечественной избирательной системы в соответствии с динамичным технологическим развитием. Вместе с тем, в условиях ухудшения эпидемиологической обстановки государства вынуждены рассматривать варианты безопасного проведения голосования при нахождении электората на удаленном от избирательного участка расстоянии. Следовательно, актуализируется практика применения избирательных процедур дистанционно-электронным способом.

В силу своей новизны, недостаточной апробации, а также зависимости транспарентности голосования от технических аспектов, тематика дистанционного электронного голосования представляет научный интерес. Ответной реакцией на нововведения стала широкая дискуссия в научном сообществе, исследующем вопросы российского избирательного права. В равной степени учеными-конституционалистами уделяется внимание как достоинствам, так и недостаткам нового способа голосования. На фоне существующих нерешенных проблем нивелируются все преимущества дистанционного электронного голосования. Оно порождает угрозы в виде утечки персональных данных избирателей, нарушения тайности голосования, фальсификаций итогов выборов, и, безусловно, неравенства условий голосования ввиду отсутствия у определенных категорий лиц навыков обращения с цифровыми устройствами. Эффективное применение рассматриваемого голосования возможно только в случае выработки государством юридического и технического механизмов проведения безопасного интернет-голосования.

Российская Федерация следует зарубежному избирательному опыту использования интернет-технологий при голосовании, который, вместе с тем, нельзя однозначно признать успешным. В 1990–2000-е гг. эксперименты по проведению интернет-голосования проходили в Австралии, Болгарии, Великобритании, Дании, Испании, Канаде, Нидерландах, США, Франции, Швейцарии

и Эстонии. В 2007 г. «первым государством в мире, применившим систему голосования, используемую публичные сети, в выборах в органы государственной власти и местного самоуправления, стала Эстонская Республика» [2, с. 56]. Вслед за ней на выборах в органы публичной власти периодически проводились эксперименты по внедрению технологии электронного голосования в Австралии, Бельгии, Бразилии, Великобритании, Канаде, Латвии, Норвегии, Индии, Италии, Перу и Филиппинах. Однако ссылаясь на обеспокоенность вопросами обеспечения информационной безопасности граждан, большинство из вышеуказанных государств пришли к выводу о нецелесообразности систематического применения дистанционного электронного голосования. На сегодняшний день в качестве дополнительного способа волеизъявления граждан на выборах и референдумах дистанционное электронное голосование признано и активно используется только в Эстонии и Швейцарии.

Конституционно-правовое регулирование необходимо для внедрения дистанционного электронного голосования на выборах различного уровня. Российским законодателем избран рамочный подход нормативного регулирования дистанционного электронного голосования. Федеральным законом от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ [3] закреплена п. 62.1 в ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4] (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ), где дистанционное электронное голосование детерминируется, как голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения. Представленное понятие не отвечает на вопрос, каким образом происходит данный вид голосования (посредством сети Интернет, голосовых звонков, электронного монитора в общественных местах). Казалось бы, данная проблема разрешима путем подзаконного нормотворчества. Так, Центральная

избирательная комиссия Российской Федерации в п. 1.2 Постановления от 27 июля 2020 г. № 261/1924-7 [5] конкретизирует формулировку рассматриваемого понятия следующим образом: «Дистанционное электронное голосование представляет собой голосование без использования избирательного бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения, установленного на программно-техническом комплексе дистанционного электронного голосования (далее – ПТК ДЭГ), доступ к которому избирателю предоставляется на специальном портале, размещенном в сети Интернет». Таким образом, дистанционное электронное голосование приравнивается к интернет-голосованию, но лишь на выборах 13 сентября 2020 г. При этом вопрос о позиции законодателя относительно способа дистанционного электронного голосования остается открытым.

При проведении выборов в органы публичной власти, референдума в субъекте Федерации, а также местного референдума, случаи и порядок применения дистанционного электронного голосования устанавливаются ЦИК России, что следует из ч. 14 ст. 64 Федерального закона № 67-ФЗ. Следовательно, основная часть нормативного регулирования дистанционного электронного голосования ситуативно осуществляется Постановлениями ЦИК России.

Остается неопределенной российская модель применения дистанционного электронного голосования. Мировой экспериментальный опыт дистанционного электронного голосования насчитывает уже третье десятилетие и позволяет Российской Федерации, вступившей на путь цифровизации избирательного права, определять масштабы и разновидности внедряемой процедуры.

Зарубежные государства в зависимости от территориального или персонального критериев дифференцированно подходят к реализации нового способа голосования. По территориальному признаку данное голосование применяется как на территории всей страны (Эстония), так и на отдельных ее

частях (Австралийская Канберра, Галифакс в Канаде, ряд штатов в США и др.). Среди государств отмечается схожий путь цифровизации избирательного права: применение дистанционного электронного голосования на выборах муниципального, регионального и даже федерального уровней. К примеру, в Швейцарии по состоянию на 2018 год электронное голосование посредством сети Интернет проводилось в 14 из 26 кантонов.

По персональному признаку воспользоваться дистанционным способом голосования могут определенные группы лиц. К примеру, в Нидерландах в основу положен принцип гражданства, так как электронным голосованием могут воспользоваться только голландцы, проживающие за рубежом [6, с. 23].

Зарубежная тенденция такова, что дистанционное электронное голосование является экспериментальным, альтернативным «традиционному» способом фиксации волеизъявления граждан на выборах и референдумах. В целом государствами признаются возможные риски для информационной безопасности и совершенствуются национальные организационно-правовые механизмы проведения выборов. Обозначенным тенденциям следует и Российская Федерация. Экспериментальный статус дистанционного электронного способа голосования обуславливает недостаток законодательного регулирования. Отсутствует необходимость реформирования избирательного права под технологические новации, которые не гарантированно «приживутся». Именно поэтому те или иные аспекты дистанционного электронного голосования разъясняются в плоскости подзаконного нормотворчества. ЦИК РФ, следуя территориальному критерию, определяет масштабы применения интернет-голосования ситуативно перед проведением выборов того или иного уровня. В частности, на выборах 19 сентября 2021 г. дистанционное электронное голосование проводится в Курской области, Мурманской области, Нижегородской области, Ростовской области, Ярославской области, а также в городах федерального значения Москве и Севастополе [1].

Проведение дистанционного электронного голосования в Российской Федерации имеет свои положительные и отрицательные стороны. Очевидно, что эффективность информационных технологий позволяет упростить избирательные процедуры. Голосование на выборах становится быстрым, доступным, а также дешевым в организации. Граждане получают возможность проголосовать на выборах «не выходя из дома». Также упрощаются учет явки избирателей и процедура подсчета голосов. По сложившемуся распространенному мнению дистанционный способ голосования «повышает явку избирателей, поскольку является самым быстрым способом проведения свободного волеизъявления граждан. Принципиально важным здесь является то, что интернет-голосование мотивирует принять участие в выборах молодых избирателей» [7, с. 24]. Однако сомнительно, что интернет-голосование способно повысить электоральную явку. Пожилые граждане РФ, которые, как правило, активно голосуют на выборах, вследствие отсутствия навыков обращения с цифровыми устройствами, фактически лишены реальной возможности дистанционного электронного голосования. У молодых же лиц, более остальных склонных к абсентеизму, насколько известно, не пользуется популярностью портал государственных услуг РФ, используемый при регистрации избирателя для дистанционного электронного голосования.

Другой важнейшей проблемой электронного голосования является возможный риск информационной безопасности личности (возможная утечка защиты персональных данных) и государства (потенциальные фальсификации итогов голосования со стороны хакеров недружественных государств). Злоумышленники могут получить персональные данные избирателей. Реальное волеизъявление граждан может быть искажено путем взлома системы интернет-голосования заинтересованными лицами, имеющими соответствующие компетенции в сфере информационных технологий. В юридической литературе внимание ученых,

занимающихся вопросами избирательного права и информационной безопасности, уделяется рассматриваемым проблемам. По мнению Е. Н. Босовой, «Скептики заявляют о потенциальной опасности данной системы в части хранения и передачи данных» [8, с. 57]. И. Б. Борисов подчеркивает, что в ходе интернет-голосования «большой проблемой являются риски, связанные с хакерскими атаками и взломами» [9, с. 8]. О. А. Кравченко заявляет: «Расширение электронного голосования означает расширение возможностей искажения волеизъявления народа, что, в свою очередь, вызывает необходимость разработки адекватных мер защиты» [10, с. 138]. Р. А. Алексеев и А. В. Абрамов считают, что «применение на практике электронного голосования имеет проблемы, среди которых стоит выделить: гипотетическую возможность технических неисправностей, сбоев и взломов системы интернет-голосования, в результате которой объявленные итоги выборов не будут соответствовать реальному волеизъявлению граждан; перспективу получения и использования злоумышленниками персональных данных избирателей в своих корыстных интересах; проблему соблюдения одного из базовых принципов избирательного права – тайны голосования, – поскольку электронные выборы предполагают авторизацию пользователя в системе» [11, с. 18]. Вышеприведенные мнения ученых-конституционалистов небезосновательны. Как российский, так и зарубежный опыт применения дистанционного электронного голосования свидетельствует о существовании объективных рисков для информационной безопасности. Не случайно большинство государств даже при наличии необходимых ресурсов не применяют данную технологию. Так, Конституционный суд Германии еще в 2009 г. признал неконституционность применения электронного голосования, так как данная процедура «не отвечает принципам честных и открытых выборов» [12]. По мнению суда, электронный способ голосования не позволяет обеспечить необходимый контроль процедуры голосования и создает возмож-

ности фальсификаций на выборах. Правительство Франции в 2017 г. также отказалось от интернет-голосования вследствие потенциальных киберугроз [13, с. 94]. Цифровым инструментом, способным исключить возникновение вышеуказанных проблем, выступает блокчейн-технология, используемая для шифрования данных избирателей, в том числе, на российских выборах, однако ей все еще предстоит доказать свои возможности по обеспечению информационной безопасности.

Другой проблемой является эффективное сочетание дистанционно-электронного и традиционного способов голосования, о чем свидетельствует российская электоральная практика, в ходе которой возникали определенные нарушения, затрагивающие избирательные права граждан. Проиллюстрируем сказанное следующими примерами. Жительница Израиля Я. Ильински, имеющая гражданство РФ, смогла трижды проголосовать по поправкам к Конституции Российской Федерации в 2020 г. Она приняла участие в электронном голосовании посредством сети Интернет, затем проголосовала в посольстве РФ в израильском г. Тель-Авиве и в консульстве РФ в г. Хайфе. По данному факту в отношении Я. Ильински было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 142.2 УК РФ за незаконное получение бюллетеня в ходе общероссийского голосования [14]. Также журналист П. А. Лобков и эксперт движения по наблюдению за выборами «Голос» В. Вайсенберг дважды приняли участие в голосовании по поправкам к Конституции Российской Федерации: сначала на избирательном участке, затем в сети Интернет, за что были привлечены к административной ответственности. Рассмотренные электоральные прецеденты наглядно демонстрируют отсутствие необходимого взаимодействия между двумя способами голосования: традиционным и дистанционно-электронным. В представленных случаях подача голоса посредством сети Интернет не фиксировалась на избирательных участках, и наоборот. В силу чего, избиратель имел возможность проголосовать

несколько раз, что является нарушением избирательного законодательства РФ и влечет соответствующую юридическую ответственность. В действующем избирательном законодательстве РФ отсутствует решение рассмотренных проблемных вопросов.

Автора настоящего исследования можно упрекнуть за уклон в сторону критики технологии дистанционного электронного голосования. Безусловно, в рамках настоящей статьи не акцентируется внимание на ее положительных сторонах. Каковы бы не были достоинства современных технологий, утрата информационной безопасности – это слишком «высокая цена», которую личность, общество и государство не готовы «заплатить». Тем более в исследуемом случае речь идет о решении конституционных вопросов общегосударственного масштаба. Как верно подмечает С. А. Авакьян: «Законодательство последовательно старается обезопасить выборы от грязных технологий, возможных при голосовании. Особенно речь идет о так называемом вбросе в избирательные ящики бюллетеней, заполненных в пользу какого-то конкретного кандидата, а также о заведомо сфальсифицированном подсчете голосов» [15, с. 48]. Согласно логике известного ученого можем провести подобную аналогию и с применяемыми дистанционными технологиями голосования. В этой связи законотворческий процесс должен быть ориентирован на обеспечение безопасности выборов, недопущения утечки

персональных данных избирателей и искажения их волеизъявления. Именно поэтому обоснованность применения технологии дистанционного электронного голосования следует анализировать в рамках информационной безопасности.

Таким образом, в существующих правовых реалиях в российскую электоральную практику последовательно внедряется дистанционное электронное голосование посредством сети Интернет. Российским законодателем избран рамочный подход законодательного урегулирования современного способа голосования. Это обусловлено экспериментальным характером внедрения дистанционного электронного голосования, а также ограниченностью территориальных масштабов его применения. Очевидно, что осторожность внедрения новой электоральной практики вызвана потенциальными угрозами информационной безопасности, нарушением принципов голосования и фальсификациями итогов голосования.

Как видим, действующее в настоящее время отечественное федеральное законодательство не позволяет обеспечить эффективную защиту избирательных прав граждан. Только детальное законодательное урегулирование позволит нивелировать нерешенные проблемы и утвердить дистанционное электронное голосование в качестве дополнительного способа голосования, применяемого в процедуре проведения выборов и референдумов в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О дистанционном электронном голосовании на выборах 19 сентября 2021 года: постановление ЦИК России от 25 мая 2021 г. № 7/49-8 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Ручкин А. В., Чижов А. А. Электронное голосование на выборах в органы государственной власти и местного самоуправления: опыт Эстонии // Вопросы управления. 2018. № 5 (35). С. 54–60.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 04.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
5. О проведении дистанционного электронного голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатным избирательным округам 13 сентября 2020 года (вместе с Порядком дистанционного электрон-

ного голосования на дополнительных выборах депутатов государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатным избирательным округам 13 сентября 2020 года): постановление ЦИК России от 27 июля 2020 г. № 261/1924-7 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Ильенко И. А. К вопросу о способах обеспечения активного избирательного права в государствах Европы // Избирательное право. 2014. № 3 (27). С. 22–25.

7. Котикова Д. В. Правовое регулирование дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы: проблемы, их решение и перспективы совершенствования // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 22–28.

8. Босова Е. Н., Реут Д. А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 3. С. 53–62.

9. Борисов И. Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 3–10.

10. Кравченко О. А. Конституционное обеспечение достоверности волеизъявления народа при голосовании: монография. Москва: Проспект, 2017. 207 с.

11. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1 (15). С. 9–21.

12. О мировой электоральной практике подсчета голосов с помощью технических средств // URL: <http://www.rfsv.ru/law/normy-i-printsipy/o-mirovoi-elektoralnoi-praktike-podscheta-golosov-s-pomoshchiu-tekhnicheskikh-sredstv> (дата обращения: 14.07.2021).

13. Григорьев А. В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России: дисс... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. 224 с.

14. Суд повторно арестовал трижды проголосовавшую в Израиле по поправкам к Конституции россиянку / URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4501072> (дата обращения: 21.03.2022).

15. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы: учебно-методический комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. проф. Авакьян С. А. М.: Юстицинформ, 2015. 680 с.

REFERENCES

1. On remote electronic voting in the elections on September 19, 2021: Resolution of the CEC of Russia dated May 25, 2021. No. 7 / 49-8 // RLS «ConsultantPlus». (In Russ.)

2. Ruchkin A. V., Chizhov A. A. Electronic voting in elections to state authorities and local self-government: the experience of Estonia // Management Issues. 2018. No. 5 (35). P. 54–60. (In Russ.)

3. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 154-FZ of May 23, 2020 // RLS «ConsultantPlus». (In Russ.)

4. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation: Federal Law of June 12, 2002. No. 67-FZ (date of access: 06.04.2021) // RLS «ConsultantPlus». (In Russ.)

5. On conducting remote electronic voting at by-elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the seventh convocation in single-mandate constituencies on September 13, 2020 (September 13, 2020): Decree of the CEC of Russia dated July 27, 2020. No. 261/1924-7 // RLS «ConsultantPlus». (In Russ.)

6. Ilyenko I. A. To the question of ways to ensure active suffrage in the states of Europe // Suffrage Law. 2014. No. 3 (27). P. 22–25. (In Russ.)

7. Kotikova D. V. Legal regulation of remote electronic voting in the elections of deputies of the Moscow City Duma: problems, their solution and prospects for improvement // State power and local self-government. 2020. No. 5. P. 22–28. (In Russ.)

8. Bosova E. N., Reut D. A. Remote electronic voting: the search for legislative formalization // Law enforcement. 2019. V. 3. No. 3. P. 53–62. (In Russ.)

9. Borisov I. B. On the way to e-democracy. Digital technologies in the system of democratic reproduction of power institutions // Electoral legislation and practice. 2019. No. 3. P. 3–10. (In Russ.)

10. Kravchenko O. A. Constitutional provision of the authenticity of the will of the people when voting: monograph. Moscow: Prospekt, 2017. 207 p. (In Russ.)

11. Alekseev R. A., Abramov A. V. Problems and prospects for the use of electronic voting and electoral blockchain technology in Russia and abroad // Citizen. Elections. Power. 2020. No. 1 (15). P. 9–21. (In Russ.)

12. On the world electoral practice of counting votes using technical means // URL: <http://www.rfsv.ru/law/normy-i-printsipy/o-mirovoi-elektoralnoi-praktike-podscheta-golosov-s-pomoshchiu-tekhnicheskikh-sredstv> (date of access: 07.14.2021). (In Russ.)

13. Grigoriev A. V. Constitutional and legal regulation of the use of modern information and communication technologies in the implementation of institutions of direct democracy in Russia: diss ... Dr. of law. Moscow, 2020. 224 p. (In Russ.)

14. The court re-arrested a Russian woman who voted three times in Israel on amendments to the Constitution / URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4501072> (date of access: 03.21.2022). (In Russ.)

15. The right to elect and be elected in Russian political realities: the main constitutional and legal problems: educational and methodological complex / hands. ed. count and resp. ed. prof. Avakyan S. A. M.: Yustitsinform, 2015. 680 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.12.2021; одобрена после рецензирования: 27.01.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 22.12.2021; approved after reviewing: 27.01.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 342.951.05:656.052.467(470)

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОСТАВОВ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И ПРОЕКТОМ КОДЕКСА**

Евгения Васильевна Павлова¹, Фарит Равгатович Юсупов²

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
Орел, Россия, pavlova.evgenia.78@yandex.ru

² Всероссийский институт повышения квалификации МВД России,
Набережные Челны, Россия, chilny_vipk@mail.ru

Аннотация. В статье проведен сравнительно-правовой анализ положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Проекта рассматриваемого правового акта с целью выявления новелл, их критического исследования для формирования авторского видения положительных и отрицательных аспектов разрабатываемой нормы с возможностью внесения корректировок, ввиду не вступления в силу Проекта кодекса. Кроме того, авторы статьи проводят сравнительный анализ положений рассматриваемых составов административных правонарушений с точки зрения эффективности действующих норм права, через призму повышения безопасности дорожного движения. Проведенный анализ способствует систематизации составов административных правонарушений в области дорожного движения и возможности правоприменительным органам на основе указанных обобщений своевременного реагирования на такие составы.

Ключевые слова: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, проект, административное правонарушение, безопасность дорожного движения.

Для цитирования: Павлова Е. В., Юсупов Ф. Р. Сравнительно-правовой анализ составов административных правонарушений в области дорожного движения, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Проектом кодекса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 45–52.

Scientific article

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE COMPOSITION
OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD
OF TRAFFIC PROVIDED FOR BY THE CODE OF ADMINISTRATIVE
OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DRAFT CODE**

Evgenia V. Pavlova¹, Farit R. Yusupov²

¹ Orel Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov,
Orel, Russia, pavlova.evgenia.78@yandex.ru

² All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Naberezhnye Chelny, Russia, chilny_vipk@mail.ru

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of the provisions of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Draft of the legal act in question, in order to identify short stories, their critical analysis, to form the author's vision of the positive and negative aspects of the developed norm with the possibility of making adjustments, due to the non-entry into force of the Draft code. In addi-

tion, the authors of the article conduct a comparative analysis of the provisions of the considered elements of administrative offenses in terms of the effectiveness of existing legal norms, through the prism of improving road safety. The analysis carried out contributes to the systematization of the composition of administrative offenses in the field of traffic and the possibility for law enforcement agencies, based on these generalizations, to respond in a timely manner to such compositions.

Keywords: Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, Project, administrative offense, road safety.

For citation: Pavlova E. V., Yusupov F. R. Comparative legal analysis of the composition of administrative offenses in the field of traffic provided for by the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Draft Code // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 45–52.

В современный период развития общественных отношений в области дорожного движения, к сожалению, еще высок процент нарушений правил дорожного движения. Следует отметить, что данному обстоятельству способствуют как объективные факторы (увеличение количества автотранспорта, средств фото- и видеофиксации и иные), так и субъективные (низкий уровень дорожной культуры, правовой нигилизм и другие). Данное умозаключение находит свое подтверждение в статистических данных, представленных в графике 1.

Правовой институт обеспечения безопасности дорожного движения всегда находился и находится сейчас в поле зрения ученых, правоприменителей, государственных органов и общественных формирований, каждый из которых предлагает собственные точки зрения, направленные на повышение его эффективности [2, с. 4; 3, с. 32–34; 4, с. 97–98; 5, с. 248; 6, с. 133]. При этом цель у указанных субъектов научных изысканий одна – добиться снижения дорожно-транспортных происшествий и снижения количества нарушений правил дорожного дви-

жения в целом. Проведем анализ отдельных мнений российских ученых-административистов, подтверждающих наше умозаключение.

По словам Н. В. Пеньшина, в процессе регулирования, также контроля безопасности дорожного движения довольно весомое значение имеет непосредственное закрепление в правовых актах поведения его участников [7]. Для решения такого рода задач как раз и предусматриваются всевозможные меры контроля и надзора со стороны органов государственной власти. Ученый видит проблему безопасности дорожного движения в виде одной из главных проблем всей организации дорожного движения, так как в России ее социально-экономически значимые показатели несравненно возрастают.

Ю. Н. Калюжный предполагает, что современная организация безопасности дорожного движения – это никак не саморегулируемая система [8]. Данный процесс представляет собой довольно сложную социальную структуру, которая опирается на самосознание индивида. Таким образом государство в лице государственных органов и

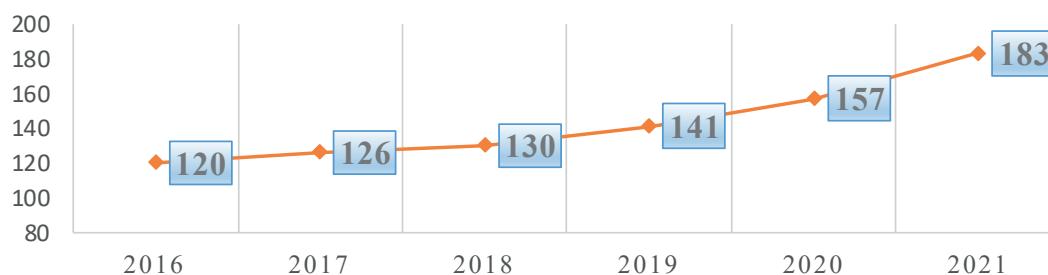

График 1. Изменения количества нарушений ПДД по КоАП РФ в Российской Федерации (2016–2021 гг.) (млн в год)

их должностных лиц, воздействуя непосредственно или опосредованно на участников дорожного движения, добивается решения поставленных задач, либо к этому стремится.

Представляется вполне обоснованным полагать, что повышение эффективности обеспечения безопасности дорожного движения тесным образом связано с правовым регулированием рассматриваемой сферы. Указанная область имеет значительное количество нормативных правовых актов, которые устанавливают запреты и ограничения, регулируют неотъемлемую часть общественных отношений, связанных с безопасностью дорожного движения. Считаю целесообразным остановиться на сравнительном анализе положений 12 главы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) и 21 главы Проекта кодекса, потому что закрепленная законодательно административная ответственность за такие правонарушения формирует неотвратимость наказания и как следствие – правопослушное поведение на дорогах, а кроме того, выступает средством профилактики совершения более тяжких противоправных деяний в рассматриваемой сфере.

С 20 декабря 2001 года, когда Государственной Думой Российской Федерации был принят действующий Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, в него на данный момент внесено 654 поправки [9]. А если говорить про совокупное число изменений, то оно превысило 4800. Впоследствии нормативно правовой акт стал терять важный признак каждого подобного документа – признак системности. В настоящее время, данный факт проявляется на практике, когда у субъектов правоприменения появляются трудности с выбором нужной нормы для конкретного административного правонарушения. По мнению Минюста, реформа КоАП РФ должна повлечь за собой как сокращение составов административных правонарушений, так и изменение подходов к назначению наказаний.

Прежде чем непосредственно перейти к сравнению глав, посвященных админи-

стративным правонарушениям в области дорожного движения, нынешнего Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и нового проекта аналогичного кодекса необходимо рассмотреть их совокупную структуру. В отличие от действующего, проект нового КоАП РФ содержит всего три раздела [10]. Что-то похожее можно наблюдать в Уголовном кодексе Российской Федерации, где документ состоит из общей и особенной части. У проекта первые две части буквально такие же. В силу большого количества субъектов административной юрисдикции к ним добавилась еще одна часть, которая так и называется: «Субъекты административной юрисдикции». В виду успешности уголовного законодательства, можно сделать вывод, что законодатель разработал некий похожий документ. Однако в отличие от нынешнего Кодекса об административных правонарушениях, который содержит 32 главы, в проекте содержится на девять глав больше. Это связано с большим техническим и гуманитарным прогрессом общественных отношений в тех или иных сферах жизнедеятельности. Непосредственно рассматриваемая в статье глава, посвященная административным правонарушениям в области дорожного движения, в новом КоАП РФ находится, как бы это иронично не звучало, но также на девять глав ниже своего нынешнего расположения в структуре действующего кодекса, вместо главы 12 – глава 21 с аналогичным названием. Вместо 47 статей 12 главы, в новой содержится 41 состав схожих и наиболее частых административных правонарушений, совершаемых участниками дорожного движения.

Проведя количественную сравнительную характеристику представленных кодексов, в частности актуальных для данной работы глав, следует перейти к качественному сравнительному анализу структур отдельно взятых норм нынешней и будущей главы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Первая статья рассматриваемой главы претерпела изменения только в своем названии. Оно заметно сократилось. В новом

кодексе аналогичный состав звучит как: «Управление транспортным средством, не зарегистрированным в установленном порядке». Это аргументировано чисто логическим рассуждением. Если автомобиль не прошел процесс регистрации, следовательно, это уже подразумевает под собой, что транспортное средство не проходило технический осмотр. Отметим, что второй части существующей статьи действующего КоАП РФ, который связан со штрафом за непрохождение техосмотра пассажирскими и грузовыми транспортными средствами, в новом кодексе попросту нет [9]. Это тоже абсолютно логично, так как размер наказания в размере 500 – 800 рублей в кодексе одинаков как для обычных транспортных средств, так и для специализированных автомашин. Также в данной статье можно увидеть буквальное изменение санкции, связанной с лишением права на управление транспортным средством. В отличие от прежней нормы, где данная мера государственного принуждения представлена под названием «лишение права управления транспортными средствами», в проекте нового КоАП РФ она называется так: «лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами». Примечание, где даются определение и характеристика транспортного средства, осталось нетронутым.

В статье 21.2 проекта Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации содержится только одно отличие: в части 3 появляется специальный размер штрафа, предназначенный для индивидуальных предпринимателей. Он составляет 25–30 тысяч рублей. Статья 21.3 Проекта кодекса будет состоять из четырех частей. Дело в том, что первый подпункт части 2 действующего КоАП РФ, связанный с отсутствием у водителя при себе разрешения на осуществление деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси, выделился в отдельную третью часть. В части второй статьи проекта отсутствует такая характеристика, как отсутствие у водителя при себе страхового полиса обязательного страхования гражданской ответственности вла-

дельцев транспортного средства. Здесь тоже все очевидно. В четвертой статье 21 главы проекта диспозиции всех трех частей не претерпели никаких изменений [5]. Де-факто, изменение одно – добавилась специальная санкция для индивидуальных предпринимателей. Так как цель данного нововведения уже была обозначена выше, следует сказать только о материальном аспекте данной статьи. Значительные изменения произошли с пятой статьей рассматриваемой главы. Новая статья 21.5 содержит ни много ни мало 11 частей (на 4 больше сравниваемого варианта). Часть 3.1 статьи 12.5, предусматривающая наказание за езду с тонированными стеклами, не соответствующими требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств, теперь представлена в отдельной пятой части рассматриваемой статьи. Следует отметить факт, что за такого рода правонарушение ответственность усилилась. Административный штраф увеличен с пятисот рублей до тысячи. Абсолютно неожиданным стало появление дополнения к рассматриваемой части, предусматривающего введение административного наказания в виде штрафа размером в 3 тысячи рублей за повторную езду с тонированными стеклами. Также добавили еще одну новую диспозицию и предусмотренную за ее нарушение санкцию. В части второй статьи 21.5 говорится о необходимости управления автомашиной с оформленной диагностической картой. Наказание за нарушение данной диспозиции составляет 2 тысячи рублей административного штрафа. Следует отметить, что к данной части в проекте нового КоАП РФ появляется примечание, в котором закреплено, что правонарушитель не привлекается к соответствующей ответственности за последующие случаи выявления такого нарушения установленных ПДД в течение двадцати четырех часов с момента первого выявления.

Следующая, седьмая статья главы об административных правонарушениях в сфере дорожного движения также подверглась изменениям. Добавилась еще одна часть: за повторное управление транспортным

средством водителем, не имеющим права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на последнего будет налагаться административная ответственность в виде штрафа в размере 25–30 тысяч рублей, либо обязательные работы на срок 40–60 часов, либо административный арест на срок до пяти суток. За эксплуатацию автомобиля водителем, ранее лишенного прав, увеличена санкция, которая предусматривает административную ответственность в виде обязательных работ. Добавляется новое правонарушение и соответствующее за него наказание. Законодатель тщательно защищает права несовершеннолетних, поэтому в новом кодексе появится отдельный состав за управление транспортным средством водителем в состоянии опьянения при условии наличия в машине заведомо несовершеннолетних лиц. Административная ответственность за нарушение такой диспозиции достаточно отличается от санкции за простую езду в состоянии опьянения. Так, вместо 30 тысяч рублей и лишения прав на срок 1,5–2 года по статье 21.8 проекта КоАП РФ мера государственного принуждения административного характера будет состоять из штрафа в размере 50 тысяч рублей и лишения права управления транспортным средством сроком от двух до трех лет.

Одна из самых популярных статей среди правоприменителей – статья 12.9 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации «Превышение установленной скорости движения» – приобрела новый вид в статье проекта нового кодекса (вместо семи частей – четыре). Так, по новому КоАП РФ за превышение установленного скоростного режима на 20 километров в час, но не более 40 км/ч, в отношении правонарушителя придет административный штраф размером 3 тысячи рублей. Это в шесть раз больше установленной санкции по аналогичной части нынешнего КоАПа. Логично представить, что последующие части также усиливают размер санкций в разы. Статья 12.10 «Нарушение правил движения через железнодорожные пути» также претерпела

изменения в статье с аналогичным названием под номером 21.10. Так, части первая и вторая поменялись местами. Это вполне разумно, так как нормы в статьях любого нормативного акта должны располагаться от самого простого и не несущего в себе большую общественную вредность состава правонарушения до, наоборот, самого сложного и общественно вредного состава административного правонарушения. Так и в этой статье, сначала должна идти санкция за объективное нарушение правил проезда через железнодорожные переезды 5 тысяч рублей административного штрафа, а потом уже за нарушения проезда через аналогичные проезды, за совершение которых предусмотрена ответственность в виде административного штрафа в размере 5 тысяч рублей или лишение права управления транспортными средствами сроком 3–6 месяцев.

Количество частей в шестнадцатой статье сократилось. Связано это с тем, что части, посвященные правонарушениям в области игнорирования требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги, которые запрещают остановку или стоянку автомашин, а также норм, предусмотренных дорожными знаками, которые запрещают движение грузовиков и иного крупногабаритного транспорта, совершенным в Москве или в Санкт-Петербурге, и соответствующие им санкции теперь находятся в части, где говорится об аналогичных правонарушениях на всей территории Российской Федерации, в разделе санкций. Также по образцу анализа прошлых статей подпункт третьей части статьи 12.16 КоАП РФ, предусматривающий меры административного принуждения за повторное движение во встречном направлении по дороге с односторонним движением, в новом административном кодексе представлен отдельной четвертой частью.

Несоблюдение требований законодательства Российской Федерации о внесении платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную

максимальную массу свыше 12 тонн, предусмотренное статьей 12.21.3, нашло свое отражение в другой главе проекта нового Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Подобная норма имеет место быть в статье 20.26 главы об административных правонарушениях на транспорте. Статья 12.21.4 настоящего кодекса «Неисполнение обязанности по внесению платы за проезд транспортного средства по платным автомобильным дорогам, платным участкам автомобильных дорог» в тексте проекта не наблюдается.

Весьма заметные изменения были внесены в следующую статью рассматриваемой главы – 12.27. В санкции этой нормы можно увидеть заметные изменения в размере установленного административного наказания. Так, размер административного штрафа за данное правонарушение повышен с 30 до 40 тысяч российских рублей. Комбинированное вместе с данной санкцией лишение права на осуществление деятельности по управлению автомобилем также увеличено с 1,5–2 до 2–3 лет. Дальше можно наблюдать исчезновение состава административного правонарушения за невыполнение тех же самых требований сотрудника лицом, не имеющим водительского удостоверения или лишенным его. Законодатель посчитал необходимым убрать данный состав, добавив при этом новый. По аналогии с предыдущими сравнениями статей данной главы старого и нового административного кодекса добавление отдельного состава правонарушения, создающего угрозу для несовершеннолетних, будет вполне логичным и разумным решением органа представительной власти. Дело касается новой второй части, предусматривающей административную ответственность в виде штрафа 50 тысяч рублей с лишением прав на срок 2–3 года за совершение аналогичных противоправных действий, что и в части первой, но при условии нахождения в салоне автомобиля несовершеннолетнего пассажира.

Статья 21.29 «Систематическое нарушение правил эксплуатации, использования транспортного средства и управления транс-

портным средством» будет предусматривать ответственность в виде лишения удостоверения водителя на срок 1–1,5 года или наложения штрафа на лиц, не имеющих права заниматься управлением транспортным средством размером 10–30 тысяч рублей. Следующая 30 статья настоящей главы будет предусматривать ответственность в виде 5 тысяч рублей административного штрафа за опасное вождение.

Неожиданным для проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях стало исчезновение нормы, предусмотренной статьей 12.35 нынешнего кодекса «Незаконное ограничение прав на управление транспортным средством и его эксплуатацию». Зато текст нового административного закона содержит в себе новый состав административного правонарушения. Это статья 21.41 «Управление по дорогам общего пользования средствами и механизмами, не предназначенными для движения по таким дорогам». Данная правовая норма предусматривает наказание для всех субъектов административной ответственности в виде штрафа 5–15 тысяч рублей. За повторное совершение данного действия на правонарушителя будет уже наложен административный штраф в размере 20–30 тысяч рублей или обязательные работы на срок 20–60 часов.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что мы подвергли более детальному анализу те составы, которые претерпели существенные изменения. Общая тенденция, которая прослеживается в Проекте, – это ужесточение санкций для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, что является своевременной и обоснованной мерой, так как указанная категория субъектов, как правило, задействует значительное количество участников дорожного движения, а соответственно последствия от таких нарушений всегда значительнее.

Положительным аспектом разработанного КоАП РФ является то обстоятельство, что защищены в большей степени права несовершеннолетних участников дорожного движения, а также учтены и права самих сотрудников ГИБДД.

Вместе с тем, к заранее обозначенному сроку Проект не вступил в действие, и в настоящее время не утихают споры по обсуждению его положений, что еще раз подчеркивает его значимость. В такой ситуации правоприменителям важно не остаться в сто-

роне, ибо именно данная категория может существенным образом усовершенствовать положения составов в области дорожного движения, и это повысит реализацию важнейшего признака административной ответственности – неотвратимости наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6629353/> (дата обращения: 09.01.2022).
2. Калюжный Ю. Н. Безопасность дорожного движения как компонент системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Транспортное право*. 2020. № 4. С. 3–7.
3. Быков А. И. Проблемы применения органами внутренних дел административных наказаний в области безопасности дорожного движения: дисс. ... канд. юр. наук. М.: ВНИИ МД России, 2010.
4. Майоров В. И., Дунаева О. Н., Полякова С. В. Актуальные направления полиции Японии по обеспечению безопасности участников дорожного движения // *Общество и право*. 2020. № 4 (74). С. 96–101.
5. Тимофеев С. В. Совершенствование государственного регулирования в области обеспечения безопасности дорожного движения // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 41. С. 247–251.
6. Агаркова Н. А. Особенности транспортной безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2021. № 2 (92). С. 132–139.
7. Пеньшина Н. В. Методология обеспечения безопасности дорожного движения на автомобильном транспорте. Тамбов: ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2013.
8. Калюжный Ю. Н. Обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: концептуальные организационно-правовые основы. М., 2021.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (дата обращения: 09.01.2022).
10. Проект Федерального закона. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (дата обращения: 09.01.2022).

REFERENCES

1. Indicators of the state of road safety // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6629353/> (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
2. Kalyuzhny Yu. N. Road traffic safety as a component of the national security system of the Russian Federation // *Transport law*. 2020. No. 4. P. 3–7. (In Russ.)
3. Bykov A. I. Problems of application of administrative penalties by internal affairs bodies in the field of road safety: diss. ... cand. of law. Moscow: VNII MD of Russia, 2010. (In Russ.)
4. Mayorov V. I., Dunaeva O. N., Polyakova S. V. Actual directions of the police of Japan to ensure the safety of road users // *Society and Law*. 2020. No. 4 (74). P. 96–101. (In Russ.)
5. Timofeev S. V. Improving state regulation in the field of ensuring road safety // *Innovations. The science. Education*. 2021. No. 41. P. 247–251. (In Russ.)
6. Agarkova N. A. Features of transport security in the national security system of the Russian Federation // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 2 (92). P. 132–139. (In Russ.)
7. Penschina N.V. Methodology for ensuring road safety in road transport. Tambov: FGBOU VPO «TSTU», 2013. (In Russ.)
8. Kalyuzhny Yu. N. Ensuring road safety in the Russian Federation: conceptual organizational and legal framework. M., 2021. (In Russ.)

9. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001. No. 195-FZ // URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (date of access: 09.01.2022). (In Russ.)

10. Draft Federal Law. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // URL: <http://base.garant.ru/56821718/> (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)

Информация об авторах:

Павлова Е. В., кандидат юридических наук, доцент;
Юсупов Ф. Р., без ученой степени.

Information about the authors:

Pavlova E. V., Candidate of Law, Associate Professor;
Yusupov F. R., no academic degree.

Статья поступила в редакцию: 09.03.2022; одобрена после рецензирования: 25.04.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 09.03.2022; approved after reviewing: 25.04.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 343.851.5(476)

**ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В АСПЕКТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Иван Леонтьевич Федчук¹, Виталий Олегович Янчин²

^{1,2} Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
Минск, Республика Беларусь, vanyafedchuk@yandex.by

Аннотация. Раскрываются особенности применения к несовершеннолетним мер воспитательного воздействия для предупреждения совершения новых правонарушений. Выявлены проблемы правового регулирования порядка реализации указанных мер в качестве средства индивидуальной профилактики правонарушений. На основе анализа результатов научных исследований и авторских заключений внесены предложения по совершенствованию правового института мер воспитательного воздействия и деятельности органов, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: меры воспитательного воздействия, индивидуальная профилактика правонарушений, административная ответственность несовершеннолетних.

Для цитирования: Федчук И. Л., Янчин В. О. Правовой институт мер воспитательного воздействия в аспекте профилактики правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 53–60.

Original article

**LEGAL INSTITUTE OF EDUCATIONAL IMPACT MEASURES
IN THE ASPECT OF PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Ivan L. Fedchuk¹, Vitaliy O. Yanchin²,

^{1,2} Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus, vanyafedchuk@yandex.by

Abstract. The peculiarities of the application of educational measures to minors to prevent the commission of new offenses are revealed. The problems of legal regulation of the procedure for the implementation of these measures as a means of individual prevention of offenses are identified. Based on the analysis of the results of scientific research and author's conclusions, proposals have been made to improve the legal institution of educational impact measures and the activities of bodies engaged in the prevention of neglect and juvenile delinquency.

Keywords: measures of educational influence, individual prevention of offenses, administrative responsibility of minors.

For citation: Fedchuk I. L., Yanchin V. O. Legal Institute of educational impact measures in the aspect of prevention of juvenile delinquency in the Republic of Belarus // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 53–60.

Проблемные аспекты предупреждения правонарушений несовершеннолетних, особенно повторных, нередко являются

предметом обсуждения у исследователей и правоприменителей в силу того, что указанные деликты в перспективном будущем

© Федчук И. Л., Янчин В. О., 2022

оказывают негативное воздействие на общий уровень правонарушаемости. При этом специфичность правового статуса несовершеннолетнего субъекта правонарушения и возрастные особенности определяют иной от взрослых спектр индивидуальных мер предупреждения их противоправного поведения.

К отдельной категории таковых следует относить меры воспитательного воздействия, введенные Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее – КоАП РБ), в двух аспектах: как специальный институт освобождения несовершеннолетних от административной ответственности и как отдельное средство предупреждения новых правонарушений.

Основными предметами настоящего исследования являются: правовое регулирование профилактической функции мер воспитательного воздействия и особенности порядка их применения при осуществлении индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними делинквентами.

С учетом относительно недавнего реформирования законодательства Республики Беларусь об административных правонарушениях, в рамках которого в отношении несовершеннолетних введен специальный правовой институт освобождения от административной ответственности, проблемные вопросы его правового регулирования и регламентации механизма применения обсуждались лишь в узком кругу белорусских ученых-административистов. При этом достаточно широко данная проблематика исследована в странах постсоветского пространства (Россия, Казахстан, Украина, Таджикистан, Узбекистан), где меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних правонарушителей применяются длительный период времени.

В Республике Беларусь законодательно закреплена следующая система мер воспитательного воздействия: разъяснение законодательства, возложение обязанности принести извинения потерпевшему, возложение обязанности загладить причиненный вред и

ограничение досуга. Указанный правовой институт призван снизить уровень правонарушаемости несовершеннолетних путем расширения индивидуальных средств профилактики правонарушений.

Об усилении профилактической составляющей административно-деликтного законодательства и профилактической природе мер воспитательного воздействия конструктивно высказался С. В. Добриян: «... действующая система профилактических мер воздействия имеет значительный потенциал к увеличению», «... их воспитательная составляющая вытекает из фактического содержания каждой из этих мер, особенно это видно на примере мер воспитательного воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних» [1, с. 14].

Содержание мер воспитательного характера получило законодательное закрепление в статье 9.5 КоАП РБ и безапелляционно подтверждает их превентивную направленность как основную сущность. Данный аспект обосновывает целесообразность включения указанных мер в систему индивидуально-профилактических средств в рамках совершенствования законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В этой связи предлагаем перечень мер индивидуальной профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних закрепить в Законе Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-3 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних), включив меры воспитательного воздействия в качестве отдельной видовой категории и определив их как меры воспитательного воздействия, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях.

Российский исследователь Э. Ф. Байсалова считает, что «меры воздействия, которые применяются в отношении лиц, совершивших правонарушение в раннем возрасте, малоэффективны. Указанные меры направлены преимущественно на работу с последстви-

ями противоправного деяния и в меньшей степени на профилактику противоправного поведения несовершеннолетних» [2, с. 135]. При этом конкретные виды мер, позволяющие эффективно предупреждать новые правонарушения, ею не предлагаются.

Более конструктивно анализирует данный институт В. Н. Закопырин: «В принудительных мерах воспитательного воздействия на первом месте – социальная, психолого-педагогическая помощь, необходимая для того, чтобы сформировать или помочь сформировать критичность в управлении собственным поведением, ориентацию на базовые ценности общества, новые стереотипы поведения. Именно в этом состоит альтернатива принудительных мер воспитательного воздействия обычному наказанию» [3, с. 42].

С целью выработки предложений по усилению профилактического влияния и социальной адаптивности существующей системы мер воспитательного воздействия рассмотрим каждую меру в отдельности, а затем проведем анализ полноты и эффективности системы в целом для возможной ее калибровки.

Разъяснение законодательства заключается в пояснении противоправного характера и общественной вредности правонарушения, степени и размера причиненного вреда, а также, что немаловажно, негативных социальных и правовых последствий повторного совершения противоправных деяний, особенно в тех случаях, когда данный юридический институт влечет уголовную ответственность. Профилактическое значение заключается в осознании правонарушителем своей виновности, общественной вредности и наступления более тяжелых последствий в случае повторного совершения правонарушения. Е. В. Евсикова и А. В. Пономарев высказывают мнение о включении в систему мер воспитательного воздействия профилактической беседы, «с помощью которой несовершеннолетнему будут разъясняются нормы действующего законодательства, ограничения и запреты, которые он нарушил, его моральная и правовая ответственность перед обществом, государством, социаль-

ные и правовые последствия продолжения антиобщественного поведения» [4, с. 90]. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» профилактическая беседа – это устное разъяснение гражданину общественной опасности подготовки и совершения правонарушений, правовых последствий, наступающих в результате совершения правонарушений, а также убеждение в недопустимости их совершения. Таким образом, профилактическая беседа по существу есть не что иное, как одна из форм разъяснения законодательства, которая в правоприменительной практике относится к наиболее распространенному индивидуальному средству профилактического воздействия для предотвращения новых правонарушений. При этом разъяснение законодательства является единственной мерой в системе мер воспитательного воздействия, не содержащей принуждения претерпеть определенные ограничения, соблюсти запреты и (или) выполнить обязательства. Резюмируя изложенное, видится обоснованным и целесообразным дополнить данную меру письменным обязательством несовершеннолетнего о недопустимости подготовки или совершения новых правонарушений. Такое дополнение добавит стройности системе мер воспитательного воздействия и усилит саму меру профилактическим элементом.

Данное предложение может быть реализовано внесением соответствующих поправок в КоАП РБ, а именно:

– пункт первый части 1 статьи 9.4 КоАП РБ изложить в следующей редакции: «разъяснение законодательства с письменным обязательством»;

– часть 1 статьи 9.5 КоАП РБ изложить в следующей редакции: «Разъяснение законодательства с письменным обязательством заключается в разъяснении несовершеннолетнему правонарушителю противоправного характера и общественной вредности совершенного им административного правонарушения, причиненного этим правонарушением вреда, негативных правовых по-

следствий повторного совершения им новых правонарушений и подписи несовершеннолетним правонарушителем обязательства о недопустимости подготовки или совершения им новых правонарушений».

Обязанность принести извинения заключается в требовании к несовершеннолетнему обратиться с просьбой к потерпевшему о прощении за совершенное административное правонарушение. Для предупреждения новых правонарушений будет иметь значение степень искренности и форма извинения. По нашему мнению, для достижения наибольшего профилактического эффекта последняя должна коррелироваться со способом совершения правонарушения. Например, в случае публичного оскорбления потерпевшего должна быть назначена и реализована публичная форма извинения. О непритворности извинения могут свидетельствовать желание и инициатива несовершеннолетнего правонарушителя в указанном действии, которые он проявляет на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении и (или) при реализации меры воспитательного воздействия.

Обязанность загладить причиненный вред заключается в фактическом возмещении несовершеннолетним вреда, причиненного административным правонарушением. При применении такой меры воспитательного воздействия учитываются имущественное положение несовершеннолетнего и его родителей или лиц, их заменяющих, наличие у него соответствующих трудовых и иных навыков.

Исходя из содержания указанной меры восстановительные действия несовершеннолетнего правонарушителя в основном будут заключаться в исправлении (ремонте) поврежденного имущества, предоставлении изготовленного или приобретенного имущества того же рода и качества или возмещении причиненных убытков. Профилактическое значение при применении данной меры имеет полезная для потерпевшего трудовая, творческая, интеллектуальная или иная деятельность несовершеннолетнего правонарушителя, которая

одновременно будет выполнять для него роль дополнительной занятости. Проявленное трудолюбие и иные навыки могут выступить в роли индикаторов достигнутого профилактического эффекта.

Для усиления мотивирующей составляющей исполнить последние две меры воспитательного воздействия (искренне извиниться перед потерпевшим и в полной мере загладить причиненный вред) их результаты (прощение правонарушителя потерпевшим и полное восстановление поврежденного в результате правонарушения имущества) должно иметь официальное отражение в материалах индивидуальной профилактической работы и влиять на сокращение длительности ее проведения. Опираясь на изложенное, предлагаем при корректировке Закона о профилактике безнадзорности статью 7 «Сроки проведения и основания прекращения индивидуальной профилактической работы» дополнить частью следующего содержания:

«В случае прощения потерпевшим несовершеннолетнего правонарушителя после принесения им извинения, а также восстановления несовершеннолетним правонарушителем причиненного правонарушением вреда в полном объеме срок индивидуальной профилактической работы, проводимой органом, учреждением и иной организацией, осуществляющей профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, сокращается вдвое».

Ограничение досуга заключается в возложении на несовершеннолетнего правонарушителя обязанности соблюдения определенного порядка использования свободного от учебы и (или) работы времени, который может быть выражен в следующих формах:

- запрете посещения определенных мест пребывания и использования отдельных форм отдыха, в том числе связанных с управлением транспортным средством;
- ограничении пребывания вне места жительства (места пребывания) в определенное время суток;
- явке для регистрации в орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетнего.

Отметим, что срок действия данной меры воспитательного воздействия крайне ограничен (до 30 суток) и не будет способствовать выработке устойчивого правосознательного поведения. При этом период проведения индивидуальной профилактической работы с данной категорией несовершеннолетних намного значительней (1 год). Сравнивая длительность действия аналогичной меры в Республике Казахстан (от трех до шести месяцев), а также предусмотренной уголовным законодательством Республики Беларусь (статья 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Осуждение несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера» – от одного до шести месяцев), можно сделать предположение о недостаточной эффективности данной меры из-за ее краткосрочности. По нашему мнению, целесообразно предоставить возможность органу, ведущему административный процесс, а также органам, осуществляющим профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, с учетом факторов, влияющих на правонарушающее поведение несовершеннолетнего, более вариативно устанавливать сроки применения данной меры воспитательного воздействия. На этом основании предлагаем в абзаце первом части 4 статьи 9.5 КоАП РБ слова «до тридцати суток» заменить словами «от одного до трех месяцев» и дополнить статью абзацем следующего содержания: «По представлению органа, осуществляющего профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, срок соблюдения определенного порядка использования свободного от учебы и (или) работы времени может быть продлен на три месяца».

КоАП РБ не определен видовой состав мест, запрет на посещение которых устанавливается, что влечет неопределенность в правоприменительной практике (за время действия КоАП РБ в 2021 году от административной ответственности освобождено более 8 тысяч несовершеннолетних, из них с применением ограничения досуга лишь чуть более 8 %)¹.

Кроме того, среди несовершеннолетних в последние годы все более актуальным становится проблема, связанная с совершением правонарушений с использованием компьютерной техники.

Обобщив указанные проблемные аспекты, предлагаем пункт 1 части 4 статьи 9.5 КоАП РБ изложить в следующей редакции: «1) запрет посещения несовершеннолетним мест пребывания и использования форм досуга, определенных органом, осуществляющим профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в том числе связанных с управлением транспортным средством и (или) использованием компьютерной техники».

Рассуждая про цель явки в орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетнего, которая сводится к формальной регистрации, считаем, что ее профилактическая функция представляется достаточно спорной. По сути сама регистрация напрямую не способствует предупреждению новых правонарушений, так как представляет собой сиюминутный контроль в момент непосредственного посещения инспекции по делам несовершеннолетних органа внутренних дел и, в лучшем случае, проведения профилактической беседы. По нашему мнению, сдерживающий регистрацией фактор от совершения правонарушений весьма условен. На практике имеются случаи, когда несовершеннолетние являются на регистрацию в состоянии алкогольного опьянения, с высокой вероятностью осознавая, что в отношении их будет начат административный процесс. Предлагаем упразднить цель указанной явки в виде регистрации, изменив ее на посещение профилактического и (или) реабилитационного мероприятия, в том числе в рамках реабилитационной программы в соответствии с Положением о порядке комплексной реабилитации несовершеннолетних, потребление которыми наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурмани-

¹ Сведения представлены Информационным центром МВД Республики Беларусь.

вающих веществ, употребление алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива установлены в соответствии с законодательством, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь 27 июня 2017 г. № 487.

Важность таких мероприятий справедливо отмечает Е. Ю. Колосовский: «Особенно целесообразно введение такой меры воздействия, как прохождение курса психологической реабилитации или групповой психотерапии, ведь в случае с несовершеннолетними государство должно, в первую очередь, не наказывать, а предотвращать возможность совершения повторных правонарушений через воспитание и помощь подростку в решении его социально-психологических проблем» [4, с. 52].

Основываясь на высказанных мнениях, предлагаем изложить пункт 3 части 4 статьи 9.5 КоАП РБ в следующей редакции: «3) возложение обязанности являться периодически и (или) по вызову в орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетнего, для участия в профилактическом и (или) реабилитационном мероприятии».

К несовершеннолетнему могут быть применены одна, несколько, а также все предусмотренные частью 2 статьи 9.4 КоАП РБ меры воспитательного воздействия. При этом конкретные индикаторы для определения их видового и количественного состава законодательством не установлены. Для достижения наилучшего профилактического эффекта важно определить оптимальную меру или их совокупность. Данный выбор невозможен без индивидуализированного изучения и понимания генезиса правонарушения, которые позволяют выявить истинные причины и условия, ему способствующие, с целью выработки алгоритма их устранения или минимизации влияния.

Исходя из ранее полученных исследовательских результатов, акцентируем внимание на следующих выводах. При совершении правонарушения впервые и подтвержденном стремлении вести в последующем правонарушающий образ жизни

целесообразно ограничиться единственной мерой – разъяснением законодательства с письменным обязательством. При наличии потерпевшего и (или) причинении ущерба к указанной мере необходимо присовокупить обязанность перед ним извиниться и рассмотреть вопрос о возможности загладить вред соответственно. При повторности совершения правонарушения, иных факторах и обстоятельствах, свидетельствующих о склонности несовершеннолетнего к деликтному поведению, совокупность мер должна включать ограничение досуга.

Отдельно отмечаем, что ответственность за невыполнение мер воспитательного воздействия КоАП РБ не предусмотрена. Из-за отсутствия в белорусском законодательстве правового механизма принудительного исполнения мер воспитательного воздействия, по нашему мнению, они не могут оказать достаточное профилактическое влияние на несовершеннолетних с низкими уровнями воспитанности и дисциплинированности.

При этом российским законодательством данный вопрос урегулирован и не вызывает диссонанса у ученых-административистов. «Уклонение несовершеннолетнего, освобожденного от административного наказания, от применения к нему меры воспитательного воздействия, и (или) проведения в отношении него профилактической работы, является основанием для отмены постановления о привлечении к административной ответственности в части освобождения от административного наказания и для назначения несовершеннолетнему административного наказания», – данный подход позитивно оценивают Е. В. Евсикова и А. В. Пономарев [5, с. 89].

По нашему мнению, имплементация российского алгоритма будет диссонировать с общей тенденцией либерализации белорусского законодательства об административных правонарушениях, особенно в отношении несовершеннолетних. Считаем, что правовой механизм, стимулирующий исполнение обязательств, предписанных мерами воспитательного характера, целесообразно

урегулировать Законом о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Считаем, что систематическое нежелание исполнять несовершеннолетним меры воспитательного воздействия должно приобрести правовой статус в качестве основания, наряду с иными, для его направления в специальное учебно-воспитательное учреждение (до 2 лет) или помещения в приемник-распределитель для несовершеннолетних (до 30 суток) при признании несовершеннолетнего, нуждающимся в особых условиях воспитания.

В этой связи для предупреждения новых правонарушений на первый план выходит

процедура контроля их соблюдения и реализации органами, осуществляющими профилактику правонарушений несовершеннолетних.

Таким образом, в Республике Беларусь правовой институт мер воспитательного воздействия направлен на максимальное ограждение несовершеннолетних от привлечения их к административной ответственности с альтернативным применением мер профилактического воздействия.

По нашему мнению, предложенные нововведения повысят адаптивность и социальную направленность мер воспитательного воздействия в общей системе профилактики правонарушений несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добрян С. В. Правовая природа и проблемные аспекты применения профилактических мер воздействия в Республике Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2 (42). С. 12–17.

2. Байсалуева Э. Ф. Некоторые проблемы реализации административной ответственности несовершеннолетних и пути их преодоления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-realizatsii-administrativnoy-otvetstvennosti-nesovershennoletnih-i-puti-ih-preodoleniya> (дата обращения: 14.02.2022).

3. Закопырин В. Н. Проблемы освобождения несовершеннолетних от административной ответственности // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран: сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара, Рязань, 21 апреля 2016 года. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 40–44.

4. Колосовский Е. Ю. Механизм реализации административной ответственности несовершеннолетних в Украине: проблемные вопросы и способы их урегулирования // Экономика и право Казахстана: журнал-дайджест. № 23 (431). Алматы, 2012. С. 49–52.

5. Евсикова Е. В., Пономарев А. В. Административная ответственность несовершеннолетних в рамках реформирования административно-деликтного законодательства Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 34. № 2.

REFERENCE

1. Dobriyan S.V. Legal nature and problematic aspects of the application of preventive measures in the Republic of Belarus // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2021. No. 2 (42). P. 12–17.

2. Baisalueva E. F. Some problems of implementation of administrative responsibility of minors and ways to overcome them // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2019. No. 1 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-realizatsii-administrativnoy-otvetstvennosti-nesovershennoletnih-i-puti-ih-preodoleniya> (date of access: 14.02.2022).

3. Zakopyrin V. N. Problems of exemption of minors from administrative responsibility // Administrative activities of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: collection of materials of the All-Russian scientific and practical seminar, Ryazan, April 21, 2016. Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 2016. P. 40–44.

4. Kolosovsky E. Yu. The mechanism for the implementation of administrative responsibility of minors in Ukraine: problematic issues and ways to resolve them // Economics and law of Kazakhstan: journal-digest. No. 23 (431). Almaty, 2012. P. 49–52.

5. Evsikova E. V., Ponomarev A. V. Administrative responsibility of minors in the framework of reforming the administrative and tort legislation of the Russian Federation // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2020. Vol. 34. No. 2.

Информация об авторах:

Федчук И. Л., кандидат юридических наук, доцент;

Янчин В. О., без ученой степени.

Information about the authors:

Fedchuk I. L., Candidate of Law, Associate Professor;

Yanchin V. O., no academic degree.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2022; одобрена после рецензирования: 07.04.2022; принята к публикации: 25.04.2022.

The article was submitted: 10.03.2022; approved after reviewing: 07.04.2022; accepted for publication: 25.04.2022.

Научная статья
УДК 349.2:004(470)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ**

Виктор Борисович Малкеров

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия, proverkav@rambler.ru

Аннотация. Внедрение цифровых технологий в современное общество охватывает все сферы жизни, в том числе и сферу трудовых отношений. Это предполагает не только исключительно позитивные аспекты, но и наличие некоторой проблематики. В статье отмечается, что внедрение электронных технологий, например, внедрение полиграфических исследований, позволяет использовать новые методы управления в организации, что требует изменений в действующем трудовом законодательстве. Дается анализ некоторых проблем, которые связаны с электронным сбором и обработкой персональных данных. Рассматривается проблематика внедрения дистанционного труда, отмечается что трудовой договор о работе дистанционным методом по своим характеристикам приблизился к гражданско-правовому соглашению. Указывается на то, что возможности электронного документооборота обуславливают необходимость внесения изменений в нормы трудового законодательства, регулирующие вопросы рассмотрения трудовых споров. Отмечается, что внедрение электронных методов документооборота обуславливает необходимость введение норм, которые бы обеспечивали своевременное и качественное переобучение персонала.

Ключевые слова: цифровизация экономики, трудовые отношения, дистанционный труд, защита прав работников.

Для цитирования: Малкеров В. Б. Отдельные проблемы правового регулирования трудовых отношений в условиях цифровизации экономики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 61–67.

Original article

**SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LABOR RELATIONS
IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY**

Viktor B. Malkerov

Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia, proverkav@rambler.ru

Abstract. The introduction of digital technologies into modern society covers all spheres of life, including the sphere of labor relations. This implies not only exclusively positive aspects, but also the presence of some problems. It is noted that the introduction of electronic technologies allows the use of new management methods in the organization, for example, the introduction of polygraphic research, which requires amendments to the current labor legislation. The analysis of some problems related to the electronic collection and processing of personal data is given. The problems of the introduction of remote labor are considered, it is noted that the employment contract for working by remote method has approached a civil law agreement in its characteristics. It is pointed out that the possibilities of electronic document management necessitate amendments to the norms of labor legislation governing the consideration of labor disputes. It is noted that the introduction of electronic document management methods necessitates the introduction of standards that would ensure timely and high-quality retraining of personnel.

© Малкеров В. Б., 2022

Keywords: digitalization of the economy, labor relations, remote labor, protection of workers' rights.

For citation: Malkerov V. B. Some problems of legal regulation of labor relations in the conditions of digitalization of the economy // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 61–67.

Внедрение информационных технологий дает возможность задействовать центрами управления колоссальное количество информации, не сравнимое с тем, которым пользовались управленческие структуры сравнительно недавно. Неотвратимость внедрения информационных технологий обусловлена тем, что цифровизация дает сильный толчок экономического развития. Например, помимо дистанционного труда, сравнительно новым управленческим методом следует считать подбор персонала при помощи интернета [1, с. 173]. Можно отметить, что крупные компании имеют разработки, по которым возможно создание цифрового профиля физического лица с использованием даже обезличенных данных [2, с. 174]. Естественно, имея персональные данные работника, работодатели, используя возможности цифрового анализа, могут создавать принципиально новые механизмы воздействия на работника в своих интересах. О преимуществах при задействовании специальных программных комплексов, когда использование большого количества данных, собранных с помощью цифровых технологий, дает возможность манипулировать поведением человека, говорилось в научной литературе достаточно давно [3, с. 67]. В качестве уже эффективно действующего способа анализа данных с помощью цифровых технологий можно привести такой способ, как исследование с помощью полиграфа. Необходимость данного метода может быть обусловлена тем обстоятельством, что работники, прежде всего из управленческого персонала, могут злоупотреблять своим служебным положением в личных интересах в ущерб интересов собственников организации. Злоупотребления в управлении являются проблемой для любого типа корпорации. Использование полиграфических исследований в странах с развитой рыночной экономикой проводится с двадцатого века. В настоя-

щее время эта практика получила довольно широкое распространение. Так, в США проводят около одного миллиона таких исследований в год, при этом на частный сектор приходится примерно 30 процентов [4, с. 22]. В России исследования на полиграфе широко практикуются для работников государственных структур, при этом по их результатам принимаются кадровые решения. И это несмотря на то, что по оценкам специалистов достоверность полиграфического исследования составляет около 80 процентов [5, с. 56]. Можно предположить, что процесс полиграфических исследований будет совершенствоваться и их количество, в том числе и в России, будет увеличиваться, в том числе и в частном секторе экономики. При этом, если работник отказывается от прохождения исследований на полиграфе, или результат исследования отрицательный, какие правовые последствия этого? Как справедливо отмечалось, оснований для расторжения трудового договора в этом случае не предусмотрено [6, с. 26]. Учитывая данное обстоятельство, автор считает, что в статью 57 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) необходимо внести дополнение и указать, что к существенным условиям трудового договора нужно отнести и обязанность работника проходить исследования на полиграфе.

Другой важной проблемой следует считать некоторую несогласованность норм трудового законодательства, касающихся электронного учета персональных данных работников. В статье 86 ТК РФ указано, что «работодатель не имеет права <...> обрабатывать персональные данные <...> о <...> профсоюзной деятельности». Однако в статье 374 ТК РФ сформулировано правило, в соответствии с которым работодатель не имеет права уволить лидера профсоюзной организации уровня не ниже цехового, не получив согласие у вышестоящего про-

фсоюзного органа. В случае отказа вышестоящего профсоюзного органа дать такое согласие, работодатель имеет право обжаловать отказ в судебном порядке. Таким образом, можно указать на некоторое противоречие в законе. С одной стороны, работодатель не имеет права собирать сведения о профсоюзной деятельности работника. Но в случае, если он окажется лидером профсоюзной организации, работодатель обязан выполнить установленную в законе процедуру при увольнении этого работника. Хотя в статье 86 ТК РФ имеется оговорка о том, что сведения о профсоюзной деятельности нельзя собирать, кроме случаев, которые указаны в законе. Можно предположить, что статья 394 ТК РФ именно этим случаем и является. Однако прямого указания об этом нет, что обуславливает неоднозначность в толковании закона. На практике это способствует злоупотреблениям со стороны увольняемых работников. Работник, имеющий право на какие-либо гарантии от увольнения по инициативе работодателя, может не сообщить работодателю о своей гарантии и после увольнения потребует восстановить его на работе с выплатой определенной компенсации. Конечно, работодатель может указывать в подобных ситуациях на наличие злоупотребления правом, но данный факт доказать в ходе судебного процесса достаточно сложно. Как мы видим, в трудовом законодательстве имеются определенные нестыковки, касающиеся отношений при обработке персональных данных, технология которых прямо связана с цифровыми технологиями.

Еще одним важным аспектом внедрения цифровых технологий в трудовые отношения можно назвать внедрение дистанционного труда. Количество сотрудников, работающих дистанционно постоянно возрастает [7, с. 98]. Как указывалось в научной периодике, сущность дистанционного труда можно характеризовать некоторыми признаками. Прежде всего, это то, что трудовые обязанности выполняются не на территории работодателя. Другим признаком может быть то обстоятельство, что данные

трудовые обязанности осуществляются с помощью цифровых коммуникаций. Кроме того, отмечается, что в данном виде трудового договора смещается акцент с процесса труда на результат труда [8, с. 231]. Признак использования цифровых коммуникаций разграничивает дистанционный труд с надомным трудом, который по первому признаку делает эти виды трудовой деятельности схожими. Реагируя на необходимость регулирования дистанционного труда, законодатель ввел в ТК РФ новую главу 49.1. Однако сложности с регулированием отношений по дистанционному труду достаточно много. Довольно сложно осуществлять работодателю контроль за режимом рабочего времени, сложно выявлять дисциплинарные проступки работника. Работник должен качественно и в срок выполнить порученное задание и посредством цифровых коммуникаций передать результаты работы своему работодателю, возможно, быть на связи в установленное время и иметь другие аналогичные обязанности. Работодатель же может быть обязан оборудовать рабочее место, возможно, предоставить программное обеспечение и другие технические средства, которые необходимы работнику. Другие обязанности работодателя мало чем отличаются от обычного трудового договора, например, обязанность по выплате заработной платы. Если мы проанализируем права и обязанности сторон трудового договора, связанного с дистанционным трудом, то можно констатировать, что сходство трудового договора о дистанционном труде крайне схоже с договором гражданско-правового характера. Классическое отличие трудового договора от смежного гражданско-правового договора, когда предметом трудового договора является процесс труда, а предметом гражданско-правового договора – результат труда, в трудовом договоре о дистанционном характере работы нивелируется. Работодатель в этом виде трудового договора имеет право контролировать наличие работника на своем рабочем месте, однако практическая значимость такого контроля не имеет боль-

шого значения. Работодателю нужно, чтобы работник вовремя выгружал результаты своей деятельности на указанные серверы. В связи с более значительным сходством трудового договора о дистанционном труде с гражданско-правовым договором, чем с обычным трудовым договором, можно сделать предложение о внесении изменений в действующий Трудовой Кодекс Российской Федерации. В статью 19.1 ТК РФ желательно внести дополнение о том, что все виды договоров на выполнение каких-либо работ дистанционным образом, носящих длящийся характер, следует признавать трудовыми договорами. С точки зрения автора, это позволит не допустить злоупотреблений со стороны работодателя в тех случаях, когда он будет маскировать трудовой договор о работе дистанционным образом под гражданско-правовой договор.

Развитие цифровых технологий нашло свое отражение и в гражданско-процессуальных отношениях. Трудовые споры можно признать частью тех споров, которые урегулированы гражданско-процессуальным законодательством. При этом нужно иметь в виду, что внедрение цифровизации в процедуру рассмотрения гражданско-правовых споров не должно изменять принципов данной отрасли права, а может лишь быть инструментарием по воплощению этих принципов. В настоящее время гражданин может лично не являться в суд, а направить необходимые документы по электронной почте. Нужно отметить, что наличие возможности подачи искового заявления позволяет существенно экономить как временные, так и материальные ресурсы. Однако большое количество граждан России, в большей степени это лица пожилого возраста, не имеют доступа к сети Интернет или не имеют навыков по оформлению электронного документооборота. Возможность подачи искового заявления как дистанционно, так и непосредственно через канцелярию приводит к возникновению вопроса о равноправии прав граждан, которые являются пользователями Интернета, и тех, которые таковыми не являются.

Это связано с установленными в законодательстве сроками исковой давности по трудовым спорам. Так, в ст. 392 ТК РФ указано, что при наличии факта увольнения работника по любому основанию он имеет право обратиться в суд с иском для восстановления на работе как незаконно уволенного в течение месячного срока с того момента, когда уволенный получил копию приказа или трудовую книжку. Этот срок радикально отличается от тех сроков исковой давности, которые установлены в судопроизводстве по гражданско-правовым спорам. Там он может исчисляться годами. В сроках исковой давности, которые установлены по спорам о законности увольнения, значение одного или даже нескольких дней принципиально иное, чем в тех случаях, когда срок исчисляется годами. Если гражданин проживает в местности с затрудненным транспортным сообщением, то обращение в суд, если он находится в другом населенном пункте, может потребовать значительного временного ресурса. При этом другое лицо, проживающее в том же населенном пункте, но имеющее доступ к сети Интернет, получает преимущество, поскольку имеет возможность сэкономить время при подаче искового заявления о восстановлении на работе. Следовательно, пользователь Интернета имеет более привилегированное положение, чем лицо, не имеющее доступа к сети. По мнению автора, данное обстоятельство должно быть отражено в действующем законодательстве. Как отмечалось, желательно проработать перечень причин, когда срок исковой давности по трудовым спорам пропущен по уважительной причине [9, с. 40]. Желательно в этом перечне отразить ситуацию с отсутствием возможности воспользоваться электронной системой документооборота.

Помимо федерального законодательства, цифровизация экономики отражается и в локальном нормотворчестве. Организации, переводя свой документооборот на электронные носители, на уровне локальных нормативных актов осуществляют регламентацию требований к электронному

документообороту. При этом навыки по владению электронным документооборотом в основном заключаются в запоминании последовательности манипуляций на клавиатуре компьютера. Некоторые виды документов заполняются возможно один раз в год, и навыки по заполнению этого вида документа забываются, поэтому требуется регулярное переобучение. Помимо того, что это приводит к дополнительным затратам времени, процесс переобучения способен создавать определенный дискомфорт у сотрудников. Это обусловлено тем, что во многих случаях не учитывается уровень способностей по обучению навыкам электронного документооборота. Сутью этих способностей является умение с максимальной скоростью найти на компьютерном оборудовании нужный элемент для клика, запомнить необходимую последовательность манипуляций и сохранить ее в памяти как можно дольше. Работники, которых собирают для групповых занятий по обучению работе с электронным документооборотом, но с которыми с целью экономии средств не проводятся индивидуальные занятия, часто обладают разным уровнем способностей, и для многих занятия проходят без необходимого эффекта. Сотрудники, оперативно выполняющие первые задания, находятся уже на шестом-восьмом клике, а отставшие – еще на втором, и уже не могут освоить нужный алгоритм, что часто вызывает у них сильные отрицательные эмоции. При усилении тенденции по переводу документооборота в цифровую плоскость, при отсутствии требований по единообразию в использовании данных программ, очевидно, обострится проблема адаптации на своем рабочем месте вновь принятого сотрудника. Программы по тому или иному виду документооборота могут автономно разрабатываться специалистами данной организации. Работник же, поступивший на работу, может не справиться с применением той или иной программы, даже если он занимал аналогичную должность в той организации, где

он работал раньше. Фактически можно констатировать, что во многих случаях, работник может закрепиться в новой организации, если сложившийся коллектив примет его и поможет освоить специфические виды программ по электронному документообороту. Особенно сложной будет ситуация в том случае, если работник победил на проведенном конкурсе, а не был принят по договоренности с работодателем, но результаты конкурса не устроили часть сложившегося коллектива. Наибольшая вероятность возникновения подобной ситуации в научных и педагогических коллективах. Негативными составляющими подобных ситуаций будут: снижение уровня здоровой конкуренции, ограничение права на свободное распоряжение своими способностями к труду, являющегося конституционным. Перспектива овладеть новыми программами при переходе на другое место работы заставит задуматься многих граждан, особенно старших возрастов. При этом это может быть высококвалифицированный сотрудник, у которого развиты навыки, связанные с обобщением и анализом, а не механический вид памяти по запоминанию последовательностей компьютерных манипуляций. Как отмечалось в научной литературе, законодатель не достаточно четко прописывает обязанности работодателей по переобучению персонала, а работодатели часто стремятся переложить обязанности по переобучению на самого работника или государство [10, с. 110]. Автор полагает, что необходимо принятие федерального закона, который бы обязывал организации внедрять унифицированные цифровые программы по различным видам электронного документооборота в организации. Они бы облегчали возможность перехода работника из организации в организацию, что способствовало бы усилению мобильности рабочих ресурсов. Кроме того, желательно внести в ТК РФ нормы, которые бы закрепляли ответственность работодателя за организацию переобучения сотрудников новым цифровым технологиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рощин С. Ю., Солнцев С. А. Как компании ищут работников: эмпирические оценки по российским предприятиям // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15. № 2. С. 173–192. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.203.
2. Белая О. В., Кононенко Д. Б., Семченкова М. Н. Правовое регулирование деятельности стартапов в области Big data (большие данные) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 1(42). С. 174–180.
3. Воробьев Л. А., Панасенко Г. Н. Возможности и перспективы развития технологий, основанных на Big Data в HR // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. 2015. № 6. С. 67–75.
4. Самофалова В. В., Посохов С. Э. Полиграф сегодня: проблемы применения // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 10 (51). С. 22–24.
5. Кузнецов А. А., Рогожина В. В. Полиграф – из истории до наших дней // Вестник современных исследований. 2018. № 11-8 (26). С. 55–57.
6. Лепетикова И. Ю., Кобзарь Г. В. Использование полиграфа в государственном и муниципальном управлении // Ростовский научный журнал. 2018. № 3. С. 22–29.
7. Дудченко С. В. Опыт регулирования дистанционного труда работников в зарубежных странах // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1-4 (115). С. 98–100.
8. Китаева А. В. К вопросу правового регулирования организации дистанционного труда // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2. С. 231–232.
9. Комков С. А. Исковая давность в трудовом праве (теория и практика правоприменения) // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2 (93). С. 37–41.
10. Филющенко Л. И. Повышение конкурентоспособности работников в условиях глобализации экономики // Труд и социальные отношения. 2016. № 2. С. 106–116.

REFERENCE

1. Roshchin S. Yu., Solntsev S. A. How companies are looking for employees: empirical estimates for Russian enterprises // Russian Journal of Management. 2017. V. 15. No. 2. S. 173–192. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.203. (In Russ.)
2. Belaya O. V., Kononenko D. B., Semchenkova M. N. Legal regulation of startups in the field of Big data (big data) // Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2018. No. 1(42). P. 174–180. (In Russ.)
3. Vorobyov L. A., Panasenko G. N. Opportunities and prospects for the development of technologies based on Big Data in HR // Human resource management is the basis for the development of an innovative economy. 2015. No. 6. P. 67–75. (In Russ.)
4. Samofalova V. V., Posokhov S. E. Polygraph today: problems of application // Central Scientific Bulletin. 2018. V. 3. No. 10 (51). P. 22–24. (In Russ.)
5. Kuznetsov A. A., Rogozhina V. V. Polygraph – from history to the present day // Bulletin of modern research. 2018. No. 11-8 (26). P. 55–57. (In Russ.)
6. Lepetikova I. Yu., Kobzar G. V. The use of the polygraph in state and municipal administration // Rostov scientific journal. 2018. No. 3. P. 22–29. (In Russ.)
7. Dudchenko S.V. Experience in regulating remote work of workers in foreign countries // International Scientific Research Journal. 2022. No. 1-4 (115). P. 98–100. (In Russ.)
8. Kitaeva A. V. On the issue of legal regulation of the organization of remote work // Eurasian legal journal. 2022. No. 2. P. 231–232. (In Russ.)
9. Komkov S. A. Limitation period in labor law (theory and practice of law enforcement) // Siberian Legal Bulletin. 2021. No. 2 (93). P. 37–41. (In Russ.)
10. Filyushchenko L. I. Increasing the competitiveness of workers in the context of the globalization of the economy // Labor and social relations. 2016. No. 2. P. 106–116. (In Russ.)

Информация об авторе:

Малкеров В. Б., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Malkerov V. B., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2022; одобрена после рецензирования: 19.05.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 10.04.2022; approved after reviewing: 19.05.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 343.353(470)

**ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ**

Сергей Владимирович Ермаков¹, Ольга Владимировна Ермакова²

¹ Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы,
Барнаул, Россия, ermaksv_alt22@mail.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России,
Барнаул, Россия, ermakova_alt@mail.ru

Аннотация. В представленной статье авторами анализируется общественно опасное деяние в составе превышения должностных полномочий. Основное внимание уделяется понятию «явность» выхода за пределы предоставленных полномочий. Авторами рассматриваются формы превышения и приводится критика восприятия данного состава в качестве общей нормы. В работе предлагается применение правил совокупности превышения должностными полномочиями с иными составами преступлений только в случае совершения самостоятельных действий. В обосновании представленных выводов авторами приводятся примеры судебной практики.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, должностные преступления, проблемы квалификации преступлений главы 30 УК РФ.

Для цитирования: Ермаков С. В., Ермакова О. В. Превышение должностных полномочий: проблемы толкования общественно опасного деяния // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 68–73.

Original article

**ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY:
PROBLEMS OF INTERPRETATION OF A SOCIALLY DANGEROUS ACT**

Sergey V. Ermakov¹, Olga V. Ermakova²

¹ Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Barnaul, Russia, ermaksv_alt22@mail.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Barnaul, Russia, ermakova_alt@mail.ru

Abstract. In the presented article, the author analyzes a socially dangerous act as part of abuse of office. The main attention is paid to the concept of «explicitness» of going beyond the limits of the granted powers. The author examines the forms of excess, and provides criticism of considering this composition as a general rule. The author proposes the application of the rules of the aggregate excess of official powers with other elements of crimes only in the case of committing independent actions. In support of the presented conclusions, the author provides examples of judicial practice.

Keywords: abuse of office, malfeasance, problems of qualifying crimes in Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation.

For citation: Ermakov S. V., Ermakova O. V. Abuse of official authority: problems of interpretation of a socially dangerous act // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 68–73.

В составе превышения должностных полномочий деяние определено как действие, которое явно выходит за пределы полномочий. Подобная формулировка основывается на лексическом значении понятия «превышение», означающем «оказаться больше чего-либо по размеру, количеству, возможностям, сделать что-либо больше обычного, нормального, либо выйти за пределы своих прав, полномочий» [1].

В пункте 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» № 19 от 16 октября 2009 г. [2] (далее – постановление № 19) к превышению относятся такие случаи, когда должностное лицо совершает действия, которые: выступают полномочиями другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу); могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц); совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

При этом не все ученые согласны с выделением последнего варианта превышения. Так, В. И. Динека предлагает применять за совершение запретительных для всех лиц действий общеуголовную ответственность [3, с. 54]. Полагаем, что выделение рассматриваемого вида деяния вполне оправдано, поскольку действия, которые никто не вправе совершать, выходят за пределы полномочий, совершаются специальным субъектом, посягают на нормальное осуществление власти, следовательно, должны квалифицироваться по ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Позиция Верховного Суда Российской Федерации по поводу возможности превы-

шения полномочий только в форме действия выражена достаточно четко (п. 19 постановления № 19). Однако в научной литературе существует мнение, что данное преступление все-таки может быть совершено и путем бездействия.

Например, В. Н. Шиханов считает, что существует бездействие, которое внешне выглядит как действие. Речь идет об уклонении от выполнения действия. По мнению автора, превышение должностных полномочий может быть совершено путем бездействия, при рассмотрении деяния с фактической позиции, а не в юридическом значении [4, с. 82].

Принимая во внимание отсутствие в уголовном законе нормы, предусматривающей ответственность за умышленное бездействие при отсутствии заинтересованности, подобные суждения представляют интерес. Однако, полагаем неверным расширительно толковать нормы закона, поскольку если бы законодатель предусматривал подобную возможность, то ст. 286 УК РФ была бы изложена в другом виде (например, с использованием термина «деяние», объединяющее активное и пассивное поведение).

Совершаемые при превышении действия должны быть связаны с распорядительной деятельностью должностных лиц. Так, оперуполномоченные А. и Л. требовали от подозреваемого П., чтобы тот признался в совершении разбоя. Оперуполномоченный А. подошел к П. и с размаха ударил кулаком в грудь, от удара подозреваемый упал со стула назад и стукнулся затылком о пол. А. поднял его за ворот и ударил еще раз в солнечное сплетение. После чего Л. стал наносить П. удары руками и ногами по голове. Когда П. после 2 суток освободили, он обратился в больницу. Врачи установили перелом грудины и сотрясение головного мозга [5]. В приведенном примере связь между применяемым должностными лицами насилием и присущими должностными полномочиями проявляется в том, что удары наносились при производстве расследования (оперативных мероприятий) и в связи с выполняемой служебной деятельностью.

Таким образом, представленные в научной литературе позиции относительно расширительного толкования деяния в рамках ст. 286 УК РФ необоснованны. Проявление деяния исключительно в форме действия является важнейшим отграничительным признаком данного преступления от злоупотребления должностными полномочиями.

Превышение предполагает совершение таких действий, которые явно выходят за пределы полномочий. Толкование признака «явность» представляется достаточно сложным, поскольку должностное лицо зачастую не осведомлено об объеме предоставленных полномочий, а учитывая принцип субъективного вменения, привлечение к уголовной ответственности в данных случаях не обоснованно.

С. Г. Айдаев предлагает выделять только объективное содержание признака явности [6, с. 16] и рассматривает его как способ совершения превышения. Сложно согласиться с ограничением явности объективным критерием по следующим причинам: во-первых, оценка деятельности должностного лица иными субъектами может быть затруднена. Полномочия некоторых должностных лиц знакомы окружающим лишь в общих чертах, а значит, третьи лица в большинстве случаев не способны констатировать наличие превышения.

Во-вторых, в теории уголовного права общепризнанно, что любая объективная деятельность всегда сопровождается субъективными процессами, характеризующими сознание и волю субъекта. Соответственно, ограничение признака «явность» исключительно объективным критерием противоречит основным положениям уголовного права.

В обосновании представленного вывода следует указать на пункт 19 постановления № 19, в котором закрепляется, что ответственность за превышение должностных полномочий наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, которые явно выходят за пределы его полномочий, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий.

Таким образом, признак «явность» превышения должностных полномочий предполагает не только объективные действия, выходящие за пределы, но и осознание этого факта виновным, т. е. складывается из объективного и субъективного критериев.

Поскольку при превышении полномочий лицо может совершать действия, по своей сути являющиеся преступными (например, фальсифицировать какой-либо документ), возникает вопрос о квалификации таких действий и возможности применения правил совокупности.

В научной литературе широкое распространение получила позиция, согласно которой превышение должностных полномочий не является общей нормой по отношению к таким преступлениям, как присвоение или растрата, служебный подлог и т. д. [7, с. 48–51]. В качестве аргумента приводится наличие в квалифицированном составе признака применения насилия или угроз (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), не свойственного иным преступлениям против государственной власти.

Полагаем, обозначенная проблема появилась в связи с тем, что совершение данных преступлений выступает разновидностью действий, которые никто не вправе осуществлять.

Если рассматривать превышение полномочий как общую норму, а иные должностные преступления в качестве специальных, то по правилам квалификации преступлений при конкуренции применению подлежат только специальные составы преступлений. Иначе говоря, совокупное сочетание в квалификации ст. 286 и ст. 292 УК РФ, ст. 286 и ст. 160 УК РФ невозможно.

При ином выводе, в соответствии с которым превышение не рассматривается в качестве общей нормы, совокупность преступлений может иметь место. В этой части в качестве примера можно провести аналогию с составом злоупотребления должностными полномочиями, наличие которого не исключает возможное применение совокупности преступлений с составом служебного подлога (п. 17 постановления № 19).

По нашему мнению, каждое должностное преступление является самостоятельным, предусматривающим ответственность за определенное поведение должностного лица. Признание превышения должностными полномочиями общей нормой по отношению к целому ряду иных преступлений чрезмерно сужает действие данного предписания закона, искажая то содержание, которое вкладывает в диспозицию ст. 286 УК РФ законодатель.

Иначе говоря, должностное лицо не вправе совершать любое из преступлений, закрепленных в уголовном законе, а значит, руководствуясь такой логикой, злоупотребление должностными полномочиями, присвоение, растрата, служебный подлог, взяточничество и иные составы (перечень можно продолжить указанием на преступления, закрепленные в иных главах УК РФ, вплоть до убийства) – это все специальные случаи превышения. Очевидно, что в представленном варианте сам состав превышения обретает неограниченные «безразмерные» масштабы. Поэтому содержание состава превышения полномочий и его соотношение с иными преступными деяниями должно рассматриваться не через призму общей и специальных норм, а в ином ракурсе.

Содержание преступного деяния в составе превышения должностными полномочиями не предполагает априори преступные действия. Уголовная ответственность по ст. 286 УК РФ наступает за то, что должностное лицо совершает действия, не входящие в его компетенцию, т. е. имеет место нарушение нормальной деятельности органов власти в части распределения полномочий и обязанностей между различными представителями ее осуществляющими.

Только по каким-то причинам правоприменительная практика по ст. 286 УК РФ складывается из типичных примеров применения насилия представителями власти. Хотя потенциал данной нормы гораздо больший и предполагает ее применение даже к тем действиям, которые не являются преступными.

В качестве довода непризнания ст. 286 УК РФ общей нормой, можно привести оправдательный приговор в отношении оперуполномоченного А., который договорился с Г. и Ш. о незаконном сбыте на территории города Пскова и области наркотических средств. Действия А. были квалифицированы по ч. 1 ст. 286, п.п. «б», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, поскольку А. использовал свое служебное положение.

Оправдывая А. по ч. 1 ст. 286 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления, суд в приговоре указал, что приведенные в этой части обвинения действия образуют самостоятельные составы преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, и «не могут рассматриваться как действия, явно выходящие за пределы полномочий должностного лица». В части оправдания А. по ч. 1 ст. 286 УК РФ кассационное представление прокурором было отозвано [8].

Относительно возможности совокупности различных преступлений со ст. 286 УК РФ следует отметить, что она может иметь место только в тех случаях, когда лицо, помимо какого-либо преступления, совершает отдельные действия, выходящие за пределы полномочий, т. е. совокупность может быть только реальная.

Например, Л., являясь должностным лицом – начальником отдела военного комиссариата, через Б. сообщил С. о том, что за денежное вознаграждение в размере 80 000 рублей окажет содействие в полном освобождении, не имеющем законных оснований, от призыва на военную службу.

Достигнув желаемого результата по незаконному получению денежных средств, Л., находясь в отделе военного комиссариата, исполняя служебные обязанности и превышая их, во исполнение взятых на себя обязательств осуществил действия, связанные с полным освобождением С. от мероприятий по призыву на военную службу по состоянию здоровья, а именно передал своей подчиненной Б. поддельный официальный документ – акт исследования состояния здоровья. После чего дал последней обяза-

тельное к исполнению незаконное указание внести в акт исследования состояния здоровья заведомо ложные сведения о, якобы, прохождении С. обследования состояния здоровья в медицинском учреждении и наличии заболевания. Суд верно квалифицировал действия Л. по совокупности преступлений – ст.ст. 290, 286 и 292 УК РФ, поскольку каждое из обозначенных деяний совершено самостоятельными действиями [9].

В частности, в приговоре отдельно обозначено, что применение ст. 290 УК РФ обуславливается принятием незаконного вознаграждения; квалификация по ст. 286 УК РФ объясняется передачей должностным лицом своей подчиненной поддельного официального документа, а также доведением до ее сведения незаконного указания о внесении в акт исследования состояния здоровья заве-

домо ложных сведений. Использование ст. 292 УК РФ необходимо вследствие подделки должностным лицом этого документа для дальнейшего использования в целях реализации той договоренности, достигнутой при получении взятки.

Таким образом, при совершении превышения должностных полномочий лицо совершает действия, которые выходят за пределы предоставленной компетенции. При этом данные действия объективно не находятся в полномочиях должностного лица, и последний осознает указанное обстоятельство. Применение правил реальной совокупности превышения с иными преступлениями возможно только при выражении каждого из совершаемых преступлений в самостоятельных действиях должностного лица.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 03.03.2022).
2. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Динека В. И. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий сотрудников органов внутренних дел: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 204 с.
4. Шиханов В. Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. М.: Волтерс Клувер, 2011. 239 с.
5. Превышение должностных полномочий: судебная практика. URL: <https://sudact.ru/practice/prevyshenie-dolznochnyuh-polnomochij> (дата обращения: 03.03.2022).
6. Айдаев С. Г. Превышение должностных полномочий: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.
7. Векленко В. В., Борков В. Н. Расширительное толкование превышения должностных полномочий // Российский следователь. 2019. № 6. С. 48–51.
8. Обобщение судебной практики Псковской области по уголовным делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий (ст. ст. 285, 286 УК РФ). URL: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=248 (дата обращения: 03.03.2022).
9. Приговор № 1-1-127/2019 1-1-4/2020 от 11 сентября 2020 г. по делу № 1-1-127/2019 Мценского районного суда (Орловская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h15UqS8ONYQr/> (дата обращения: 03.03.2022).

REFERENCES

1. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. URL: <http://slovarozhegova.ru> (date of access: 03.03.2022). (In Russ.)
2. On judicial practice in cases of abuse of official powers and abuse of official powers: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 19 of October 16, 2009 // RLS «ConsultantPlus». (In Russ.)

3. Dineka V. I. Criminal liability for abuse of power or official powers of employees of internal affairs bodies: diss. ... cand. of law. M., 1992. 204 p. (In Russ.)
4. Shikhanov V. N. Criminal and legal characteristics of crimes against state power, interests of public service and service in local self-government bodies. Moscow: Volters Kluver, 2011. 239 p. (In Russ.)
5. Abuse of official authority: judicial practice. URL: <https://sudact.ru/practice/prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij/> (date of access: 03.03.2022). (In Russ.)
6. Aidaev S. G. Abuse of official authority: abstract. diss. ... cand. of law. M., 2004. 24 p. (In Russ.)
7. Veklenko V. V., Borkov V. N. The broad interpretation of abuse of official authority // Russian investigator. 2019. No. 6. P. 48–51. (In Russ.)
8. Generalization of the judicial practice of the Pskov region in criminal cases of abuse of official authority and abuse of official authority (Articles 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation). URL: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=248 (date of access: 03.03.2022). (In Russ.)
9. Sentence No. 1-1-127/2019 1-1-4/2020 dated September 11, 2020 in case No. 1-1-127/2019 of the Mtsensk District Court (Oryol region). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h15UqS8ONYQr/> (date of access: 03.03.2022). (In Russ.)

Информация об авторах:

Ермаков С. В., кандидат юридических наук, доцент;
Ермакова О. В., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Ermakov S. V., Candidate of Law, Associate Professor;
Ermakova O. V., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021; одобрена после рецензирования: 21.02.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 09.12.2021; approved after reviewing: 21.02.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 353.24(470)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЫРАЖЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Надежда Борисовна Маликова¹, Борис Зуфарович Маликов²

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Москва, Россия, malikova26@mail.ru

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, malikov_bz@mail.ru

Аннотация. Материал статьи содержит обоснование авторами проблемы правовой природы уголовной ответственности как исторически сложившегося государственно-правового формата и способа реагирования на общественно опасные деяния (преступления). Уголовная ответственность – концептуальная правовая структурная основа уголовного права России, выраженная в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации. Она отражает диалектическую связь и обусловленность преступления и наказания. В механизме уголовной ответственности ключевым способом защиты наиболее значимых социальных ценностей было и остается наказание. Оно же выступает мерой ответственности в качестве санкций статей Особенной части УК РФ. Современный социальный динамизм меняет и содержание уголовной политики. Это выражается в расширении форм реализации уголовной ответственности за счет достижения исправления субъектов преступления путем освобождения их от уголовно-правового преследования, наказания и применения иных мер уголовно-правового принуждения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, человек и личность – субъект общественно опасного поведения, учения о личности преступника и наказании.

Для цитирования: Маликова Н. Б., Маликов Б. З. Нормативно-правовые основы выражения уголовной ответственности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 74–81.

Original Article

REGULATORY FRAMEWORKS FOR CRIMINAL LIABILITY

Nadezhda B. Malikova¹, Boris Z. Malikov²

¹ Research institute of the Federal penitentiary service, Moscow, Russia, malikova26@mail.ru

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, malikov_bz@mail.ru

Abstract. The article contains the authors' justification for the problem of the legal nature of criminal responsibility, as a historically established state-legal format and a way of responding to socially dangerous acts (crimes). Criminal responsibility is the conceptual legal structural basis of Russian criminal law, expressed in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. It reflects the dialectical connection and the conditioning of the crime and punishment. In the mechanism of criminal responsibility, punishment has been and remains a key way to protect the most important social values. It also acts as a measure of responsibility as sanctions of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Modern social dynamism also changes the content of criminal policy. This is reflected in the expansion of the forms of criminal liability by achieving correction of the subjects of the crime by releasing them from criminal prosecution, punishment and the application of other measures of criminal law coercion.

Keywords: criminal responsibility, punishment, person and personality – the subject of socially dangerous behavior, teachings about the identity of the offender and punishment.

For citation: Malikova N. B., Malikov B. Z. Regulatory frameworks for criminal liability // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 74–81.

© Маликова Н. Б., Маликов Б. З., 2022

Противодействие криминальным проявлениям является объективно обусловленной функцией любого государства, инструментом которого всегда были и остаются право, правосудие и органы принуждения: армия, полиция, тюрьмы. Субъектом криминальной агрессии выступал и выступает человек как проявление в человеке и личности единства биологических и социальных свойств, как противоречивое единство позитивных и негативных сторон своей сущности, как носитель и творец индивидуального поведения и притязаний в социуме своего эго и неоднозначного мировоззрения, своих идей, взглядов, менталитета, обычаев и традиций, образа жизни, культуры, ценностных предпочтений. Криминальные проявления человека – это результат либо несформированности, либо кризиса его личностных начал, которые в поведении выражаются в умышленном общественно опасном поведении или неосторожном поведении, повлекшем наступление общественно опасных последствий.

Формирование теории уголовного права в истории развития человечества имеет важное значение как своеобразный пласт познаний социума об объективных реалиях природы и жизни, о законах бытия, о сущности человека и личности, его поведении, духовных и социальных ценностях, о порядке устройства жизни, о противоречивом характере взаимодействия людей, о греховности и агрессии человека, о недопустимости нарушений запретов и социальных норм под страхом кары, презрения и изгнания. Накопление знаний и их практическое применение прошло длительный и многовековой путь практического действия против проявлений зла и агрессии в социальном пространстве, что дало толчок формированию механизмов правотворчества, правоохраны, правосудия.

Религиозные воззрения и нормы были первыми, выработанными, систематизированными и официально предъявленными представлениями о греховности во внешнем проявлении человека, о недопущении неподобающего поведения и о каре Всевышнего за него. Исходили таковые учения и нормы из религиозных учреждений – центров ду-

ховности нормотворчества и умиротворения. Как социально значимые учреждения и формы воздействия на социум церковно-религиозные учреждения в период своего подъема под своими сводами собирали и объединяли интеллектуальные, пытливые и одаренные умы. Вполне обоснованно этот факт подчеркивал В. Ж. Келле: «... в Средние века интеллектуальная культура была поставлена на службу духовной культуре и, прежде всего, религии, а знание подчинено вере [1, с. 188]. Интеллект был включен в процесс наращивания и систематизации идеологии и обогащения форм церковного дела, а также в усиление церковно-религиозных устоев. Надо отметить при этом, что церковные учреждения также несли в народ в своей организации деятельности и просвещение – элементарные знания. Итогом усиления интеллектуальных, материальных и организационных возможностей, расширения сфер взаимодействия и влияния церковно-религиозных учреждений, их власти стало возникновение в них проявлений «ереси», ослушания и инакомыслия, так как схоластика и догматизм начали оказывать на просвещенные умы сдерживающее действие. Рост социальной энергии все же изменил ход развития мира. Историк христианской церкви Е. И. Смирнов по этому поводу писал: «В XV в. в умственной жизни запада совершился переворот, известный под названием возрождения наук... с падением схоластики, область знаний значительно расширяется; науки так называемые светские, получают право гражданства и делаются предметом серьезного изучения... В 1440 году Козьмою Медичи основана была во Флоренции *Academia Platonica*, которая сделалась рассадником гуманизма. Из Италии гуманистическое просвещение распространилось в Германии, Франции, Англии. Гуманисты появились везде, составляли из себя общества, заведовали школами, университетами и т. д. [2]. В эпоху просвещения научная, философская и общественная мысль расширили представления о мире бытия, человеке, государстве и праве, ответственности.

Наука в прямом смысле вышла из церковных стен Западной Европы. Будучи организационно, теоретически и практически

окрепшей, она переместилась в светские дворцы знаний – университеты, в которых изучалось право и велись исследования по направлениям юриспруденции.

По развитию наук в стенах университетов и просвещенности (организации элементарного образования) Россия отставала от Запада не на одно столетие. Виленский университет, который функционировал со второй половины XVI века, оказал определенное влияние на формирование университетов в России, а затем стал и сам частью системы научных учреждений нашей страны [3]. Именно в стенах первых университетов России юриспруденция обрела светское содержание и характер науки, опирающейся на основы философии, теории права, других общественных наук. С Петровских времен началось создание в стране скромных по своим возможностям университетов. В их числе были: Академический университет Петербургской академии наук (1724 г.); Императорский Московский университет (1755 г.); Императорский Дерптский университет (1799 г.). Философия, право и медицина стали первыми и основным направлениями обучения и проведения теоретических исследований в них. Хотя следует отметить, что познания в сфере богословия и церковной деятельности были предметом изучения на специальной кафедре и факультете православного богословия Дерптского (Юрьевского) университета. В XIX веке в самостоятельную университетскую жизнь были включены города Вильнюс (Виленский – 1803 г.), Казань (1804 г.), Харьков (1805 г.), Санкт-Петербург с Отделом в Перми (1819 г.), Хельсинки (1827 г.), Киев (1834 г.), Одесса (1865 г.), Варшава (1869 г.), Томск (1874 г.).

В XIX веке в России были осуществлены значительные реформы в области права, административной и судебной деятельности, создания в новом качестве ведомств и министерств. Это обусловило необходимость подготовки в университетах России специалистов в области права. К концу XIX века более 40 % студентов специализировались на изучении юриспруденции.

Теория уголовного права России вобрала в свое содержание мировые достижения

в области права, ответственности и применения уголовно-правового принуждения. Русские ученые-правоведы уже в XVIII–XIX веках значительно обогатили юриспруденцию научными трудами и учебными курсами по дисциплинам криминального цикла: уголовному праву, криминалистике, уголовному процессу. По результатам предметных исследований профессора права Д. В. Духовский, А. Ф. Кистяковский, Н. Д. Сергеевский, И. Я. Фойницкий, Н. С. Таганцев своими трудами внесли существенный вклад в мировую юриспруденцию, а по характеру и степени научных обобщений стали ведущими специалистами школ и учений в праве: о государственном принуждении, преступлении, наказании, о праве наказывания, тюремном режиме. Они в своих исследованиях придерживались признания в теории уголовного права оценок криминальных деяний, личности субъекта преступления и ответственности за них, получивших в науке уголовного права три основных идейно-концептуальных обоснования (школы): классический, социологический и антропологический подходы.

Главным достижением классической школы уголовного права, представителем которой был Ч. Беккариа, можно считать теорию ее базовых понятий и категорий [4, с. 465]. Естественные права человека в учении о преступлении и наказании Ч. Беккариа составляли основу для принятия законов, которые отражали условия и нормы объединения людей в общество и определяли организацию жизни в нем. Из этого принципиального положения следовала необходимость знания законов каждым членом общества для их соблюдения, а также вытекала востребованность в гуманных механизмах принуждения к должному поведению. К числу его идей относится и принцип неотвратимости наказания, реализация которого должна составлять основу механизма предупреждения преступлений. Им обоснованы социальные причины совершения отдельных видов преступлений. Основы социологического направления в уголовном праве и идеи теории социальной защиты были обобщены в начале XX века в

трудах ряда ученых-правоведов. Э. Ферри дал обоснование понятию опасного состояния личности как возможности и необходимости применения принуждения [5, с. 657]. А. Принс был основателем теории возможности вмешательства государства при отсутствии субъекта преступления и события преступления либо проступка [6, с. 167]. Ф. Лист оценивал преступность и поведение преступников, исходя из положений теории трех факторов: 1) физических; 2) общественных; 3) индивидуальных, а также классификации преступников (типологии): 1) прирожденных; 2) случайных; 3) привычных. Это позволяло их дифференцировать на исправимых и неисправимых, а также обеспечивать индивидуализацию наказания в процедурах применения [7].

Другие представители социологической школы в уголовном праве исследовали вопросы соотношения уголовного наказания и мер социальной защиты, роли государства в борьбе с преступностью, классификации преступников и причинах их поведения, специальном предупреждении, индивидуализации наказания и др. Профессор К. А. Сыч прав в том, что концепция возможности исправления осужденных социологической школы оказалась в полном объеме не востребованной жизнью по причине несоответствия ее фундаментальным положениям уголовного права в части реализации принципов законности и справедливости в отправлении правосудия [8].

Мы оцениваем социологическое направление как значимый шаг вперед в развитии теории уголовного права. Однако оно отражает некоторый отрыв своих основных постулатов (понятий, категорий), системных положений от объективно обусловленных функций и задач уголовного права, получивших выражение в нормативном их определении и в механизмах принуждения, от основ теории преступления и принципов уголовной ответственности, роли наказания в механизме уголовной ответственности.

Антропологическое направление в криминологии и уголовном праве явилось результатом исследований Ч. Ломброзо, кото-

рый на основе оценок физических данных лиц, совершивших преступления (формы и размера черепа), результатов данных патологической анатомии, физиологии и психологии пришел к выводу о преступнике как особом антропологическом типе. Он является автором теории о преступном человеке, средствами «нейтрализации» которого могут быть лишение свободы или жизни. Близки по духу к научным выводам Ч. Ломброзо были результаты научных изыскания психоаналитика, психиатра и невролога З. Фрейда, который изучал человека как сложную систему взаимодействий физических, физиологических и интеллектуальных начал, потребностей и процессов. Только З. Фрейд выводы своего поиска для объяснения поведения человека делал на основе теории бессознательного в мышлении, действия механизмов реализации биологических, физиологических и психических процессов организма и мышления. Его заслугой является учение о психоанализе, формулирование идей о психологии, вине, мотивах поведения, психологических характерах. Все эти познания были востребованы теорией уголовного права, судебной психиатрией, криминальной психологией, криминологией [9].

Социологические и тем более антропологические, психогенные аспекты преступления и наказания очень сложно соотносить с обоснованием опасного состояния личности, преступного типа человека, психических и психологические аспектов поведения при оценках общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними лицами (особенно младших возрастов), определением правовых оснований их ответственности и наказания с 14 лет за кражу (ч. 2 ст. 20, ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)).

Наука уголовного права советского и постсоветского периода в России свое дальнейшее развитие продолжила с учетом наличия хорошего пласта теории и законодательного выражения основных незыблемых положений об уголовной ответственности и наказании, выработанных ранее отечественной и мировой наукой. В ней проявились черты и особенно-

сти, обусловленные политико-социальными изменениями и экономическими преобразованиями в России за последние 100 лет.

Криминальное поведение и криминальная агрессия – это оценочные политико-правовые категории, характеризующие отклоняющееся от нормы поведение, являющееся основанием уголовных процессуальных процедур. Вместе с тем, было и остается проблемой научных дискуссий в философии, уголовно-правовой теории и криминологии о сущности и правовой природе уголовной ответственности, ее целях, видах, пределах, формах и механизмах реализации, о статусе (правовом режиме) субъектов уголовно-правовых отношений, о наказании как основной форме ее реализации, конструктивном и обязательным элементе ее выражения [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. Теоретические и нормативно-правовые проблемы уголовной ответственности включают в свое содержание концептуальные основы политики государства в области обеспечения правопорядка, уголовно-правовой охраны личности, ее прав и свобод, собственности и других благ. Выражением уголовной политики России является Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. В нем получили нормативное выражение категории: «уголовная ответственность» (ст. ст.1, 2, 4, 5, ч. 2 ст. 6, ст. ст. 8, 11, 12 и другие нормы УК РФ), «преступление» (ч. 1 ст. 14), «наказание и его цели» (ст. 43), санкции статей Особенной части УК РФ. Уголовная политика России выстроена исходя из потребности государственного устройства и задач его функционирования по обеспечению правопорядка, охраны наиболее значимых социальных ценностей, правосудия, социальной справедливости, законности, ответственности и наказания виновных лиц.

Проблема уголовной ответственности в доктрине уголовного права представляет собой одно из ключевых и узловых социальных явлений, категорий права и различных форм реализации уголовно-правового принуждения и воздействий. Ведь уголовно-правовой деликт всегда тесно связан с оценкой деяния и личности виновного субъекта, что делает

уголовную ответственность, право и правосудие, уголовно-исполнительную деятельность правовой и организационной формой применения наказания и иных мер уголовно-правового характера. Кроме того, содержание уголовной ответственности включает в себя применение видов и форм процессуального принуждения, процедуры принуждения осужденного к претерпеванию правоограничений и исправительного воздействия, постпенитенциарного и уголовно-исполнительного контроля (в период судимости).

Сама организация процедур уголовной ответственности – это еще масштабная система правоотношений и мер взаимодействия императивного, диспозитивного, дисциплинарного характера, в которых имеет действие механизм административного и судебного оценочного усмотрения. Поэтому мы склонны понимать уголовную ответственность как объективно обусловленное совершением общественно опасного деяния активное состояние механизма государственного принуждения – возникновение правоотношений по осуществлению уголовно-процессуальных процедур, правосудия, уголовно-исполнительной деятельности и постпенитенциарного контроля, а также неизбежность (неотвратимость) субъекта преступления быть подвергнутым в соответствии с уголовным законом процедурам правосудия.

В теории уголовного права уголовную ответственность делят на два вида: позитивную и негативную. Основанием такой дифференциации являются представления о том, что лица, не совершающие преступления, являются субъектами позитивных правоотношений – правомерного поведения в силу запретов уголовного закона и наличия ответственности за уголовную противоправность. Мы же полагаем, что юридическая ответственность является последствием нормативно определенного запрета преступного результата. Думается, что профессор М. Д. Шаргородский с осторожностью относился к идее позитивной ответственности. Он отмечал, что перенесение понятия ответственности в область должного, к тому же понимаемого не как

объективная реальность, а как «определенный психический процесс», лишает понятие юридической ответственности всякого правового содержания и ведет к выводу о том, что при отсутствии такого «осознания» нет ответственности [18, с. 47].

Наиболее радикально по своему характеру и содержанию проявляется государственное принуждение в реализации уголовной ответственности, основной формой которой является наказание. Уголовная ответственность в уголовном праве – это нормативно определенная в уголовном законе карательная реакция государства на общественно опасное поведение (деяние) физических лиц. Уголовно-правовой формат ответственности выступает нормативно-декларативным способом защиты наиболее значимых социальных ценностей (ч. 1 ст. 2 УК РФ), а также представляет собой механизм уголовно-правового принуждения (ч. 2 ст. 2 УК РФ).

Мы полагаем, что учение о наказании и познание о каре и ее целях будут занимать центральное место в уголовном праве, пока будет сохраняться объективно обусловленная, диалектическая связь преступления и наказания. Другой вопрос заключается в том, как совершенствовать уголовный закон и его применение наряду с традиционным форматом уголовной ответственности. Ведь общественно опасные деяния совершаются невменяемыми лицами, лицами, страдающими психическими заболеваниями, не исключаяющими вменяемости, несовершеннолетними лицами, лицами, подпадающими под основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, условного осуждения и отсрочки отбывания наказания. Поэтому формат уголовной ответственности через институт наказания отражает лишь основную часть сферы уголовно-правового реагирования (принуждения). Естественно, исследуя проблему наказания, следует учитывать выработанные теорией уголовного права положения, характеризующие сущность и содержание уголовно-правового воздействия, которые еще находятся в процессе теоретического осмысления. Как вид правовой ответственности и доктриналь-

ное понятие «уголовная ответственность» сама по себе выступает в качестве одного из видов государственного принуждения за совершенное преступление в форме наказания. Только нормы и институты, отражающие сущность, содержание, основания и формы реализации уголовной ответственности можно считать легальными уголовно-правовыми элементами, отражающими характер реакции государства на совершенное преступление и смысл антикриминального принуждения. Ведь закрепление в уголовном законодательстве исчерпывающего перечня преступлений и наказаний, санкций преступлений в Особенной части УК РФ очерчивает круг социально значимых ценностей, охраняемых государством, определяет характер запретов криминальных посягательств, выстраивает систему угрозы применения уголовной ответственности и наказания, стимулов должного посткриминального поведения, а также форм ее реализации. Все остальные меры уголовно-правового воздействия имеют характер либо замещения уголовной ответственности, ее смягчения, либо отказ от ее реализации в интересах общего блага и правопорядка, либо обязательного принудительного реагирования в связи с фактом совершения общественно опасного деяния. Поэтому законодатель в УК РФ оперирует категориями «принудительные меры воспитательного воздействия», «принудительные меры медицинского характера», «конфискация имущества». Они являются специальными мерами посткриминального реагирования – принуждения, содержат в себе признаки реализации уголовной ответственности, но не могут быть признаны мерами уголовно-правового воздействия, так как применяются в процессуально-судебном порядке по факту совершения общественно опасного деяния. Ранее нами уже отмечалось, что уголовно-правовое воздействие как правовое явление не может быть системообразующим звеном в отраслевом законодательстве и отправной объединяющей категорией в доктрине уголовного права. Таким правовым явлением, доктринальным понятием и главным системным

звеном в уголовном законодательстве и останется нормативная конструкция – уголовная ответственность. Уголовно-правовое воздействие – это внешнее проявление норм и институтов уголовного закона, составляющих сущность и правовую природу, а также формы проявления и реализации уголовной ответственности.

Уголовная ответственность – это сложная проблема теории права и уголовного права в частности. В нормативно-правовом формате она не является институтом уголовного права. В уголовном праве она представлена в качестве концептуальной теоретической основы, отражающей связь преступления и на-

казания. В уголовном законодательстве она представлена юридической (нормативной) конструкцией, характеризующей механизм правовой ответственности за совершение общественно опасного деяния. Правовую же природу уголовной ответственности составляет юридический механизм защиты с помощью наказания (санкций) и процессуальных процедур наиболее значимых социальных ценностей (жизни, прав, свобод человека, чести и достоинства личности, собственности и др.) и применения мер государственного принуждения по фактам совершения общественно опасных деяний либо государственного реагирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Келле В. Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. М.: Ин-т философии РАН, 2010. 218 с.
2. Смирнов Е. И. История христианской церкви. Выпуск второй (313–1054 гг.), Параграф 28. Возрождение наук и гуманисты // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/istorija-hristianskoj-tserkvi-do-1054-god-smirnov/2_33 (дата обращения: 02.02.2022).
3. Яковкина Н. И. История русской культуры. XIX век. Российские университеты. Параграф 3 // URL: <https://history.wikireading.ru/283808> (дата обращения: 07.02.2022).
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: НКЮ СССР, 1939. 465 с.
5. Ферри Э. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2005. 657 с.
6. Принс А. Защита общества и преобразования уголовного права / под ред. и с предисл. Фельдштейн Г. С.; пер. Маркелова Е. М.: Кн-во торг. д. «В. И. Знаменский и Ко». 1912. 167 с.
7. Лист Франц ф. Задачи уголовной политики. В изложении Б. Гурвича // URL: https://www.studmed.ru/list-franc-f-zadachi-ugolovnoy-politiki-v-izlozhenii-borisa-gurvicha_16f86c1ba68.html (дата обращения: 02.02.2022).
8. Сыч К. А. Идеи социологической школы уголовного права и их востребованность в законодательной практике // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-sotsiologicheskoy-shkoly-ugolovnogo-prava-i-ih-vostrebovannost-v-zakonodatelnoy-praktike> (дата обращения: 02.02.2022).
9. Философская энциклопедия. Фрейд // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1319/ФРЕЙД (дата обращения: 03.02.2022).
10. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. 232 с.
11. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. 288 с.
12. Елеонский В. А. Проблема ответственности в науке советского уголовного права // Проблемы уголовной ответственности в свете решений XXVII съезда КПСС: сборник научных трудов. Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1987. С. 27–43.
13. Клочков В. В. Социальная ответственность и уголовный закон // Правоведение. 1987. № 2. С. 3–13.
14. Козаченко И. Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения. Свердловск: Свердл. юрид. и-нт. Лекция, 1987. 47 с.
15. Ткачевский Ю. М. Уголовная ответственность // Уголовное право. 1999. № 3. С. 38–42.
16. Липинский Д. Соотношение функций и целей уголовной ответственности // Уголовное право. 2004. № 2. С. 40–42.

17. Сидоренко Э. Л. Уголовная ответственность в контексте правовых и философских теорий // LEX RUSSICA. 2010. № 4. С. 808–818.
18. Шаргородский М. Д. Детерминизм и ответственность // Правоведение. 1968. № 1. С. 40–48.

REFERENCES

1. Kelle V. Zh. Intellectual and spiritual principles in culture. Moscow: Institute of Philosophy RAS, 2010. 218 p. (In Russ.)
2. Smirnov E. I. History of the Christian Church. Second edition (313–1054), Paragraph 28. Revival of sciences and humanists // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-hristianskoj-tserkvi-do-1054-god-smirnov/2_33 (date accessed: 02.02.2022). (In Russ.)
3. Yakovkina N. I. History of Russian culture. XIX century. Russian universities. Paragraph 3 // URL: <https://history.wikireading.ru/283808> (date of access: 02.07.2022). (In Russ.)
4. Beccaria Ch. About crimes and punishments. M.: NKYu USSR, 1939. 465 p. (In Russ.)
5. Ferry E. Criminal sociology. M. : Infra-M, 2005. 657 p. (In Russ.)
6. Prince A. Protection of society and the transformation of criminal law / ed. and with preface. Feldstein G.S.; per. Markelova E. M. : Book of bargaining. d. «V. I. Znamensky and Co». 1912. 167 p. (In Russ.)
7. Liszt Franz f. Tasks of criminal policy. According to B. Gurvicha // URL: https://www.studmed.ru/list-franc-f-zadachi-ugolovnoy-politiki-v-izlozhenii-borisa-gurvicha_16f86c1ba68.html (date of access: 02.02.2022). (In Russ.)
8. Sych K. A. Ideas of the sociological school of criminal law and their relevance in legislative practice // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-sotsiologicheskoy-shkoly-ugolovnogo-prava-i-ih-vostrebovannost-v-zakonodatelnoy-praktike> (date of access: 02.02.2022). (In Russ.)
9. Philosophical Encyclopedia. Freud // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1319/FREUD (date of access: 02.03.2022). (In Russ.)
10. Karpushin M. P., Kurlyandsky V. I. Criminal liability and corpus delicti. M., 1974. 232 p. (In Russ.)
11. Struchkov N. A. Criminal liability and its implementation in the fight against crime. Saratov, 1978. 288 p. (In Russ.)
12. Eleonsky V. A. The problem of responsibility in the science of Soviet criminal law // Problems of criminal liability in the light of the decisions of the XXVII Congress of the CPSU: a collection of scientific papers. Ryazan: Publishing House of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1987. P. 27–43. (In Russ.)
13. Klochkov V. V. Social responsibility and criminal law // Jurisprudence. 1987. No. 2. P. 3–13. (In Russ.)
14. Kozachenko I. Ya. Criminal liability: measure and form of expression. Sverdlovsk: Sverdl. legal inst. Lecture, 1987. 47 p. (In Russ.)
15. Tkachevsky Yu. M. Criminal liability // Criminal law. 1999. No. 3. P. 38–42. (In Russ.)
16. Lipinsky D. Correlation of functions and purposes of criminal responsibility // Criminal law. 2004. No. 2. P. 40–42. (In Russ.)
17. Sidorenko E. L. Criminal liability in the context of legal and philosophical theories // LEX RUSSICA. 2010. No. 4. P. 808–818. (In Russ.)
18. Shargorodsky M. D. Determinism and responsibility // Jurisprudence. 1968. No. 1. P. 40–48. (In Russ.)

Информация об авторах:

Маликова Н. Б., кандидат юридических наук, доцент;
Маликов Б. З., доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

Malikova N. B., Candidate of Law, Associate Professor;
Malikov B. Z., Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2021; одобрена после рецензирования: 26.01.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 16.11.2021; approved after reviewing: 26.01.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

**К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ****Майя Михайловна Савченко**Калининградский государственный технический университет,
Калининград, Россия, maya.savchenko@gmail.com

Аннотация. В данной работе автор исследует проблему разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. ст. 176, 196, 197 Уголовного кодекса Российской Федерации. По результатам исследования автор приходит к выводам: 1. Мошенничество в кредитной сфере – это незаконное безвозмездное получение денежных (финансовых) средств, причинившее материальный ущерб третьим лицам (в частности, субъектам оказания услуг в банковской и предпринимательской сферах деятельности). Их следует разделять по таким объектам преступных посягательств, как имущество, законные права и интересы субъектов осуществления услуг кредитования (ст. 173 УК РФ «Лжепредпринимательство»); имущество, законные права и интересы субъектов осуществления услуг кредитования и бюджетной системы РФ (ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита»); имущество, законные права и интересы субъектов осуществления услуг кредитования, которые возникают вследствие невозможности исполнения обязательств по полученным услугам кредитования (ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство», ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство»). 2. Сложная микросистема, которой является мошенничество в сфере кредитования, тесно взаимосвязана с социальной сферой жизни общества, которая, в свою очередь, является внешней средой объекта преступного посягательства.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, мошенничество, сфера кредитования, преступления в сфере экономической деятельности, преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Для цитирования: Савченко М. М. К вопросу о квалификации мошенничества в сфере кредитования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 82–87.

Original Article

**ON THE ISSUE OF QUALIFICATION OF FRAUD
IN THE SPHERE OF CREDIT****Maya M. Savchenko**

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia, maya.savchenko@gmail.com

Abstract. In this paper the author investigates the problem of differentiation of corpus delicti of crimes under Art. 159 and Art. 176, 196, 197 of the Criminal Code of the Russian Federation. According to the results of the study the author concludes: 1. Fraud in the credit sphere is an illegal gratuitous receipt of monetary (financial) funds, which caused material damage to third parties (in particular, subjects of services in the banking and entrepreneurial spheres of activity). They should be divided by such objects of criminal encroachment as property, legitimate rights and interests of subjects of credit services (Art. 173 of the Criminal Code «False Entrepreneurship»); property, legitimate rights and interests of subjects of credit services and the budget system of the Russian Federation (Art. 176 of the Criminal Code «Illegal Credit»); property, legitimate rights and interests of subjects of credit services, which arise from the inability to fulfill obligations under obtained credit services (Art. 196 «Intentional Bankruptcy», Art. 197 of the Criminal Code of the Russian Federation «Fictitious bankruptcy»). 2. A complex microsystem, which is fraud in the field of lending, is closely inter-

related with the social sphere of society, which, in turn, is the external environment of the object of criminal encroachment.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, fraud, the sphere of credit, crimes in the sphere of economic activity, crimes against state power, the interests of public service and service in local government.

For citation: Savchenko M. M. On the issue of qualification of fraud in the sphere of credit // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 82–87.

В процессе формирования современного уголовного законодательства Российской Федерации происходили два смежных процесса: с одной стороны, заново утверждались устоявшиеся нормы Советского права, с другой – вводились новые составы преступлений, что было обусловлено постепенно меняющейся общественной жизнью. И в этом взаимодействии возникла трудность, не позволяющая окончательно разграничить составы преступлений, предусмотренных главой 22 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В связи с этим существует актуальный вопрос о дифференцировании норм ст. 159 и ст. ст. 173, 176, 196, 197 УК РФ, данное положение подтверждается исследованиями ученых-правоведов [1, с. 32–34; 2, с. 4; 3, с. 24–27].

Так, при исследованиях описанной темы неоднократно была отмечена возможность того, что последствия неточного разграничения близких, но различающихся по признакам преступлений, могут влиять как на ход рассмотрения одного уголовного дела, так и на формирование правоприменительной практики в целом [4, с. 258; 5, с. 4; 6, с. 11]. Поэтому, как считает автор, именно в данном ключе должно идти развитие современного уголовно-процессуального законодательства и именно этому вопросу посвящено настоящее исследование [7, с. 148–154].

Специальная норма (ст. 176 УК РФ), в соответствии с УК РФ, делает признаки данного преступления более специфическими (ст. 159 УК РФ). А общая норма, в свою очередь, используется для характеристики всего преступления данного вида в целом (и последующего уточнения этих общих признаков специальной нормой) [8].

В связи с тем, что существуют определенные правила спецификации данных норм, закрепленные в ч. 3 ст. 17 УК РФ (и ис-

пользуемые учеными-правоведами) [9, с. 14; 10, с. 1], по мнению автора, такая ситуация требует применения именно специальной версии.

Так сложилось, что преступления в сфере кредитного (финансового) мошенничества стали как раз одним из тех новых составов, о которых говорилось ранее: они утверждены в УК РФ от 13 июня 1996 года. До этого момента такие преступления попадали под действие общей нормы «мошенничество», предусмотренной ст. 147 УК РСФСР (такой же подход можно проследить и в законодательстве бывших стран-участниц СССР).

Это дополнение, по мнению автора, может быть обусловлено необходимостью привлечения к ответственности виновных лиц в тех случаях, когда субъективная часть состава их преступления не подразумевала получение незаконной выгоды путем причинения ущерба третьему лицу, или в случаях, когда установить данное обстоятельство не представляется возможным [6, с. 11–12].

Тем не менее, данное нововведение породило другую проблему: многие ученые-правоведы сформировали различные мнения о сущности самого объекта мошенничества в кредитной (финансовой) сфере. Обсуждение данного вопроса имеет место быть и в настоящее время.

С. А. Жовнир, которого поддерживает И. А. Клепицкий, отмечает, что некоторые виды преступлений в сфере кредитного (финансового) мошенничества направлены против государственной власти и, таким образом, не могут быть включены в главу 22 УК РФ (в частности, среди таких видов преступлений они выделяют ложную регистрацию юридического лица) [11, с. 570]. Лжепредпринимательство, как утверждает

Р. Б. Осокин, затрагивает именно сложившиеся принципы осуществления хозяйственной деятельности, не экономическую сферу жизни общества [12]. Д. Ю. Левшиц заявляет, что, помимо вышеперечисленных принципов, данные составы преступления также могут своим объектом иметь нарушение деятельности банковской системы и предоставляемых в этой сфере услуг (ст. ст. 173, 196, 197 УК РФ), а также законные интересы организаций, их предоставляющих (ст. 176 УК РФ) [13]. Резюмируя вышесказанное, И. А. Клепицкий предлагает выделить общий, неизменяемый объект данных составов преступлений, под которые подпадает сама деятельность органов государственной власти в экономической (финансовой) сфере, а дополнительным объектом, конкретизирующим общий, выделить права и законные интересы третьих лиц, кредитные (финансовые) обязательства в отношении которых в результате совершения преступления не выполнены [11].

По мнению автора, в настоящее время позиции ученых, описанные ранее, все же необходимо дополнить. Например, если подробнее рассмотреть ст. 173 УК РФ, фиктивная организация юридического лица в полной мере не входит ни в банковскую, ни в предпринимательскую сферы деятельности общества. Поэтому наиболее рациональным решением будет его направление именно на собственность таких организаций (данное утверждение основано на анализе правовой литературы, посвященной исследуемому вопросу) [14].

Данное обстоятельство определяет необходимость разделения составов преступлений в сфере кредитного (финансового) мошенничества в зависимости от специфики их объектов.

Таким образом, можно дать следующее определение: мошенничество в кредитной (финансовой) сфере – это незаконное безвозмездное получение денежных (финансовых) средств, причинившее материальный ущерб третьим лицам (в частности, субъектам оказания услуг в банковской и предпринимательской сферах деятельности). Их

следует разделять по объектам преступных посягательств, таким как:

– имущество, законные права и интересы субъектов осуществления услуг кредитования (ст. 173 УК РФ «Лжепредпринимательство»);

– имущество, законные права и интересы субъектов осуществления услуг кредитования и бюджетной системы РФ (ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита»);

– имущество, законные права и интересы субъектов осуществления услуг кредитования, которые возникают вследствие невозможности исполнения обязательств по полученным услугам кредитования (ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство», ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство»).

Последний пункт является интересным, так как до конца не ясна квалификация, которой необходимо подвергать деяние должника, не исполнившего свои кредитные обязательства. Правоприменительная практика свидетельствует, что при таких обстоятельствах норма ст. 160 УК РФ не применяется. Тем не менее, правила применения ст. 159 или ст. 176 УК РФ порождают дискуссии в среде ученых-правоведов. По мнению автора, норма ст. 159 УК РФ от таковой в ст. 160 УК РФ отличается тем, что в первом случае обман является необходимым способом и условием совершения преступления, а во втором – не является, так как незаконная выгода возможна и без него. Для избежания правовой коллизии, по мнению автора, необходимо такие действия все равно квалифицировать как мошенничество. Иначе, как считает автор, данные нормы повторяют неточности, допущенные в формулировках ст. ст. 173, 176, 196, 197 УК РФ, ведь общей нормой для них в таком случае будет являться именно ст. 159 УК РФ, а не ст. 160 УК РФ. Сложившейся практикой применения ст. 173 УК РФ обусловлено, что она является специальной нормой в обоих рассмотренных случаях: и приобретения путем обмана, и приобретения по договору. В то время как нормы ст. ст. 176, 196, 197 УК РФ будут специальными только по отношению к преступлениям, подпадающим под второй случай.

Итак, на основании вышеприведенных рассуждений автор делает вывод, что все преступления, совершаемые в сфере кредитования, объединяются общим термином «кредит», который также можно трактовать и как объект данных преступлений. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 307), термин «кредит» подразумевает обязательства одного лица совершить действия в отношении другого лица, предоставившего первую услуги кредитования, направленные на их возврат (таким образом, услуги кредитования могут быть оказаны при заключении договора любого вида, а преступление состава «мошенничество» – совершено не только при получении услуги банковского кредита). Таким образом, субъектом предоставления данных услуг может быть не только юридическое, но и любое другое правосубъектное лицо.

В заключение на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Мошенничество в кредитной сфере – это незаконное безвозмездное получение денежных (финансовых) средств, причи-

нившее материальный ущерб третьим лицам (в частности, субъектам оказания услуг в банковской и предпринимательской сферах деятельности). Их следует разделять по таким объектам преступных посягательств, как:

– имущество, законные права и интересы субъектов осуществления услуг кредитования (ст. 173 УК РФ «Лжепредпринимательство»);

– имущество, законные права и интересы субъектов осуществления услуг кредитования и бюджетной системы РФ (ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита»);

– имущество, законные права и интересы субъектов осуществления услуг кредитования, которые возникают вследствие невозможности исполнения обязательств по полученным услугам кредитования (ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство», ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство»).

2. Сложная микросистема, которой является мошенничество в сфере кредитования, тесно взаимосвязана с социальной сферой жизни общества, которая, в свою очередь, является внешней средой объекта преступного посягательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михаль О., Хмелева М. Сложности квалификации мошенничества // Уголовное право. 2007. № 6. С. 32–34.
2. Шахкелдов Ф. Г. Ответственность за мошенничество, лжепредпринимательство и незаконное получение кредита по новому УК РФ // Юрист. 1998. № 5. С. 2–5.
3. Осокин Р. Б. Некоторые проблемы отграничения мошенничества от смежных с ним составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях: информац. бюллетень. Тамбов: Тамбовский филиал ЮИ МВД России, 2001. С. 24–27.
4. Нина Ивановна Фризен (Nina Ivanovna Frizen) против Российской Федерации: Решение Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2003 г. по вопросу приемлемости жалобы № 58254/00 // Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация. Постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. М.: НОРМА, 2005. С. 258.
5. Использование не по назначению денежных средств, полученных в банке на законных основаниях, само по себе не может свидетельствовать о наличии умысла на хищение этих средств: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 1993 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1993. № 10. С. 4.
6. Действия лиц, не возвративших полученные в кредит денежные средства при отсутствии умысла на их присвоение, не содержат состава преступления – мошенничества: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 8. С. 11.

7. Осокин Р. Б. Эволюция мошенничества и его способов по русскому уголовному законодательству досоветского периода // Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2002. С. 148–154.
8. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Юридическая литература, 1951. 388 с.
9. Горелик А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм. Красноярск: КГУ, 1998. 67 с.
10. Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция норм уголовного права. М.: Щит-М, 1999. 287 с.
11. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 570 с.
12. Осокин Р. Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 184 с.
13. Левшиц Д. Ю. Уголовная ответственность за финансовое мошенничество по законодательству России и зарубежных стран: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 217 с.
14. Осокин Р. Б., Амелчаков И. Ф. Хищение путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество): история, элементы и признаки состава, квалификация. Тамбов: Тамбовский филиал МосУ МВД России, 2005. 126 с.

REFERENCES

1. Mikhal O., Khmeleva M. Difficulties in qualifying fraud // Criminal law. 2007. No. 6. P. 32–34. (In Russ.)
2. Shakhkeldov F. G. Responsibility for fraud, pseudo-entrepreneurship and illegal receipt of a loan under the new Criminal Code of the Russian Federation // Lawyer. 1998. No. 5. P. 2–5. (In Russ.)
3. Osokin R. B. Some problems of delimitation of fraud from related elements of crimes and civil torts // Some aspects of law enforcement in modern conditions: information. bulletin. Tambov: Tambov branch of the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. P. 24–27. (In Russ.)
4. Nina Ivanovna Frizen v. Russian Federation: Decision of the European Court of Human Rights of December 4, 2003 on the admissibility of application no. 58254/00 // European Court of Human Rights and the Russian Federation. Resolutions and decisions made before March 1, 2004 / otv. ed. Yu. Yu. Berestnev. M.: NORMA, 2005. P. 258. (In Russ.)
5. Misappropriation of funds legally received from a bank cannot in itself indicate the presence of intent to embezzle these funds: Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of March 10, 1993 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1993. No. 10. P. 4. (In Russ.)
6. The actions of persons who did not return the funds received on credit in the absence of intent to misappropriate them do not contain the elements of a crime – fraud: Definition of the Investigative Committee in criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 26, 1999 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2001. No. 8. P. 11. (In Russ.)
7. Osokin R. B. The evolution of fraud and its methods according to the Russian criminal legislation of the pre-Soviet period // Actual problems of criminal legislation and law enforcement practice: materials of the interregional scientific and practical conference. Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 2002. P. 148–154. (In Russ.)
8. Trainin A. N. Composition of a crime under Soviet criminal law. M.: Legal Literature, 1951. 388 p. (In Russ.)
9. Gorelik A. S. Competition of criminal law. Krasnoyarsk: KSU, 1998. 67 p. (In Russ.)
10. Inogamova-Khegay L.V. Competition of criminal law. M.: Shield-M, 1999. 287 p. (In Russ.)
11. Klepitsky I. A. The system of economic crimes. M.: Statut, 2005. 570 p. (In Russ.)
12. Osokin R. B. Criminal-legal characteristics of methods of committing fraud: diss. ... cand. of law. M., 2004. 184 p. (In Russ.)
13. Levshits D. Yu. Criminal liability for financial fraud under the laws of Russia and foreign countries: diss. ... cand. of law. M., 2007. 217 p. (In Russ.)
14. Osokin R. B., Amelchakov I. F. Embezzlement by deceit or breach of trust (fraud): history, elements and signs of composition, qualification. Tambov: Tambov branch of the Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 126 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Савченко М. М., кандидат экономических наук.

Information about the author:

Savchenko M. M., Candidate of Economy.

Статья поступила в редакцию: 13.01.2022; одобрена после рецензирования: 21.02.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 13.01.2022; approved after reviewing: 21.02.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.631:343.349(470)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УМЫШЛЕННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СМИ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ

Виолета Мухамединовна Харзинова¹, Геннадий Геннадиевич Небрatenко²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,
Нальчик, Россия, harzinova@yandex.ru

² Ростовский юридический институт МВД России,
Ростов-на-Дону, Россия, gennady@nebratenko.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности методики расследования конкретного вида преступления, в частности умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях. Также раскрываются составные элементы, которые с точки зрения криминалистической науки характеризуют умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, методика расследования, умышленное распространение, заведомо ложная информация, средства массовой информации, телекоммуникационные сети, публичное распространение информации, клевета, способы противоборства.

Для цитирования: Харзинова В. М., Небрatenко Г. Г. Криминалистическая характеристика умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 88–93.

Original Article

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF DELIBERATE DISSEMINATION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION IN THE MEDIA AND TELECOMMUNICATIONS NETWORKS

Violeta M. Kharzinova¹, Gennady G. Nebratenko²

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov,
Nalchik, Russia, harzinova@yandex.ru

² Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia, gennady@nebratenko.ru

Abstract. The article discusses the specifics of the methodology of a specific type of crime, in particular, the deliberate dissemination of deliberately false information in the media and telecommunications networks. It also reveals the constituent elements that, from the point of view of forensic science, characterize the deliberate dissemination of deliberately false information in the media and telecommunications networks.

Keywords: criminalistic characteristics of the crime, methods of investigation, intentional dissemination, deliberately false information, mass media, telecommunication networks, public dissemination of information, slander, methods of confrontation.

For citation: Kharzinova V. M., Nebratenko G. G. Criminalistic characteristic of deliberate dissemination of deliberately false information in the media and telecommunications networks // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 88–93.

Криминалистическая характеристика преступления и криминалистическая методика расследования преступления – не идентичные понятия. Криминалистическая характеристика

© Харзинова В. М., Небрatenко Г. Г., 2022

преступления намного уже, чем криминалистическая методика расследования преступления, поскольку последнее понятие выделено из методики расследования преступления. Криминалистическая методика направлена на быстрое установление лиц, совершающих преступления, а также на выявление всех обстоятельств совершения противоправного деяния путем применения в совокупности возможностей криминалистической техники, тактики, а также других наук. Кроме того, на практике криминалистическая методика расследования преступления изучается с помощью оптимальных путей решения определенных ситуаций не конкретного вида преступления, а методики обобщения расследования в целом совершаемых преступлений.

Криминалистическая характеристика преступления – это понятие, которое, как уже было отмечено, выделено из криминалистической методики. Она выделена из общих методик расследования преступлений как частная методика расследования конкретного вида преступления. Криминалистическая характеристика преступления – это совокупность схем передачи криминалистических особенностей отдельного вида преступления, которая проявляется в специфических чертах. К ним относятся: методы, приемы, средства, тактика, условия, обстоятельства и техника его совершения. Они в свою очередь дают возможность понять или представить особенности совершения данного деяния, личности, совершившей его, меру участия лица в действиях преступных групп и другие обстоятельства, которые могут способствовать быстрому раскрытию и расследованию конкретного вида преступления.

С учетом этого мы будем рассматривать не общие положения криминалистической методики расследования, а особенности методики конкретного вида преступления, в частности умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях. В связи с этим мы рассмотрим только те составные элементы, которые с точки зрения криминали-

стической науки, а также науки уголовного права характеризуют умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях.

Структурными элементами криминалистической характеристики умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях являются:

1) реальный (конкретный) предмет умышленного публичного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях;

2) способы подготовки, реализации, выражения следов публичного умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях;

3) характер умышленного публичного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях;

4) обстановка и цели умышленного публичного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях;

5) способы противоборства, оказываемые расследованию умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях;

6) особые характеристики лица, умышленно публично распространяющего заведомо ложную информацию в СМИ и телекоммуникационных сетях;

7) характеристика потерпевших лиц по данным категориям преступлений;

8) обстоятельства, способствующие умышленному распространению заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях.

Предметом преступлений данных видов являются честь, достоинство и репутация личности, которые порочат при помощи средств массовой информации, телекоммуникационных сетей путем умышленного распространения заведомо ложной информации.

По поводу предмета клеветы в правовой литературе отмечаются различные мнения и

суждения. Так, некоторые авторы указывали, что предметом клеветы являются сами потерпевшие. Например, Н. И. Коржанский отмечал: «предметом могут выступать участники общественных отношений и вещи как предпосылки или как форма закрепления общественных отношений» [1, с. 248]. Такое суждение, на наш взгляд, не является правильной точкой зрения, поскольку предмет – это то, на что направлено преступное деяние, то есть честь, достоинство и репутация личности. Более правильное определение, на наш взгляд, дает Н. И. Ветров. Он отмечает: «предметом клеветы являются заведомо ложные сведения, придуманные самим виновным или основанные на слухах и сплетнях» [2, с. 81].

Кроме отмеченных мнений, в правовой литературе также указывается, что предмет преступления – это овеществленный элемент материального мира, воздействуя на который виновный осуществляет преступление, поэтому клевета относится к преступлениям, не имеющим предмета преступления [3, с. 146]. Полагали бы более правильным считать предметом клеветы честь, достоинство и репутацию личности.

Способы подготовки, реализации, выражения следов умышленного публичного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях могут быть различными. Например, к способам подготовки можно отнести видеосъемку, коррекцию, монтаж, создание видеороликов, написание текста, озвучивание и т. д. Способами реализации могут быть любые средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, ресурсы радио, телевидение. Способами выражения могут быть: устное или письменное сообщение, речь, статья, комментарий, интервью, доклад, выступление на публике или в кругу нескольких лиц.

Одним из структурных элементов криминалистической характеристики умышленного публичного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях является характер рас-

пространения. Всегда распространение заведомо ложной информации через СМИ и другие телекоммуникационные системы носит публичный характер. Если указанные действия имеют не публичный характер, то действия клеветника будут квалифицированы по ч. 1 ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Обстановка и цели умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях могут быть также существенно разными. К ним следует отнести рассказ одного лица, порочащий достоинство, репутацию другого или группы лиц, с использованием сети Интернет, в компании друзей, во время публичных выступлений, с использованием публично демонстрирующегося произведения, либо видеоролика с целью унижения чести и достоинства. Примером является решение суда по Чеченской Республике, где осудили жителя села Кенхи Рамазана Джалалдинова по ч. 2. ст. 128.1 УК РФ, который записывая видео обращение к президенту В. В. Путину, жаловался на коррумпированность местных чиновников.

В любых конфликтах противоборствующие стороны пытаются представить друг друга в невыгодном свете. Часто для этого распространяется ложь, которую пытаются выдать за правду. Такие действия действия подпадают под понятие клеветы и караются статьей 128.1 УК РФ. Способы противоборства могут быть различными. Это заявления во время публичного выступления, переписки и публикации в СМИ разного рода и статуса, а также разные способы распространения информации среди общества или его отдельных сегментов и слоев.

Потерпевшим по данным категориям уголовных дел может быть любое физическое лицо, в отношении которого распространена заведомо ложная информация в СМИ и официальных телекоммуникационных сетях, поскольку объектом преступления при распространении заведомо ложной информации в СМИ и официальных телекоммуникационных сетях являются права человека, его достоинство, честь, репутация.

Особое внимание следует уделять содержанию распространенной информации через СМИ и информационно-телекоммуникационные сети. Определенно четко должно быть установлено, что относится к фактам, а что к оценочным суждениям. Факт распространения заведомо ложной информации можно установить, но истина по суждениям, которые носят оценочный характер, не всегда поддается установлению.

Для установления фактического распространения заведомо ложной информации через СМИ и иные информационно-телекоммуникационные сети необходимо определить, относятся ли эти сведения к фактическим или к оценочным. Практика показывает, что иногда правоприменитель путает эти два понятия. Иногда ложными признаются оценочные суждения. Они, по сути, не могут считаться истинными или ложными, поскольку проверить их на предмет соответствия фактам невозможно. С учетом этого считаем, что оценочные суждения не могут рассматриваться как заведомо ложное распространение сведений в СМИ. Также полагаем, что при установлении особенностей совершения данного преступления следует разграничить фактические сведения со сведениями, которые носят оценочный характер.

Так, например, слово «коррупцированный» сочетает в себе фактические свойства взяточничества, совершаемого несколькими лицами или группой лиц, и оценочные свойства, такие как нечестный, непорядочный, нечистоплотный. Вместе с тем признание этих утверждений фактическими в средствах массовой информации может быть связано с получением взятки. Признание высказываний, имеющих свойство оценки, исключает наличие заведомо ложного распространения информации.

О порочности информации можно судить, если опубликованные сведения содержат информацию, заведомо позорящую, дискредитирующую личность (должностное лицо).

С учетом рассмотренных положений необходимо различать факты, соответствующие

щие действительности, и оценочные факты с точки зрения взгляда, позиции, представления, убеждения, которые являются выражением конкретного субъекта. Согласно ст. ст. 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации от 12 февраля 2004 года государственные деятели, политики, которые стремятся заручиться мнением общественности, соглашаются быть объектом общественной и политической дискуссии, а также критики в средствах массовой информации. Вместе с тем эти должностные лица могут получить критические замечания только по отношению к тому, как они исполняют свои обязательства. Правовыми нормами такое положение допускается в связи с имеющейся необходимостью, в частности, в связи с обеспечением гласности исполнения полномочий государственными должностными лицами.

Необходимо отличать клевету, в частности распространение заведомо ложной информации в СМИ и официальных телекоммуникационных сетях от обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Также следует отличать клевету от распространения заведомо ложной информации в СМИ и официальных телекоммуникационных сетях от заведомо ложного доноса, поскольку умысел у них совершенно различный. Умысел лица, осуществившего заведомо ложный донос, направлен на привлечение потерпевшего к уголовной ответственности, а при распространении заведомо ложной информации в СМИ и официальных телекоммуникационных сетях – на унижение чести, достоинства, репутации.

Еще следует отметить, что для признания распространенной информации заведомо ложной следует установить, насколько виновное лицо понимало и знало, что данная информация является ложной, вымышленной и не соответствующей действительности. В противном случае оценка обстоятельств совершения умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях произведена неправильно (неверно).

Верховный суд Российской Федерации указал, что «заведомым» можно считать «точное знание лицом о ложности сведений» [4], «знание виновным того, что сведения изначально ложные, вымышленные и не соответствующие действительности» [5].

Неосторожное ошибочное предоставление журналистом информации в СМИ и других телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, исключает заведомость лжи, если даже он нарушил положение, обязывающее проверить им предоставляемую информацию [6].

На основе вышеизложенного в заключение можно отметить:

1. Структурными элементами криминалистической характеристики умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях являются:

- конкретный предмет распространения заведомо ложной информации;
- способы подготовки, реализации, выражения следов распространения заведомо ложной информации;
- характер умышленного распространения;
- обстановка и цели умышленного распространения;

- способы противоборства сторон;
- особые характеристики лица, распространяющего информацию;
- характеристика потерпевшего лица;
- обстоятельства, способствующие распространению заведомо ложной информации.

2. Под распространением заведомо ложной информации в СМИ и официальных телекоммуникационных сетях следует понимать публичное распространение сведений, порочащих честь и достоинство другого лица в СМИ, путем опубликования, трансляции по радио, телевидению, демонстрации в кино, программах, распространения в сети Интернет, а также путем использования иных средств телекоммуникационной связи. Кроме того, под распространением заведомо ложной информации подпадают и такие действия, как изложенные в публичных выступлениях заявления, если они опубликованы и распространены с СМИ.

3. Противоправными действиями лица, распространившего информацию, будут считаться только в случае их несоответствия действительности. Если информация является правдивой и не обеспечивается защитой, то их распространение должно быть признано правомерным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980.
2. Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть. М.: Наука, 2002.
3. Кузнецова Н. Ф. Курс уголовного права в пяти томах. Том 2. Особенная часть / Н. Ф. Кузнецова, И. М. Тяжкова. М.: Зерцало, 2002.
4. Постановление Верховного суда Российской Федерации от 9 августа 2013 г. № 81-АД13-2 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного суда Российской Федерации от 30 мая 2006 г. № 18-ДО6-35 // СПС «КонсультантПлюс».
6. О средствах массовой информации (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2021 г.): Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 30 декабря 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Korzhansky N. I. Object and subject of criminal law protection. Moscow: Acad. Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. (In Russ.)
2. Vetrov N. I. Criminal law. Special part. M.: Nauka, 2002. (In Russ.)
3. Kuznetsova N. F. Course of criminal law in five volumes. Volume 2. Special part / N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. M.: Zertsalo, 2002. (In Russ.)

4. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of August 9, 2013 No. 81-AD13-2// RLS «ConsultantPlus». (In Russ.)

5. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 30, 2006 No. 18-DO6-35 // RLS «ConsultantPlus». (In Russ.)

6. On the mass media (as amended and supplemented, effective from January 1, 2021): Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 (as amended on December 30, 2020) // RLS «ConsultantPlus». (In Russ.)

Информация об авторах:

Харзинова В. М., кандидат юридических наук, доцент;
Небрятенко Г. Г., доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

Kharzinova V. M., Candidate of Law, Associate Professor;
Nebratenko G. G., Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию: 17.02.2022; одобрена после рецензирования: 17.05.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 17.02.2022; approved after reviewing: 17.05.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПРОКУРОРОМ НА СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ****Елена Владимировна Блинова¹, Тхиен Тхыонг Буй²**¹ Российский экономический университет имени Г. П. Плеханова,
Москва, Россия, Blinovdima@yandex.ru² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, thienthuong1603@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье авторами рассматриваются актуальные вопросы, связанные с основными направлениями взаимодействия следователя и прокурора при производстве предварительного расследования в уголовном процессе Социалистической Республики Вьетнам. Отмечается, что расследование уголовных дел в уголовном процессе Вьетнама имеет своими задачами выявление лиц, виновных в уголовных преступлениях, с целью привлечения их к уголовной ответственности, возмещение материального ущерба, причиненного преступлением. В заключение авторы приходят к выводу о том, что взаимодействие между следователем и прокурором, как в России, так и во Вьетнаме, является важнейшим инструментом, гарантирующим эффективность всего досудебного производства по уголовным делам, посредством чего реализуется надзор за соблюдением прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: стадия предварительного расследования, прокурор, следователь, неотвратимость ответственности, ордер на экстренный арест, уголовное расследование, следственное заключение расследования.

Для цитирования: Блинова Е. В., Буй Т. Т. Взаимодействие следователя с прокурором на стадии предварительного расследования по законодательству Социалистической Республики Вьетнам // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 94–99.

Original Article

**INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE PROSECUTOR
AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION UNDER
THE LEGISLATION OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM****Elena V. Blinova¹, Thien T. Bui²**¹Russian Economic University named after G. P. Plekhanova,
Moscow, Russia, Blinovdima@yandex.ru²Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Moscow, Russia, thienthuong1603@gmail.com

Abstract. In this article, the authors consider topical issues related to the main areas of interaction between the investigator and the prosecutor in the production of a preliminary investigation in the criminal process of the Socialist Republic of Vietnam. It is noted that the investigation of criminal cases in the criminal process of Vietnam has as its tasks the identification of persons guilty of criminal offenses in order to bring them to criminal liability, compensation for material damage caused by the crime. In conclusion, the authors come to the conclusion that the interaction between the investigator and the prosecutor, both in Russia and in Vietnam, is the most important tool that guarantees the effectiveness of all pre-trial proceedings in criminal cases, through

which the supervision of the observance of the rights and legitimate interests of persons, involved in the sphere of criminal procedural legal relations.

Keywords: preliminary investigation stage, prosecutor, investigator, inevitability of liability, warrant for emergency arrest, criminal investigation, investigative conclusion of the investigation.

For citation: Blinova E. V., Bui T. T. Interaction of the investigator with the prosecutor at the stage of preliminary investigation under the legislation of the Socialist Republic of Vietnam // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 94–99.

Как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства стадия предварительного расследования имеет функцию по применению необходимых мер, требуемых законом, для доказывания факта совершенного преступления и изобличения преступников, четко определяя причины и условия преступления и предлагая всем заинтересованным учреждениям и организациям принять все меры для предотвращения преступлений [1, с. 14]. Стадия уголовного расследования по уголовно-процессуальному закону Вьетнама начинается тогда, когда государственный орган (уполномоченное должностное лицо), обладающее правом вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, выносит данное постановление. Заканчивается данная стадия следственным заключением расследования для предъявления предложения прокуратуре привлечь к ответственности обвиняемых в суде или приостановить соответствующее уголовное дело.

Стадия предварительного расследования в соответствии с уголовно-процессуальным законом Социалистической Республики Вьетнам имеет следующее значение.

Во-первых, уголовное расследование является важной функцией в деятельности государственного органа (уполномоченного должностного лица), которое осуществляет полномочия по каждому преступлению с целью доказывания совершенного уголовно наказуемого деяния, а также розыска лиц, виновных в совершении преступлений, на основании собранных доказательств. Данный аспект является одним из основных средств для надлежащего применения принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Во-вторых, с другой стороны, расследование преступлений также способствует своевременному принятию процессуальных ре-

шений о привлечении к ответственности лиц, обвиняемых в совершении преступлений.

В-третьих, предварительное расследование является основной и важнейшей стадией уголовного судопроизводства с точки зрения защиты прав и свобод граждан на досудебных этапах (то есть до утверждения прокурором обвинительного заключения и судебного разбирательства). Наряду с другими стадиями уголовного судопроизводства стадия предварительного расследования направлена также на предотвращение преступлений.

К процессуальным действиям при расследовании уголовно наказуемых деяний относятся:

- привлечение лица, совершившего преступление, в качестве обвиняемого и допрос обвиняемых;
- допрос свидетелей, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, лиц, имеющих интересы и обязанности, связанные с уголовным делом, производство очной ставки, опознание;
- поиск и изъятие документов и предметов;
- осмотр места происшествия, вскрытие трупа, исследование следов на теле, экспериментальное исследование;
- оценка имущества и др.

По окончании расследования следственный орган во Вьетнаме должен составить заключение о расследовании и вынести уголовное обвинение, если имеются для того достаточные доказательства. Возможно также и приостановление расследования, если имеется одно из оснований, указанных в Уголовно-процессуальном кодексе Социалистической Республики Вьетнам (далее – УПК СРВ), или же истек срок расследования без доказательства того, что лицо является

виновным в совершении инкриминируемого ему преступления.

На стадии предварительного расследования согласно положениям п. 7 ст. 165 УПК СРВ «Задачи и полномочия прокурора при осуществлении права на осуществление уголовного преследования на стадии расследования уголовного дела» прокурор вправе непосредственно проводить ряд следственных действий в целях дополнения имеющихся в уголовном деле документов и проверки собранных доказательств при рассмотрении и утверждении постановлений следственных органов, а также в целях обнаружения признаков совершенных или готовящихся преступлений, при принятии решения о возбуждении уголовного дела.

Следует также отметить, что согласно п. 3 ст. 165 УПК СРВ прокурор вправе сам возбуждать уголовное дело, изменять или дополнять постановление о возбуждении уголовного дела или постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, что являются отличительной особенностью в полномочиях прокурора по сравнению с действующим уголовно-процессуальным законом в России.

При надзоре за следственной деятельностью прокурор следит за законностью возбуждения уголовных дел. Это помогает прокурору четко понимать, как происходит расследование уголовного дела, и оперативно выявлять нарушения, допущенные следователями при сборе доказательств.

Прокурор в уголовном судопроизводстве Вьетнама – это должностное лицо, которое поддерживает обвинение в судебном заседании, поэтому он несет ответственность за полноту всех доказательств, подтверждающих факт совершенного преступления. Для этого в ходе досудебного производства прокурор требует провести объективное расследование, что является прямым указанием для следственного органа. Только прокурор, который непосредственно следит за ходом расследования, может изучить круг вопросов, требующих доказывания, с целью избличения виновных и привлечения их к уголовной ответственности.

Согласно положениям УПК СРВ прокурор имеет право выписывать повестку, и после ее получения указанные субъекты должны прибыть к нему для дачи ответов на вопросы прокурора. На самом деле при задержании подозреваемых прокурор зачастую вынужден лично направляться в следственный изолятор для его допроса. Перед тем, как проводить допрос задержанного или провести допросы свидетелей, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, лиц, имеющих интересы и обязанности, связанные с делом, прокурор должен подготовить конкретные вопросы, чтобы доказать факт совершенного преступления.

Прокурор непосредственно может проводить расследование (п. 3 ст. 236 и п. 1 ст. 246 УПК СРВ). Не менее за 24 часа до проведения ряда следственных действий прокурор уведомляет следственный орган о времени и месте их проведения. В случае отсутствия следователей не менее чем за 2 часа до проведения прокурором следственных действий следователи обязаны уведомить об этом прокурора. Протоколы, составленные прокурором по итогам проведенных следственных действий, приобщаются к материалам уголовного дела.

На этапе предварительного расследования прокурор играет важную роль в вопросах оказания помощи руководителю следственного органа при принятии последним процессуальных решений. Прокуроры внимательно изучают материалы уголовных дел, доказательства, а также следят за законностью производства предварительного расследования.

Прокурор вправе принять следующие решения: привлечь обвиняемых к уголовной ответственности с вынесением обвинительного заключения; вернуть уголовное дело для производства дополнительного расследования; приостановить предварительное расследование (ст. 166 УПК СРВ).

Сразу после утверждения прокурором постановления о производстве обыска следователи обсуждают и согласовывают с прокурором время и место его проведения

с участием прокурора. В случае возникновения форс-мажорных обстоятельств, когда прокурор отсутствует, то не менее чем за 2 часа до проведения обыска он уведомляет следователя о причинах своего отсутствия в письменном виде.

В случае неучастия прокурора в надзоре за следственными действиями, следователь после завершения расследования обязан передать протоколы и документы о следственных действиях прокурору в соответствии с п. 5 ст. 88 УПК СРВ.

При направлении запроса прокурору об утверждении ордера на экстренный арест следователь должен вынести постановление, в котором указать причины, подтверждающие основания для ареста лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, а именно:

1) если лицо содержится в чрезвычайной ситуации, как это предусмотрено в п. «а» ч. 1 ст. 110 УПК СРВ, в досье должны быть доказательства и документы, подтверждающие, что это лицо готовится к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления;

2) при задержании лиц в экстренных случаях, предусмотренных пунктом «б» ч. 1 ст. 110 УПК СРВ, досье должно содержать запись свидетельских показаний лица, совершившего преступление, или лица, присутствовавшего на месте, где произошло преступление, с возможностью подтвердить, что лицо совершило преступление, а также документы или основания, определяющие, что это лицо скрылось, если оно не было задержано;

3) если лицо содержится в чрезвычайной ситуации, как это предусмотрено в п. «с» ч. 1 ст. 110 УПК СРВ, в досье должны быть доказательства и документы, идентифицирующие следы, а также предметы, имеющие отношение к преступлению, либо что-то из обозначенного по месту жительства, либо на работе, либо на транспортном средстве лица, подозреваемого в совершении преступления; а также документы, позволяющие установить, что лицо пытается скрыться или уничтожить доказательства.

В случаях, когда прокурор непосредственно встречается с задержанным в чрез-

вычайном порядке или задает ему вопросы для принятия решения об утверждении или отказе в утверждении ордера на экстренный арест, он уведомляет об этом следователя. Следователи несут ответственность за координацию действий с прокурором при допросе лиц, содержащихся под стражей в указанных случаях.

В случае преследования подозреваемого в отношении лица, находящегося под временным задержанием, по крайней мере, за 24 часа до истечения срока содержания под стражей или продления срока временного задержания, следователь должен передать заявление об утверждении решения о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности и постановление о задержании в прокуратуру того же уровня. Рассмотрение и утверждение постановления о привлечении к уголовной ответственности обвиняемого проводится одновременно с рассмотрением и утверждением постановления о задержании обвиняемого.

Если прокурор не утверждает постановление о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности или постановление о задержании, он выносит решение об отмене данных постановлений и требует от следователя немедленно освободить задержанных.

В случаях, когда обвинение признано обоснованным, но нет необходимости во временном задержании обвиняемого, прокурор выносит постановление об утверждении решения о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности или об отказе в утверждении постановления о временном задержании, а также при необходимости он может потребовать от следователя применить к обвиняемым другие меры «сдерживания».

По окончании расследования, передавая материалы дела в прокуратуру, следственный орган должен уведомить следственный изолятор, в котором содержится обвиняемый.

Сразу после получения материалов дела прокурор должен изучить срок временного задержания обвиняемого и принять решение о его продлении или об отмене временного задержания в соответствии со ст. 240 УПК СРВ.

Если прокурор возвращает дело на дополнительное расследование, но срок временного задержания не истек в соответствии с постановлением следственного органа о задержании или решением прокурора о продлении срока задержания, следователь продолжает руководствоваться постановлением о временном задержании.

Срок задержания должен составлять не менее 5 дней, и следственный орган выдает постановление о временном задержании, а также запрашивает одобрение прокуратуры того же уровня. Срок содержания под стражей в этом случае исчисляется со дня, следующего за последним днем содержания под стражей, указанным в постановлении о временном задержании или решении о продлении содержания под стражей, и не может превышать срок дополнительного расследования, который указан в п. 2 ст. 174 УПК СРВ.

На стадии предварительного расследования, за 10 дней до истечения срока для применения меры пресечения, следователь должен вынести постановление с четким указанием в нем оснований и причин, а также ходатайствовать перед прокурором о продлении срока для применения или отмены либо замены меры пресечения.

При приостановлении предварительного расследования по уголовному делу следственный орган должен в письменной форме ходатайствовать перед прокурором об отмене всех утвержденных мер пресечения с четким указанием причин и доказательств, подтверждающих обоснованность приостановления предварительного расследования [2, с. 156].

В течение 3 дней со дня получения ходатайства следователя прокурор выносит решение о его удовлетворении или отклонении либо письменно запрашивает у следователя дополнительные документы для рассмотрения возможности применения меры «сдерживания» в виде залога.

При наличии оснований для установления факта нарушения подозреваемым совершенного обязательства, указанного в п. 3 ст. 121 УПК СРВ, следователь вместе с документами, устанавливающими факт нарушения, выносит постановление с четким указанием причины отмены залога. Следователь должен вынести постановление об аресте обвиняемого для содержания под стражей и запросить письменное разрешение прокурора. При этом срок содержания под стражей в этом случае не должен превышать срок расследования.

В случае, если у прокурора есть основания полагать, что обвиняемый нарушает гарантированное обязательство, он должен письменно потребовать от следователя провести процедуры по отмене меры освобождения под залог и применению меры пресечения, предусмотренной в п. 4 ст. 121 УПК СРВ.

В заключение можно утверждать, что на стадии предварительного расследования следователь на основании положений уголовно-процессуального закона и под контролем прокурора принимает необходимые меры, предназначенные для сбора доказательств, изучения обстоятельств совершенного преступления, установления лиц, виновных в совершении преступления, с целью привлечения их к уголовной ответственности, а также возмещения причиненного преступлением вреда.

Таким образом, по итогам изучения вопросов взаимодействия следователя с прокурором на стадии предварительного расследования можно сделать вывод о том, что взаимодействие между данными участниками уголовного судопроизводства, как в России, так и во Вьетнаме, является важнейшим инструментом, гарантирующим эффективность всего досудебного производства по уголовным делам, посредством чего реализуется надзор за соблюдением прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных правоотношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алимамедов Э. Н. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения: автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2018. 32 с.

2. Иванов Д. А., Во К. З. Актуальные вопросы ознакомления потерпевшего и его представителя с материалами уголовного дела (сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законов России и Вьетнама) // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 155–158.

3. О координационных отношениях между следственным органом и прокуратурой в реализации ряда положений Уголовного-процессуального кодекса Социалистической Республики Вьетнам 2003 г.: совместное циркулярное письмо Верхового народного суда, Министерства общественной безопасности, Министерства национальной обороны от 7 сентября 2005 г. № 05/2005/TTLT-VKSNДTC-BCA-BQP // URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Thong-tu-lien-tich-05-2005-TTLT-VKSTC-BCA-BQP-quan-he-phoi-hop-giua-co-quan-dieu-tra-vien-kiem-sat-thuc-hien-quy-dinh-cua-bo-luat-to-tung-hinh-su-2003-16963.aspx?tab=2>.

REFERENCES

1. Alimammadov E. N. Activities of the investigator at the stage of completion of the preliminary investigation by drawing up an indictment: author. diss ... cand. of law. M., 2018. 32 p. (In Russ.)

2. Ivanov D. A., Vo K. Z. Topical issues of familiarizing the victim and his representative with the materials of the criminal case (comparative legal analysis of the criminal procedural laws of Russia and Vietnam) // Bulletin of economic security. 2021. No. 2. P. 155–158. (In Russ.)

3. On coordinating relations between the investigative body and the prosecutor's office in the implementation of a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam 2003: joint circular letter of the Supreme People's Court, the Ministry of Public Security, the Ministry of National Defense dated September 7, 2005 No. 05/2005 / TTLT-VKSNДTC-BCA-BQP // URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Thong-tu-lien-tich-05-2005-TTLT-VKSTC-BCA-BQP-quan-he-phoi-hop-giua-co-quan-dieu-tra-vien-kiem-sat-thuc-hien-quy-dinh-cua-bo-luat-to-tung-hinh-su-2003-16963.aspx?tab=2>. (In Russ.)

Информация об авторах:

Блинова Е. В., кандидат юридических наук;
Буй Т. Т., без ученой степени.

Information about the authors:

Blinova E. V., Candidate of Law;
Bui T. T., no academic degree.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2022; одобрена после рецензирования: 13.05.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 15.02.2022; approved after reviewing: 13.05.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 343.137.9(470)

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ УТРАЧЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ИЛИ ИХ МАТЕРИАЛОВ

Ирина Нурфаязовна Гимазетдинова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, yamaltdinova_irina@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся сведения о возникновении и развитии института восстановления утраченных уголовных дел либо их материалов. Отмечаются современные проблемы, возникающие в этой связи в практике уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость детальной регламентации процедуры восстановления утраченных уголовных дел и их материалов в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России. С этой целью предлагается ввести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) самостоятельную главу 21.1 «Восстановление утраченных уголовных дел и их материалов», в которой регламентировать отдельные стороны восстановления утраченных уголовных дел и их материалов.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное дело; утрата материалов уголовного дела; восстановление материалов уголовного дела; совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Для цитирования: Гимазетдинова И. Н. К вопросу о восстановлении утраченных уголовных дел или их материалов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 100–105.

Original article

TO THE QUESTION OF RECOVERY OF LOST CRIMINAL CASES OR THEIR MATERIALS

Irina N. Gimazetdinova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, yamaltdinova_irina@mail.ru

Abstract. The article provides information about the emergence and development of the institute for the restoration of lost criminal cases or their materials. Modern problems arising in this regard in the practice of criminal proceedings are noted. The necessity of a detailed regulation of the procedure for the restoration of lost criminal cases and their materials in the current criminal procedure legislation of Russia is substantiated. To this end, it is proposed to introduce an independent chapter 21.1 «Restoration of lost criminal cases and their materials» into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulates certain aspects of the restoration of lost criminal cases and their materials.

Keywords: criminal process; criminal case; loss of materials of the criminal case; restoration of materials of the criminal case; improvement of criminal procedure legislation.

For citation: Gimazetdinova I. N. To the question of recovery of lost criminal cases or their materials // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 100–105.

Вопросам восстановления утраченных уголовных дел посвящены ряд исследований как советского периода [1; 2], так и Российской Федерации [3; 4; 5; 6]. Кроме того, с криминалистической и уголовно-процессуальной позиции вопросам производства по-

вторных следственных действий, в том числе в ходе восстановительного производства, уделила внимание И. И. Ульвачева [7].

Исторически процедура восстановления утраченных уголовных дел либо их материалов прошла относительно небольшой пе-

риод развития. Проведенный историко-правовой анализ позволил определить первые нормативные упоминания о порядке восстановления утерянных, уничтоженных или похищенных производств по уголовным делам в одноименной Инструкции Совета народных комиссаров РСФСР от 6 января 1925 г. № 9 [8]. Детальный анализ данной инструкции позволил прийти к выводу о несовершенстве регламентируемой процедуры. Однако в то же время следует отдать должное этому нормативному акту с исторической точки зрения: подобная процедура никогда прежде не являлась предметом нормативного регулирования. Действовавший в тот период Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. также не содержал соответствующих норм, регламентировавших восстановительное производство утраченных или уничтоженных уголовных дел.

Следующим известным нормативным актом, регулирующим процедуру восстановления уголовных и гражданских дел, является совместный Приказ Наркомюста СССР № 35 и Генпрокуратуры СССР № 175 от 23 мая 1942 г. «О порядке восстановления уголовных и гражданских дел, по которым производство утрачено в связи с обстоятельствами военного времени» [9]. Принятый в последующем УПК РСФСР 1960 г. также не содержал соответствующих норм, регламентировавших данный вопрос, равно как и пришедший на его смену УПК РФ 2001 г.

Вместе с тем, отдельные ученые отмечают, что «большое число утраченных уголовных дел приходится на 90-е годы двадцатого столетия. Данное явление было вызвано общей нестабильностью общественных отношений, которые складывались на фоне проблем, существовавших в социальном, экономическом и политическом строе России в период конца XX – начала XXI века» [10, с. 54–55]. Полагаем, что именно указанные события и наличие «большого числа утраченных уголовных

дел» предопределили необходимость введения Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ [11] в действующее уголовно-процессуальное законодательство России новой нормы – ст. 158.1 «Восстановление уголовных дел». Представленная норма состоит из 4 частей и с момента ее введения (порядка 20 лет назад), она не претерпела изменений, за исключением коррекции, внесенной Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [12], исключившим возможность инициировать восстановительное производство органом прокуратуры и наделившим данным правом руководителя следственного органа, начальника органа дознания. Соответственно, в случаях обнаружения прокурором фактов утраты он в порядке ч. 4 ст. 150 УПК РФ передает их вышеупомянутым органам.

В настоящее время в официальной статистической информации, представляемой органом внутренних дел, а также прокуратурой Российской Федерации, отсутствует показатель, связанный с количеством утраченных, похищенных, утерянных, уничтоженных уголовных дел, равно как и количеством восстановленных дел. Данному факту можно дать разумное объяснение, ведь любая утрата уголовного дела – случай недопустимый, и требует детальной проверки всех причастных и контролирующих лиц, и как следствие может вызывать резкую критику и недовольство у потерпевшей стороны, вне зависимости от того, на каком этапе производства находилось уничтоженное или потерянное уголовное дело.

Проведенный нами опрос среди сотрудников следственных подразделений, органов дознания и прокуратуры¹ позволил выявить общую тенденцию о нежелании должностных лиц раскрывать данные о подобных фактах. Большинство респондентов – 78,2 % ответили, что не сталкивались с подобными фактами; затруднились ответить – 13,2 %; и лишь 8,6 % признали, что сталкивались с

¹ В 2019–2021 гг. опрошено 56 сотрудников следственных подразделений, 67 – органов дознания, 23 – органов прокуратуры (всего опрошено 146 человек) из различных регионов России (Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Оренбургской и Самарской областей).

необходимостью восстановления уголовных дел. Безусловно данные факты имеют место и признаются на самом высоком уровне.

Так, к примеру, согласно Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2021 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Файзрахманова Даниса Миратовича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 158.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [13] суд не должен возвращать уголовное дело следователю для восстановления утраченных материалов. В ходе исследования обращения гр. Д. М. Файзрахманова Конституционный Суд установил, что на стадии предварительного расследования в ходе ознакомления с материалами уголовного дела в рамках ст. 217 УПК РФ были утрачены два тома уголовного дела (№№ 80–81), в которых содержались следственные и иные процессуальные документы в отношении одного из обвиняемых – М., а также характеризующие его личность материалы.

Указанное обстоятельство не может не свидетельствовать о существовании данной проблемы. Опрошенные должностные лица Республики Башкортостан отметили, что в больших населенных пунктах в среднем на один отдел полиции в период от одного года до двух лет приходится восстанавливать в среднем одно уголовное дело. В масштабах всей страны статистика представляется весьма внушительной. Так, к примеру, согласно имеющейся в открытой печати информации, приведенной Генеральной прокуратурой Российской Федерации [14], в июле 2015 г. было заявлено об установлении 98 тысяч фактов утраты уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет, из которых каждое пятое – это дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, в том числе о тысяче убийств. В целом же по стране прокурорам не удалось установить местонахождение 270 тысяч уголовных дел. В этой связи авторский коллектив ВНИИ МВД России (О. И. Цоколова, С. С. Безруков, Е. И. Куприянов) обоснованно отмечает, что «статистический учет подобных фактов в нашей стра-

не не ведется, а потому установить точное количество уголовных дел, которые были по разным причинам утрачены и впоследствии восстановлены (восстановить которые не удалось), не представляется возможным» [15, с. 60].

Среди основных причин утраты уголовных дел респонденты указали: небрежное хранение – 86,7 %; халатность должностных лиц – 9,6 %; другие причины (попытка уничтожения дела или его фрагмента участниками уголовного судопроизводства; хищение и т. п.) – 3,6 %.

Аналогичное исследование было проведено процессуалистами Республики Беларусь в 2013 г. Так, согласно полученным результатам в указанный период было выявлено 20 фактов утраты уголовных дел. К причинам утраты в основном были отнесены недостатки при архивном хранении и лишь в трех случаях выявлен факт хищения неустановленным лицом [16, с. 29].

Проведенное исследование проблем восстановления утраченных уголовных дел позволило прийти к выводу о том, что его следует рассматривать как самостоятельную, особую форму предварительного расследования, в ходе которой также осуществляется сбор доказательств и установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, как путем производства следственных действий, так и в ходе восстановления имевшихся данных из различных источников.

Сравнение уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных стран постсоветского пространства позволило определить, что большинство из них заимствовали российскую норму ст. 158.1 УПК РФ (УПК Республики Беларусь, УПК Республики Казахстан, УПК Кыргызской Республики), адаптировав ее под собственную модель уголовного процесса. В других уголовно-процессуальных кодексах и вообще отсутствуют нормы, посвященные процессуальному регулированию процедуры восстановления утраченных уголовных дел или их материалов (УПК Грузии, УПК Азербайджанской Республики, УПК Республики Армения, УПК Эстонской Республики).

Наиболее перспективным в плане имплементации норм, регулирующих восстановительное производство, можно отметить уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдовы (глава 8 УПК Республики Молдовы).

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России не имеет детальной регламентации процедуры восстановления утраченных уголовных дел и их материалов. Имеющаяся норма ст. 158.1 УПК РФ не отвечает современным требованиям правоприменительной деятельности, так как элементарно не раскрывает понятия утраченного уголовного дела. С целью оптимизации процессуального регулирования указанного вопроса предлагаем ввести в УПК РФ самостоятельную главу 21.1 «Восстановление утраченных уголовных дел и их материалов». Эта глава должна содержать норму (ст. 161.1 УПК РФ), в которой следует закрепить конкретных субъектов, отвечающих за восстановление утраченных уголовных дел и их материалов, в том числе отразив компетенцию по данному вопросу той инстанции, в архиве которой хра-

нилось утраченное уголовное дело или его материалы. Отдельно следует разграничить процессуальный порядок восстановления уголовных дел, по которым принято решение о прекращении, приостановлении дела, а также по тем делам, по которым предварительное расследование осуществляется (ст. 161.2 УПК РФ). Необходимо определить самостоятельную норму о возможности частичного восстановления уголовного дела, а также те категории дел, которые не подлежат восстановлению (ст. 161.3 УПК РФ). Кроме того, целесообразно отразить в данной главе вопросы, связанные с подследственностью, соединением и выделением уголовного дела, исчислением сроков на реабилитацию участников уголовного процесса.

В связи с проблемой восстановления утраченных уголовных дел или их материалов следует отметить особую актуальность перевода материалов уголовных дел в наглядно-образную и электронную форму. Как представляется, такой порядок позволит снизить риск утраты процессуальных документов, а в случае утраты облегчит процедуру по их восстановлению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Купко П. О порядке восстановления утерянных уголовных дел // Социалистическая законность. 1940. № 4.
2. Крецу В. Рассмотрение дел о восстановлении утраченного судебного или исполнительного производства // Советская юстиция. 1988. № 23.
3. Кальницкий В. В. Восстановление утраченных уголовных дел / В. В. Кальницкий, Н. П. Ефремова; под ред. В. В. Николюка. М.: Спарк, 2000. 89 с.
4. Ефремова Н. П. Восстановление утраченных уголовных дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. 26 с.
5. Зеленецкий В. С., Кузьминова В. Ю. Технология восстановления (реконструкции) утраченных уголовных дел: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив. Харьков, 2002. 236 с.
6. Фильченко А. П. Восстановление утраченного уголовного дела как механизм, препятствующий прекращению правоотношения уголовной ответственности // Российский следователь. 2012. № 9. С. 27–29.
7. Ульвачева И. И. Повторные следственные действия: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 24 с.
8. Инструкция о порядке восстановления утерянных, уничтоженных или похищенных производств по судебным делам от 6 января 1925 г. // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. М., 1926. 223 с.
9. О порядке восстановления уголовных и гражданских дел, по которым производство утрачено в связи с обстоятельствами военного времени: приказ Наркомюста СССР № 35, Генпрокуратуры СССР

№ 175 от 23 мая 1942 г. // Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1943.

10. Виноградов А. С., Мещерякова О. А. О становлении и развитии института восстановления уголовного дела и его материалов в ходе досудебного производства // Журнал правовых и экономических исследований. 2015. № 2. С. 53–56.

11. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ (ред. 29 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.07.2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

12. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (ред. 22 декабря 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.06.2007. № 24. Ст. 2830.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Файзрахманова Даниса Миратовича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 158.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2021 г. // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

14. Прокуроры выявили 270 тысяч пропавших уголовных дел. URL: <https://rg.ru/2015/07/28/prokurori.html> (дата обращения: 09.03.2022).

15. Цоколова О. И., Безруков С. С., Куприянов Е. И. Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 59–62.

16. Борисенко Н. А. Проблемы восстановления утраченных уголовных дел, по которым приостановлено предварительное следствие // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2013. № 1 (33). С. 29–34.

REFERENCE

1. Kupko P. On the procedure for the restoration of lost criminal cases // Socialist legality. 1940. No. 4. (In Russ.)

2. Cretu V. Consideration of cases on the restoration of lost judicial or enforcement proceedings // Soviet justice. 1988. No. 23. (In Russ.)

3. Kalnitsky V. V. Restoration of lost criminal cases / V. V. Kalnitsky, N. P. Efremova; ed. V.V. Nikolyuk. M.: Spark, 2000. 89 p. (In Russ.)

4. Efremova N. P. Restoration of lost criminal cases: author. diss. ... cand. of law. Omsk, 2001. 26 p. (In Russ.)

5. Zelenetsky V. S., Kuzminova V. Yu. Technology of restoration (reconstruction) of lost criminal cases: Eastern Regional Center for Humanitarian and Educational Initiatives. Kharkov, 2002. 236 p. (In Russ.)

6. Filchenko A.P. Restoration of a lost criminal case as a mechanism that prevents the termination of the legal relationship of criminal liability // Russian investigator. 2012. No. 9. P. 27–29. (In Russ.)

7. Ulvacheva I. I. Repeated investigative actions: criminal procedural and forensic aspects: author. diss. ... cand. legal Sciences. Voronezh, 2005. 24 p. (In Russ.)

8. Instructions on the procedure for restoring lost, destroyed or stolen legal proceedings dated January 6, 1925 // Collection of circulars of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR for 1922–1925. M., 1926. 223 p. (In Russ.)

9. On the procedure for the restoration of criminal and civil cases in which proceedings were lost due to wartime circumstances: order of the People's Commissariat of Justice of the USSR No. 35, the USSR Prosecutor General's Office No. 175 of May 23, 1942 // Legislative and administrative-legal acts of wartime from March 22 1942 to May 1, 1943. M.: Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1943. (In Russ.)

10. Vinogradov A. S., Meshcheryakova O. A. On the formation and development of the institute for the restoration of a criminal case and its materials in the course of pre-trial proceedings // Journal of Legal and Economic Research. 2015. No. 2. P. 53–56. (In Russ.)

11. On amendments and additions to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of July 4, 2003 No. 92-FZ (as amended on December 29, 2010) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.07.2003. No. 27 (part 1). Art. 2706. (In Russ.)

12. On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation»: Federal Law of June 5, 2007. No. 87-FZ (as amended on December 22, 2014) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 06.11.2007. No. 24. Art. 2830. (In Russ.)

13. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Fayzrakhmanov Danis Miratovich about the violation of his constitutional rights by the second and third parts of Article 158.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 26, 2021 // The document was not published. RLS «ConsultantPlus» (date of access: 06.01.2022). (In Russ.)

14. Prosecutors have identified 270,000 missing criminal cases. URL: <https://rg.ru/2015/07/28/prokurori.html> (date of access: 03.09.2022). (In Russ.)

15. Tsokolova O. I., Bezrukov S. S., Kupriyanov E. I. Actual problems of restoring lost criminal cases // Russian justice. 2018. No. 5. P. 59–62. (In Russ.)

16. Borisenko N. A. Problems of restoration of lost criminal cases, on which the preliminary investigation was suspended // Issues of criminology, forensic science and forensics. 2013. No. 1 (33). P. 29–34. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.06.2022; одобрена после рецензирования: 10.06.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 06.06.2022; approved after reviewing: 10.06.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

**ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН
ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
В СЛУЧАЕ СОГЛАСИЯ ОБВИНЯЕМОГО
С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ**

Вячеслав Викторович Солодовник

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
Санкт-Петербург, Россия, slaviik_bel@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные направления реализации принципа состязательности сторон при рассмотрении уголовного дела в упрощенной уголовно-процессуальной форме, которая выражена в применении особого порядка судопроизводства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Автор разрешает ряд спорных вопросов, связанных с действием принципа состязательности не только в случае непризнания обвиняемым своей вины в совершенном преступлении, но и в ситуации ее полного признания. Рассмотрена возможность применения особого порядка в случае несогласия обвиняемого с исковыми требованиями по уголовному делу. Проанализированы особенности реализации принципа состязательности сторон в особом порядке судопроизводства, когда обвиняемый согласился с предъявленным обвинением, а защитник возражает против этого вопреки воле последнего. Оптимизация действий защитника в такой ситуации является крайне актуальной, в связи с чем рассмотрены возможные варианты его действий.

Ключевые слова: суд, особый порядок, принцип состязательности сторон, состязательность, упрощенная уголовно-процессуальная форма.

Для цитирования: Солодовник В. В. Принцип состязательности сторон при особом порядке судебного разбирательства в случае согласия обвиняемого с предъявленным обвинением // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 106–114.

Original Article

**THE PRINCIPLE OF THE ADVERSARIAL NATURE
OF THE PARTIES IN A SPECIAL PROCEDURE
OF JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE CASE OF THE CONSENT
OF THE ACCUSED TO THE CHARGE**

Vyacheslav V. Solodovnik

Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Saint-Petersburg, Russia, slaviik_bel@mail.ru

Abstract. The article analyzes the main directions of the implementation of the principle of adversarial parties in the consideration of a criminal case in a simplified criminal procedure form, which is expressed in the application of a special procedure of legal proceedings with the consent of the accused with the indictment. The author resolves a number of controversial issues related to the operation of the adversarial principle not only in the case of non-recognition of the accused's guilt in the crime committed, but also in the situation of its full recognition. The possibility of applying a special procedure in case of disagreement of the accused with the claims in a criminal case is considered. The article analyzes the features of the implementation of the principle of adversarial parties in a special procedure of legal proceedings, when the accused agreed with the charge, and the defense lawyer objects to this against the will of the latter. Optimization of the defender's actions in such a situation is extremely relevant, and therefore possible options for his actions are considered.

Keywords: court, special procedure, principle of adversarial nature of the parties, adversarial nature, simplified criminal procedure form.

For citation: Solodovnik V. V. The principle of the adversarial nature of the parties in a special procedure of judicial proceedings in the case of the consent of the accused to the charge // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 106–114.

Закрепление принципа состязательности сторон в действующем уголовно-процессуальном законодательстве является одним из наиболее значимых событий и достижений современной постсоветской России. Указанный принцип первоначально закреплен в ч. 3 ст. 125 Конституции Российской Федерации, а затем при развитии положений последней приведен в соответствие и действующий уголовно-процессуальный закон, в результате чего в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) принцип состязательности сторон нашел свое отражение. Однако сразу возникло множество вопросов, связанных с реализацией данного принципа как на разных стадиях уголовного судопроизводства, так и при различных формах производства по уголовным делам.

Мнения ученых-процессуалистов по данному вопросу резко разделились. Одни высказывают обоснованные сомнения относительно соответствия особого порядка судебного разбирательства принципу состязательности [1, с. 89; 2, с. 235], или признают отсутствие элементов состязательности при реализации норм особого порядка судебного разбирательства [3, с. 151; 4, с. 11]. Другие ученые отстаивают противоположную точку зрения, согласно которой упрощенные формы производства по уголовным делам, связанные с применением особого порядка судопроизводства, в полной мере соответствуют принципам уголовного процесса [5, с. 35]. Мы придерживаемся точки зрения последних авторов и считаем, что включение в действующее уголовно-процессуальное законодательство особого порядка судебного разбирательства обусловлено как раз действием принципа состязательности, при реализации которого отсутствие предмета спора (согласие обвиняемого с предъявленным обвинением) по фактическим обстоя-

тельствам дела уже подразумевает и отсутствие самой состязательной деятельности. Но это в свою очередь никак не влияет на возможность стороны защиты оспорить предъявленное обвинение или отдельные обстоятельства совершения преступления. В этом случае снова появится возможность проведения состязания, но уголовное дело уже будет рассматриваться в общем порядке. В этой связи мы считаем, что особый порядок судопроизводства ни в коей мере не нарушает принцип состязательности сторон, а наоборот предоставляет сторонам возможность для его реализации в случае несогласия с предъявленным обвинением и установленными в ходе предварительного расследования обстоятельствами совершения преступления.

А. Г. Калугин и М. В. Монид полагают, что «отстаивание своих позиций сторонами при рассмотрении уголовного дела в особом порядке ограничено вопросами, связанными с характеристикой личности подсудимого и установлением обстоятельств, влияющих на наказание» [6, с. 149]. Мы не можем согласиться с данной точкой зрения, потому что отстаивание своих позиций стороной защиты не должно подразумевать только непризнание обвиняемым своей вины в совершенном преступлении. Позиция стороны защиты может быть и иной, что связано с полным признанием обвиняемым своей вины и раскаянием в совершении преступления. Представляется недопустимым под предлогом необходимости соблюдения принципа состязательности сторон, который все равно соблюдается, лишать обвиняемого возможности упрощения процедуры его осуждения за совершенное преступление и назначения ему более мягкого наказания. В этой связи необходимо вспомнить точку зрения С. Д. Шестаковой, которая указывает, что «основным и единственным сущност-

ным (внутренним, органическим) признаком состязательной формы уголовного процесса является равенство процессуальных статусов органов уголовного преследования и обвиняемого (подозреваемого) на досудебных и судебных стадиях производства по уголовному делу» [8, с. 7]. Поддерживая данную точку зрения, хочется отметить, что при осуществлении производства по уголовному делу в упрощенной форме при соблюдении предусмотренной законом процедуры особого порядка рассмотрения уголовного дела стороны обвинения и защиты имеют в полной мере уравненные позиции, что гарантировано совокупностью их прав и процессуальных гарантий.

При рассмотрении вопроса о соответствии принципа состязательности сторон особому порядку уголовного судопроизводства обращает на себя внимание вопрос о предоставлении защитнику возможности не согласиться с предъявленным его подзащитному обвинением даже при согласии с данным обвинением последнего. Так, защитник, проверив полученные в ходе предварительного расследования доказательства и оценив их, может сделать вывод, что вина его доверителя в совершении преступления не подтверждается доказательствами, собранными в ходе предварительного расследования. Защитник, являясь профессиональным квалифицированным юристом – адвокатом и обладая знаниями о квалификации преступлений, об особенностях проведения следственных действий, должен разъяснить своему доверителю ситуацию, в которой последний оказался. При этом защитник может не согласиться с выводами следователя или дознавателя относительно квалификации деяния, совершенного его доверителем, обстоятельствами совершения данного деяния, указанными в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и т. д. Он будет действовать в интересах своего подзащитного в случае, если деяние можно квалифицировать как преступление, за совершение которого предусмотрено более мягкое наказание, или, если в данном деянии имеются признаки административ-

ного правонарушения, а не преступления. В каждом из указанных случаев защитник может не согласиться с обвинением, предъявленным его подзащитному.

С учетом изложенного попробуем смоделировать ситуацию, при которой обвиняемый согласен с предъявленным обвинением, а защитник понимает, что предъявленное обвинение необоснованно по каким-либо причинам. Как считает Д. В. Маткина, особый порядок рассмотрения судом уголовного дела представляет собой, по сути, сделку стороны защиты со стороной обвинения и предъявленным уголовным иском, состоящим из следующих составных частей: 1) решение, принятое на основании консультации обвиняемого и защитника, с просьбой применения по уголовному делу процедуры особого порядка производства (договоренность между защитником и доверителем); 2) договор сторон защиты и обвинения о применении рассматриваемого особого порядка [8, с. 6–7]. Мы не считаем данную точку зрения верной, но, если рассматривать особый порядок в данном контексте, то, можно сказать, что защитник не должен отказываться от особого порядка и не вправе это сделать, потому что он нарушает свои договоренности, как с доверителем, так и со стороной обвинения. Однако мы придерживаемся мнения, что институт особого порядка разрешения уголовных дел имеет совершенно иную природу, что в основе применения его норм лежит принцип состязательности сторон. Так, в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, защитник имеет право «использовать любые не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты». Такое же право предоставлено п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ и обвиняемому: «защищаться любыми средствами и способами, не запрещенными УПК РФ». При этом факт участия в уголовном деле защитника «не является основанием для ограничения какого-либо права обвиняемого» (ч. 5 ст. 47 УПК РФ). Указанные уголовно-процессуальные нормы не исключают ситуацию, когда обвиняемый полностью согласился с предъявленным обвинением, и выражает свое желание о рас-

смотре уголовного дела судом в особом порядке, суд готов применить особый порядок судебного разбирательства, а защитник не согласен с предъявленным обвинением и оспаривает его.

Представляется, что защитник, в случае заявления ходатайства с просьбой рассмотреть уголовное дело в особом порядке не вправе оспаривать обвинение. Это должно повлечь за собой переход на рассмотрение дела в общем порядке. Однако указанные действия защитника могут являться легитимными только в ситуации, когда защитник действует по воле своего доверителя, а не вопреки ей. Но из этого правила имеется исключение, закрепленное в п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [9]. Так, в ней содержится запрет адвокату занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя. В результате получается, что защитник может оспорить предъявленное обвинение при применении особого порядка производства по уголовному делу, действуя в соответствии с волеизъявлением своего подзащитного, а также и против его воли, если, по мнению защитника, имеет место самооговор.

Основная особенность применения особого порядка в уголовном процессе заключается в деформации традиционной процедуры исследования доказательств судом, в ходе которой состязательность сторон в целом сохраняется. Необходимо отметить, что при рассмотрении уголовного дела судом в общем порядке, в отличие от особого, может произойти спор относительно обоснованности обвинения, предъявленного обвиняемому; доказанности данного обвинения и виновности обвиняемого; правильности квалификации совершенного обвиняемым деяния. Однако, в особом порядке, как и в общем порядке, должен действовать принцип состязательности, но не напрямую, как в общем порядке, при непосредственном исследовании судом доказательств, а опосредовано. В особом порядке стороны

обвинения и защиты вполне могут состязаться перед судом, отстаивая свои позиции по вопросам о характеристике личности обвиняемого, а также наличия обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). При этом остальные обстоятельства исследуются судом не непосредственно, а опосредованно, что, по нашему мнению, ни в коей мере не нарушает принцип состязательности сторон и не ограничивает его действие. Принцип состязательности сторон не зависит от упрощения уголовно-процессуальной формы и действует в полной мере при реализации процедуры особого порядка производства по делу. Данное положение обеспечивает защитнику возможность выбора правильной процессуальной позиции при рассмотрении уголовного дела судом, а также принятия наиболее рациональных решений в самых сложных процессуальных ситуациях, возникающих в процессе рассмотрения уголовных дел.

В данном случае в качестве примера смоделируем ситуацию, при которой обвиняемый заявил о своем полном согласии с предъявленным обвинением и решил воспользоваться правом о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, а защитник считает, что его подзащитный оговорил себя в совершении инкриминируемого преступления. При этом подзащитный возражает против оспаривания защитником предъявленного ему обвинения. Представляется, что согласно пп. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ч. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, в указанной ситуации адвокат «вправе занять по делу позицию вопреки воле доверителя» [10], потому что версия о самооговоре дает ему право оспорить обвинение, предъявленное его доверителю даже вопреки воле последнего. Однако, наличие такого права у защитника не означает, что он должен поступить только таким образом. После этого становится возможным полноценный спор об обоснованности и доказанности обвинения, что и будет являться продолжением действия принципа состязательности. Это

обстоятельство должно вызвать у суда сомнения в обоснованности предъявленного обвинения, и дело должно быть рассмотрено в общем порядке.

С точки зрения А. С. Александрова, А. Ф. Кучина и А. Г. Смолина, именно так должен поступить защитник в данной ситуации, «чтобы доказать, что сознание подсудимого не подтверждается или даже опровергается обстоятельствами дела. Если признание обвиняемого в совершенном им преступлении сомнительно для суда, то просьба защитника о производстве судебного разбирательства в обычном порядке должна быть удовлетворена судом, особый порядок не применяется» [11, с. 5]. Мы считаем, что основанием для перехода от общей формы судебного разбирательства к особой является наличие у суда сомнений в виновности подсудимого, что порождается ходатайством защитника с просьбой рассмотреть данное дело в общем порядке. Однако, мы не можем назвать точку зрения указанных авторов единственно верной, потому что в данной ситуации необходимо отметить двоякую определенность исхода. Так, суд может как признать подсудимого невиновным, так и усмотреть в его действиях признаки преступления и вынести обвинительный приговор, если посчитает обвинение доказанным. При этом наказание может быть строже того наказания, которое могло быть назначено в случае вынесения приговора в особом порядке (в соответствии с ч. 7 ст. 316 УПК РФ не более 2/3 от максимального срока наказания, предусмотренного за совершенное преступление). В этом случае защитник окажет своему доверителю «медвежью услугу», действуя при этом наперекор воле последнего и вопреки его интересам, что прямо нарушает п. 1 ч. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. Это позволяет сделать вывод, что защитник не должен никогда действовать против воли своего подзащитного. Его задача – убедить обвиняемого в правильности принятия подобного решения, разъяснить ему все возможные последствия, но право заявления ходатайства о переходе из особого порядка судебного разбиратель-

ства в общий должно принадлежать только обвиняемому.

А. П. Тенишев рассматривает возможность подобных действий защитника в условиях как общего порядка, так и особого, ссылаясь при этом на принцип состязательности сторон, поясняет, что его положения должны действовать в полной мере не только при общем, но и при особом порядке. Также он указывает, что «оспаривать обвинение, в том числе обосновывать непричастность обвиняемого к совершению преступления или отсутствие в деянии состава преступления, он вполне может и в рамках особого порядка» [12, с. 104]. Данный автор в указанной ситуации делает акцент на оптимально выгодных условиях для обвиняемого, суть которых заключается в том, что при особом порядке, даже если доводы защитника по опровержению обвинения не будут восприняты судом, верхний предел возможного для подсудимого наказания останется на том же уровне. Мы не можем согласиться с подобными рекомендациями, потому что они нарушают саму сущность принципа состязательности. Автор, задавшись целью расширить гарантии прав обвиняемого, не учитывает интересы стороны обвинения и решающую позицию суда, который при наличии любых сомнений относительно виновности лица в совершении преступления должен прекратить производство по уголовному делу в особом порядке и перейти на общий порядок, при котором подсудимому уже будет гарантирован полный комплекс его прав и процессуальных гарантий. А действие принципа состязательности при особом порядке в том и заключается, что, когда обвиняемый, согласившись с предъявленным обвинением, решает использовать предоставленную законом возможность уменьшения срока наказания, которое ему может быть назначено за совершенное преступление. При этом подсудимый не стремится вступать в противоборство со стороной обвинения, а, наоборот, поддерживает ее позицию. Кроме того, у подсудимого всегда имеется возможность отказаться от своей позиции, согласно которой он признает обвинение, что должно быть

сигналом для стороны обвинения при наличии соответствующих оснований вступить с ним в противоборство, а для суда перевести «рельсы доказывания» на путь общего порядка рассмотрения уголовного дела.

Принцип состязательности действует также при реализации процедуры особого порядка судопроизводства в случае несогласия подсудимого с заявленными исковыми требованиями по уголовному делу. Так, согласно разъяснениям судей Верховного Суда Российской Федерации, решение по уголовному делу может быть вынесено судом в особом порядке в случае непризнания обвиняемым исковых требований, которые при этом не должны быть связаны с действиями, составляющими объективную сторону преступления [13, с. 34]. Мы полностью поддерживаем данную точку зрения и считаем, что данные исковые требования не связаны с объективной стороной преступления, например, когда совершена кража магнитолы из автомобиля и при этом проникновение в автомобиль осуществлялось путем разбития ветрового стекла автомобиля. В этом случае разбитие ветрового стекла не связано с размером похищенного имущества (автомобильной магнитолы), и, если обвиняемый не согласится признать стоимость разбитого стекла, то дело все равно может быть рассмотрено в особом порядке. А вот, в случае непризнания стоимости похищенного имущества, дело необходимо рассматривать в общем порядке.

Следующей проблемой реализации принципа состязательности сторон при особом порядке производства по уголовному делу можно назвать отсутствие судебного следствия в части исследования доказательств. При этом исследование доказательств, подтверждающих обвинение в инкриминируемом обвиняемому деянии, с которым последний согласился, осуществляется судом опосредованно, в связи с чем предварительный вывод суда об обоснованности и доказанности данного обвинения не всегда соответствует действительности. В этой связи правильно пишет Н. А. Колоколов, что по окончании предварительного

расследования обвинение обосновывается далеко не всегда безупречно [14, с. 2–3]. Мы не можем не согласиться с такой точкой зрения, но в то же время не можем не учесть точку зрения С. Б. Россинского, который считает, что требование ст. 240 УПК РФ о непосредственности судебного заседания является несколько условным и его не следует воспринимать буквально [15, с. 44]. Поэтому мы считаем, что в ситуации применения особого порядка производства по уголовному делу должен действовать принцип состязательности, позволяющий каждой стороне высказать свою точку зрения относительно возможности применения особого порядка, а также согласия с предъявленным обвинением и его обоснованности. В этой ситуации решение суда о применении особого порядка производства по уголовному делу, а также о переходе из особого порядка в общий порядок ставится в зависимость от процессуальных позиций, избранных сторонами, что и обуславливает наличие состязательности.

С. В. Бурмагин пишет, что «опосредованное ознакомление с доказательствами без их тщательного исследования и проверки с участием сторон не может породить у судьи твердой уверенности в истинности и доказанности предъявленного обвинения» [16, с. 17]. Данную точку зрения мы поддержать не можем, потому что судья, не имея внутреннего убеждения в доказанности имеющимися в уголовном деле доказательствами предъявленного обвинения, не должен рассматривать уголовное дело в особом порядке, а обязан рассмотреть его в общем порядке, что соответственно возлагает на суд груз ответственности за принимаемое решение.

Таким образом, в результате исследования проблем состязательности при особом порядке производства по уголовным делам можно сделать следующие выводы.

1. Действие принципа состязательности сторон не должно подразумевать только непризнание обвиняемым своей вины в совершенном преступлении. Действие данного принципа должно охватывать и ситуации, связанные с полным признанием обвиняе-

мым своей вины и раскаянием в совершении преступления.

2. Представляется недопустимым под предлогом необходимости соблюдения принципа состязательности сторон, который все равно соблюдается, лишать обвиняемого возможности упрощения процедуры его осуждения и назначения ему менее строгого наказания.

3. Особый порядок рассмотрения уголовного дела может применяться и в случае непризнания обвиняемым исковых требований, которые при этом не должны быть связаны с действиями, составляющими объективную сторону преступления.

4. В случае применения особого порядка производства по уголовному делу должен действовать принцип состязательности, позволяющий каждой стороне высказать свою

точку зрения относительно возможности применения особого порядка, а также согласия с предъявленным обвинением и его обоснованности. В этой ситуации решение суда о применении особого порядка производства по уголовному делу, а также о переходе из особого порядка в общий порядок ставится в зависимость от процессуальных позиций, избранных сторонами, что и обуславливает наличие состязательности.

5. Процедура ознакомления суда в опосредованной форме с доказательствами при применении особого порядка уголовного судопроизводства без их непосредственного исследования с участием сторон не должно оказывать влияния на внутреннее убеждение судьи в доказанности обвинения, в случае обоснованности его имеющимися в деле доказательствами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рogaва И. Г., Даниленко Н. Е. Проблемы реализации принципов уголовного судопроизводства при рассмотрении дела в особом порядке // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 67-6. С. 88–91.
2. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 490 с.
3. Бегова Д. Я. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в контексте справедливого судебного разбирательства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. Т. 36. 2020. № 4. С. 148–152.
4. Пиюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2017. 38 с.
5. Машинникова Н. О., Татьяна Л. Г. Дискуссионные вопросы соотношения особого порядка судопроизводства с презумпциями российского уголовного процесса // Евразийская адвокатура. 2019. № 4. С. 35–37.
6. Калугин А. Г., Монид М. В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006. 200 с.
7. Шестакова С. Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 184 с.
8. Маткина Д. В. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. С. 6–7.
9. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2021 г.) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79268/ee74ace82180199b2f8de8ca55253736488d6c66/#dst100014 (дата обращения: 14.03.2022).
10. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 15 апреля 2021 г.) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/3bf7e16e821457869f54dea7de27b46ddc1701f7/ (дата обращения: 14.03.2022).
11. Александров А. С., Кучин А. Ф., Смолин А. Г. Основания и условия реализации особого порядка судебного разбирательства // Российский судья. 2007. № 9. С. 4–5.

12. Тенишев А. П. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном процессе Российской Федерации: соответствие принципам и совершенствование процессуальной формы: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 197 с.
13. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В 2 ч. Часть 2: практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 303 с.
14. Колоколов Н. А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов – иллюзия или реальность // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 2–3.
15. Россинский С. Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 40–48.
16. Бурмагин С. В. Соответствие приговора внутреннему убеждению судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. Вып. 1. С. 13–20.

REFERENCES

1. Rogava I. G., Danilenko N. E. Problems of implementation of the principles of criminal proceedings when considering a case in a special order // Trends in the development of science and education. 2020. No. 7-6. P. 88–91. (In Russ.)
2. Criminal process: a textbook for universities / ed. V. P. Bozheva, B. Ya. Gavrilova. 7th ed., revised. and additional Moscow: Yurayt, 2020. 490 p. (In Russ.)
3. Begova D. Ya. A special procedure for making a court decision with the consent of the accused with the charges brought in the context of a fair trial // Legal Bulletin of the Dagestan State University. T. 36. 2020. No. 4. P. 148–152. (In Russ.)
4. Piyuk A. V. Theoretical foundations for simplifying the forms of resolving criminal cases by the court in the Russian Federation: typological aspect: author. diss. ... Dr. of law. Tomsk, 2017. 38 p. (In Russ.)
5. Mashinnikova N. O., Tatyana L. G. Debatable issues of correlation of a special order of legal proceedings with the presumptions of the Russian criminal process // Eurasian Advocacy. 2019. No. 4. P. 35–37. (In Russ.)
6. Kalugin A. G., Monid M. V. A special procedure for making a court decision with the consent of the accused with the charge brought against him. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 200 p. (In Russ.)
7. Shestakova S. D. Problems of competition in the Russian criminal process: diss. ... cand. of law. SPb., 1998. 184 p. (In Russ.)
8. Matkina D. V. Conventional form of trial: history, modernity and development prospects: author. diss. ... cand. of law. Orenburg, 2009. P. 6–7. (In Russ.)
9. On advocacy and advocacy in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ (as amended on July 31, 2020, as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2021) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79268/ee74ace82180199b2f8de8ca55253736488d6c66/#dst100014 (date of access: 03.14.2022). (In Russ.)
10. Code of professional ethics of a lawyer (adopted by the First All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) (as amended on April 15, 2021) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/3bf7e16e821457869f54dea7de27b46ddc1701f7/ (date of access: 03.14.2022). (In Russ.)
11. Alexandrov A. S., Kuchin A. F., Smolin A. G. Grounds and conditions for the implementation of a special order of trial // Russian judge. 2007. No. 9. P. 4–5. (In Russ.)
12. Tenishev A.P. Special order of trial in the criminal process of the Russian Federation: compliance with the principles and improvement of the procedural form: diss. ... cand. of law. M., 2018. 197 p. (In Russ.)
13. The practice of applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. At 2 pm Part 2: pract. allowance / ed. V. M. Lebedev. 8th ed., revised. and additional M.: Yurait Publishing House, 2019. 303 p. (In Russ.)
14. Kolokolov N. A. Prosecution and defense in the Russian criminal process: balance of interests – illusion or reality // Criminal legal proceedings. 2006. No. 1. P. 2–3. (In Russ.)

15. Rossinsky S. B. A special procedure for the trial as a form of proving the circumstances of a criminal case: objections to opponents // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 4. P. 40–48. (In Russ.)

16. Burmagin S. V. Correspondence of the verdict to the inner conviction of the judge // Siberian criminal procedure and forensic readings. 2017. Issue. 1. P. 13–20. (In Russ.)

Информация об авторе:

Солодовник В. В., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Solodovnik V. V., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2021; одобрена после рецензирования: 15.02.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 17.12.2021; approved after reviewing: 15.02.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 343.985.5:343.575(470)

ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ АКТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Михаил Сергеевич Десятов

Омская академия МВД России, Омск, Россия, desyatovm@gmail.ru

Аннотация. Противодействие незаконному обороту наркотиков, осуществляемое субъектами оперативно-разыскной деятельности, представляет собой преимущественно негласную деятельность. Она характеризуется не только наличием определенных прав, обязанностей и ответственности сторон, но и особым документальным оформлением принимаемых решений и получаемых результатов. С учетом сложности предмета исследования представляется необходимым использование системы принципов реализации актов правоприменения, направленных на обеспечение единства и объективности правоприменительного процесса в рассматриваемой сфере. В статье предложено авторское понятие актов правоприменения в оперативно-разыскной деятельности, рассмотрены принципы реализации актов правоприменения.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, акт правоприменения, правоприменительный акт, принципы реализации акта правоприменения, незаконный оборот наркотиков.

Для цитирования: Десятов М. С. Принципы реализации актов оперативно-разыскного правоприменения в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 115–121.

Original Article

PRINCIPLES FOR THE IMPLEMENTATION OF ACTS OF OPERATIONAL AND SEARCH ENFORCEMENT IN THE SPHERE ILLEGAL DRUG TRAFFIC

Michael S. Desyatov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, desyatovm@gmail.ru

Abstract. Counteraction to illicit drug trafficking, carried out by the subjects of operational-search activity, is mainly covert activity. It is characterized not only by the presence of certain rights, obligations and responsibilities of the parties, but also by the special documentation of the decisions made and the results obtained. Given the complexity of the subject of research, it seems necessary to use a system of principles for the implementation of law enforcement acts aimed at ensuring the unity and objectivity of the law enforcement process in the area under consideration. The article proposes the author's concept of law enforcement acts in operational-investigative activities, the principles of implementation of law enforcement acts are considered.

Keywords: operational-investigative activity, act of law enforcement, law enforcement act, principles of implementation of the act of law enforcement, drug trafficking.

For citation: Desyatov M. S. Principles for the implementation of acts of operational and search enforcement in the sphere illegal drug traffic // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 115–121.

Правоприменение в оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) представляет собой не просто одну из форм реализации

права. По сути это пример воплощения в жизнь узаконенных норм и правил поведения, протекающих в двух взаимосвязанных

© Десятов М. С., 2022

формах – гласной и негласной. Безусловно, эта особенность накладывает своеобразный отпечаток не только на характер правоотношений в этой сфере, но и на характеристику принимаемых полномочными субъектами решений, которые отражаются в актах правоприменения.

Подчеркнем, что до настоящего времени комплексные исследования в оперативно-разыскной науке, посвященные этой тематике, не проводились, в то время как актуальность поднимаемой проблемы, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Такой вывод базируется на нескольких основных тезисах.

Во-первых, акты правоприменения в оперативно-разыскной деятельности существенно отличаются от аналогичных документов (действий) в других сферах правоприменения по структуре и содержанию. Более того, проведенное исследование показало, что в различных регионах отличаются не только формы документов, выступающих в качестве актов правоприменения, но и их перечень применительно к одним и тем же оперативно-разыскным мероприятиям (далее – ОРМ).

Во-вторых, акты правоприменения в ОРД нередко содержат данные о событиях, явлениях и фактах, имеющих потенциально доказательственное значение. В соответствии с действующим законодательством такие акты в рамках уголовного преследования требуют опосредования через уголовно-процессуальные средства, в то время, как с точки зрения соблюдения формальной логики, акты правоприменения уже являются отражением объективной реальности и результатом правомочного волеизъявления правоприменителей, т. е. субъектов ОРД. Полагаем, это требует анализа сущности правоприменительных актов и изучения правовых перспектив их непосредственного использования.

В-третьих, участниками оперативно-разыскного процесса являются не только сотрудники (руководители) оперативно-разыскных органов (далее – ОРО), но и иные должностные лица, имеющие право принятия обязательных к исполнению решений и

издания соответствующих актов. Полагаем, последние, будучи формируемыми в рамках и в связи с ОРД, должны рассматриваться как единый элемент правоприменения в ОРД, отвечая общим требованиям по оформлению и содержанию, что требует отдельного анализа и оценки.

В-четвертых, ОРД в сфере незаконного оборота наркотиков представляет собой особую сферу оперативно-разыскного правоприменения, что обусловлено повышенной общественной опасностью противоправной деятельности, сопряженной с высоким уровнем зашифрованности деятельности (граничащей с конспирацией), коррупции и организованности преступных действий. Это требует от ОРО не только высокопрофессиональных решений при выявлении и документировании преступной деятельности, но и особого подхода к оформлению получаемых результатов, которые нередко носят исключительный характер, что должно учитываться при формировании доказательственной базы по уголовным делам соответствующей категории.

Заметим, что в юридической литературе само понятие «правоприменительный акт» трактуется далеко не однозначно. Полагаем, истоки этих разночтений лежат в терминологическом значении самого понятия «акт». В Энциклопедии права приводятся два значения термина «акт» (лат. *actus*, от *actum est* – сделано, совершено; англ. *act*) – действие или событие, а также документ, имеющие юридическое значение [1].

Руководствуясь таким подходом, одни авторы в понятие «акт применения норм права» включают, прежде всего, саму деятельность или действия по применению норм права (акты-действия) [2, с. 32–34; 3, с. 12–13]. Например, В. А. Гусев и В. Ф. Луговик фактически отождествляют акты применения оперативно-разыскного права и оперативно-разыскные мероприятия [4, с. 102], проводя аналогию со следственными действиями как актами применения уголовно-процессуального права [5, с. 51–54].

Другие ученые используют этот термин исключительно для обозначения докумен-

тально оформленного решения, принятого в результате применения права (акт-документ) [6, с. 17; 7, с. 135; 8, с. 344; 9, с. 347; 10, с. 338–340; 11, с. 265; 12, с. 233], основными характеристиками которого являются наличие правовой основы и юридического факта [13, с. 199; 14, с. 150]; возникновение прав, обязанностей и ответственности [15, с. 372; 16, с. 176; 17, с. 109]; индивидуальный характер властного волеизъявления [18, с. 55; 19, с. 34; 20, с. 74].

Склонны согласиться с авторами, которые объединяют содержательные и формальные стороны правоприменительной деятельности и трактуют акт правоприменения как процесс и результат правоприменительной деятельности, подчеркивая диалектическое единство внутреннего и внешнего элементов правоприменения [21, с. 9; 22, с. 347; 6, с. 10; 23, с. 94; 24, с. 347]. Полагаем, такой подход наиболее приемлем для рассматриваемой сферы, поскольку, с одной стороны, в ОРД не все правоприменительные решения сопровождаются документальным оформлением, с другой – оформленному документально акту правоприменения предшествует определенный процесс, детерминирующий возникновение такого акта [25, с. 18–23; 26, с. 6].

Следует признать, что диалектическое единство формы и содержания правоприменительного оперативно-разыскного процесса не всегда согласуется с существующей правоприменительной практикой в ОРД, о чем свидетельствует фактическое главенство юридического оформления документов над их фактическим и правовым содержанием.

Безусловно, значимость документальных актов правоприменения в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков обусловлена объективными причинами: во-первых, в правоприменительных актах-документах официально закрепляются права и юридические обязанности субъектов, в отношении которых осуществляется правоприменение; во-вторых, наличие оформленных правоприменительных актов-документов позволяет участвующим

лицам обжаловать в случае необходимости действия правоприменительного органа, а вышестоящим органам – проверить законность и обоснованность принятых актов правоприменения. С этих позиций правоприменительные акты-действия такими свойствами, пожалуй, не обладают, более того, весьма затруднительно дать им правовую оценку, особенно спустя время.

Оформлению любого документа предшествует определенная работа по систематизации и оценке информации, служащей основанием для возникновения правоприменительного акта-документа. Полагаем, система существенных признаков акта правоприменения в ОРД позволяет определить его природу и разрешить обозначенную правоприменительную проблему. Опираясь на результаты проведенного исследования ранее была сформулирована и представлена система признаков, отграничивающих акты правоприменения в ОРД от иных правоприменительных актов. Основные специальные признаки актов правоприменения в ОРД, отличающие их от прочих: а) правоприменительные акты являются результатом деятельности ограниченного круга субъектов; б) в основе реализуемых правоприменительных актов лежит волевая, властная, самостоятельная, необходимая деятельность оперативно-разыскных органов; в) круг лиц, объективированных правоприменительными актами, может носить как конкретный, так и абстрактный характер; г) формирование и использование правоприменительных актов может протекать как в гласной, так и негласной формах; д) сопровождаются особым порядком ознакомления с содержанием; е) реализуются как в документах, так и в действиях [27, с. 120–126]. Это позволяет сформулировать понятие акта правоприменения в ОРД, которое применимо и в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Правоприменительные акты в оперативно-разыскной сфере – это обоснованные правомочные решения уполномоченных должностных лиц и органов в форме действий и (или) официальных документов, в том числе негласного характера, содержа-

щие индивидуально властные предписания и направленные на разрешение конкретной правовой ситуации, возникшей в рамках оперативно-разыскной деятельности.

Как видно, форма внешнего проявления и содержание актов правоприменения в ОРД, особенно в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, принципиально отличаются от правоприменительных актов в других сферах правоохранительной деятельности. Это предполагает наличие повышенных требований к их качеству в рассматриваемой сфере, что, в свою очередь, детерминирует потребность в наличии единых подходов к их формированию и реализации. Представляется, что с учетом специфических особенностей актов правоприменения в ОРД в сфере НОН и многосубъектности участников оперативно-разыскного процесса, наделенных должностными полномочиями по их формированию, необходима система принципов реализации актов правоприменения в ОРД в области противодействия незаконному обороту наркотиков, в которую, на наш взгляд, входят:

1. Принцип обоснованности – правоприменительные акты в оперативно-разыскной сфере при противодействии незаконному обороту наркотиков должны основываться: а) на нормах Конституции Российской Федерации, Закона об ОРД, Закона о полиции, Закона о прокуратуре и пр., а также подзаконных нормативных правовых актах, в той или иной степени регулирующих оперативно-разыскную деятельность в сфере НОН; б) а результатах правоприменительной, в том числе судебной практики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков; в) на использовании правовых и нравственно-правовых критериев определения пределов правоприменительного усмотрения.

2. Принцип целесообразности правоприменительного акта предполагает всесторонний анализ и оценку правоприменительной ситуации с позиций: а) действительной потребности вынесения правоприменительного акта; б) необходимости вынесения правоприменительного акта конкретного вида; в) своевременности вынесения правоприме-

нительного акта с учетом оперативно-тактической ситуации; г) правильного определения объектного состава правоприменительного акта (конкретного лица, неустановленного лица, круга лиц и т. д.); д) необходимости представления правоприменительного акта в орган следствия или в суд для принятия необходимого процессуального решения (о возбуждении уголовного дела, о приобщении материалов к уголовному делу в качестве доказательства и пр.).

3. Принцип лаконичности (экономии) предполагает краткое, информативно емкое изложение сведений, послуживших основанием вынесения правоприменительного акта, и ожидаемого эффекта от его реализации. Этим же требованием, по нашему мнению, охватывается необходимость сохранения в тайне сведений об организации и тактике ОРД, лицах, внедренных в преступную среду, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, при прогнозируемой перспективе рассекречивания документов в установленном порядке для передачи органу, следователю или в суд. Полагаем, конструкция таких правоприменительных актов должна изначально исключать расшифровку оперативно значимой информации. Применительно к актам-действиям данный принцип предполагает совершение действий, проведение мероприятий, принятие решений, реализация которых связана с оптимально необходимым влиянием на объект правоприменительного воздействия и исключительно в рамках компетенции соответствующего органа и (или) должностного лица.

4. Принцип оперативности предполагает реализацию правоприменительного акта в максимально сжатые сроки. Проведенное исследование показывает, что в силу различного рода причин реализация правоприменительных актов происходит с существенным опозданием, особенно, если речь идет о проведении оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и требующих судебного санкционирования. В этих случаях оперативно-разыскные мероприятия нередко проводятся с

запозданием, что влечет утрату наступательности ОРД в выявлении о противодействии криминальной деятельности.

5. Принцип единообразия предполагает использование единых подходов к реализации правоприменительных актов различных категорий. Стоит согласиться с В. А. Гусевым и В. Ф. Луговиком, по мнению которых необходимость использования юридических процедур в ОРД представляется как необходимая мера систематизации оперативно-разыскного процесса, результаты которого могут быть использованы в рамках уголовного преследования [4, с. 22]. Использование принципа единообразия правоприменительных актов видится, прежде всего, не в качестве средства ограничения полномочий правоприменителей в сфере ОРД, но как мера унификации их правоприменительных

действий (издаваемых документов), препятствующая их двоякому толкованию иными участниками оперативно-разыскных правоотношений.

Разумеется, высказанные предложения требуют глубокого всестороннего осмысления, поскольку проблематика актов оперативно-разыскного правоприменения в сфере незаконного оборота наркотиков является относительно новой в оперативно-разыскной науке. Полагаем, что их роль и значимость для уголовного процесса недооценена на современном этапе, что неминуемо влечет перманентное снижение стабильности и эффективности оперативно-разыскной деятельности, результаты которой, повторимся, представляют не меньший, а порой больший интерес, нежели полученные уголовно-процессуальным путем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Энциклопедия права // URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/147/%D0%90%D0%BA%D1%82 (дата обращения: 21.03.2022).
2. Гусев А. В. Понятие и юридическая сила актов органов конституционного (уставного) судопроизводства субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы современной науки: тр. 1-го Междунар. форума (6-й Междунар. конф. молодых ученых и студентов). Гуманитарные науки. Ч. 43: Юриспруденция и право / науч. ред.: А. С. Трунин, А. Н. Суворова. Самара, 2005. С. 32–34.
3. Лучков В. В. Акты применения юридической ответственности // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: мат-лы Междунар. науч. конф. 4.1. Правоотношения и юридическая ответственность. Тольятти, 2005. С. 12–13.
4. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур: монография. М., 2019. С. 102.
5. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 51–54.
6. Васильев Р. Ф. Правовые акты органов управления. М., 1970. С. 17.
7. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск, 1973. С. 135.
8. Малько А. В., Матузов Н. И. Теория государства и права: курс лекций. 2-е изд. М., 2007. С. 344.
9. Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М., 1979. С. 347.
10. Теория государства и права / под ред. А. М. Васильева. М., 1983. С. 338–340.
11. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебное пособие для вузов / под ред. В. Г. Стрекозова. М., 2003. С. 265.
12. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 233.
13. Байтин М. И. Сущность права. М., 2005. С. 199.
14. Чванов О. А. Механизм правоприменения: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 150.
15. Корельский В. М., Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2003. С. 372.
16. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 176.
17. Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов управления. М., 1979. С. 109.

18. Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ): дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008. С. 55.
19. Григорьев Ф. А. Акты применения права. Саратов, 1995. С. 34.
20. Правоприменение в советском государстве / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1985. С. 74.
21. Александров Н. Г. Применение норм советского социалистического права. М., 1958. С. 9.
22. Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2-х т. М., 1982. Т. 2. С. 347.
23. Григорьев Ф. А. Признаки и классификации актов применения права // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1968. С. 94.
24. Дюрягин И. Я. Применение права // Проблемы теории государства и права. М., 1982. С. 347.
25. Галаган И. А., Василенко А. В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3. С. 18–23.
26. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (Вопросы теории.). Казань, 1975. С. 6.
27. Десятов М. С. Акты правоприменения в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 120–126

REFERENCES

1. Encyclopedia of Law // URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/147/%D0%90%D0%BA%D1%82 (accessed 03/21/2022). (In Russ.)
2. Gusev A. V. The concept and legal force of acts of bodies of constitutional (statutory) legal proceedings of the constituent entities of the Russian Federation // Actual problems of modern science: tr. 1st Intern. Forum (6th International Conf. Young Scientists and Students). Humanitarian sciences. Ch. 43: Jurisprudence and law / scientific. Ed.: A. S. Trunin, A. N. Suvorova. Samara, 2005. P. 32–34. (In Russ.)
3. Luchkov VV Acts of application of legal responsibility // Tatishchev readings: actual problems of science and practice: materials of the Intern. scientific conf. 4.1. Relationships and legal liability. Tolyatti, 2005. P. 12–13. (In Russ.)
4. Gusev V. A., Lugovik V. F. Theory of operational-search procedures: monograph. M., 2019. P. 102. (In Russ.)
5. Sheifer S. A. Investigative actions. System and procedural form. Moscow, 2001. P. 51–54. (In Russ.)
6. Vasiliev R. F. Legal acts of governing bodies. M., 1970. P. 17. (In Russ.)
7. Dyuryagin I. Ya. Application of the norms of Soviet law. Theoretical questions. Sverdlovsk, 1973. P. 135. (In Russ.)
8. Malko A. V., Matuzov N. I. Theory of state and law: a course of lectures. 2nd ed. M., 2007. P. 344. (In Russ.)
9. Problems of the theory of state and law / ed. S. S. Alekseeva. M., 1979. P. 347. (In Russ.)
10. Theory of state and law / ed. A. M. Vasilyeva. M., 1983. P. 338–340. (In Russ.)
11. Khropanyuk VN Theory of state and law: textbook for universities / ed. V. G. Strekozova. M., 2003. P. 265. (In Russ.)
12. Yavich L. S. General theory of law. L., 1976. P. 233. (In Russ.)
13. Baytin M. I. Essence of law. M., 2005. P. 199. (In Russ.)
14. Chvanov O. A. Law enforcement mechanism: diss. ... cand. of law. Saratov, 1995. P. 150. (In Russ.)
15. Korelsky V. M., Perevalov V. D. Theory of state and law: a textbook for universities. 2nd ed., rev. and additional M., 2003. P. 372. (In Russ.)
16. General theory of law and state: textbook / ed. V. V. Lazareva. 4th ed., revised. and additional M., 2004. P. 176. (In Russ.)
17. Yusupov V. A. Law enforcement activities of government bodies. M., 1979. P. 109. (In Russ.)
18. Ilyasov A. N. Law enforcement technique and law enforcement technology (theoretical and legal analysis): diss. ... cand. of law. Samara, 2008. P. 55. (In Russ.)
19. Grigoriev F. A. Acts of application of law. Saratov, 1995. P. 34. (In Russ.)
20. Law enforcement in the Soviet state / ed. A. S. Pigolkin. M., 1985. P. 74. (In Russ.)
21. Alexandrov N. G. Application of the norms of Soviet socialist law. M., 1958. P. 9. (In Russ.)
22. Alekseev S. S. General theory of law: course in 2 vols. M., 1982. T. 2. P. 347. (In Russ.)

23. Grigoriev F. A. Signs and classifications of acts of application of law // Questions of the theory of state and law. Saratov, 1968. P. 94. (In Russ.)
24. Dyuryagin I. Ya. Application of law // Problems of the theory of state and law. M., 1982. P. 347. (In Russ.)
25. Galagan I. A., Vasilenko A. V. On the problems of the theory of law enforcement relations // State and Law. 1998. No. 3. P. 18–23. (In Russ.)
26. Lazarev VV The effectiveness of law enforcement acts (Questions of theory.). Kazan, 1975. P. 6. (In Russ.)
27. Desyatov M. S. Acts of law enforcement in the operational-search activity // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. P. 120–126. (In Russ.)

Информация об авторе:

Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

Desyatov M.S., Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию: 01.04.2022; одобрена после рецензирования: 20.04.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 01.04.2022; approved after reviewing: 20.04.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 378.635.016:811.161.1'276.6:351.74

**РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ РИТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ
В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
ЯЗЫКОВЫХ ДИСЦИПЛИН АДЬЮНКТАМ)**

Аксана Михайловна Емельянова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, aksme@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей преподавания языковых дисциплин в юридическом вузе. Особое внимание направлено на функционирование основных законов риторики в контексте юридического дискурса. Теоретический материал в статье дополняется практическим материалом, что облегчает понимание некоторых аспектов юридического дискурса. Многоаспектность профессионального общения современного сотрудника полиции предполагает владение базовыми знаниями об искусстве дискурса, речевом поведении, а также понимание и использование стилистических норм. Важность воспитания коммуникативной компетенции, развитие речевой культуры в аспекте дискурса подтверждается фактом включения языковых дисциплин в учебные планы подготовки адъюнктов, что, в свою очередь, влечет за собой развитие положительных личностных и профессиональных качеств ученого-юриста, а также преподавателя юридического вуза, способствует формированию позитивного образа полицейского в обществе.

Ключевые слова: адъюнкт, дискурс, законы риторики, речевая культура, русский язык, русский язык в деловой документации, риторика, стилистика, юридический дискурс.

Для цитирования: Емельянова А. М. Реализация основных риторических законов в юридическом дискурсе (на примере преподавания языковых дисциплин адъюнктам) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 122–127.

Original Article

**IMPLEMENTATION OF THE BASIC LAWS OF RHETORIC
IN LEGAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF TEACHING LANGUAGE
DISCIPLINES TO ADJUNCTS)**

Aksana M. Emelyanova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, aksme@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of the features of teaching language disciplines in a law school. Particular attention is paid to the functioning of the basic laws of rhetoric in the context of legal discourse. The theoretical material in the article is supplemented by a small amount of practical material, which makes it easier to understand some aspects of legal discourse. The multidimensionality of professional communication of a modern police officer implies the possession of basic knowledge about the art of discourse, speech behavior, as well as understanding and using stylistic norms. The importance of educating communicative competence, the development of speech culture in the aspect of discourse is confirmed by the fact that language disciplines are included in the curricula for the preparation of adjuncts, which, in turn, entails the development of positive personal and professional qualities of a legal scholar, as well as a teacher of a law school, contributes to the formation of a positive the image of a police officer in society.

© Емельянова А. М., 2022

Keywords: adjunct, discourse, laws of rhetoric, legal discourse, Russian language, Russian language in business documentation, rhetoric, speech culture, stylistics.

For citation: Emelyanova A. M. Implementation of the basic laws of rhetoric in legal discourse (on the example of teaching language disciplines to adjuncts) // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 122–127.

В современном мире наличие языковых дисциплин в профессионально-ориентированном обучении приобретает особую актуальность, поскольку предусматривает формирование у обучающихся навыков юридического дискурса, позволяющих им осуществлять грамотную профессиональную деятельность в различных ситуациях общения. Введение языкового (дисциплина «Академическое письмо») и риторического («Риторический тренинг») компонентов в учебные планы подготовки адъюнктов 2022 году представляется чрезвычайно важным, так как существенно расширяет социолингвистический кругозор ученого-юриста и современного преподавателя юридического вуза. Актуальность статьи определяется вышесказанным.

Объектом исследования в статье послужил процесс формирования у адъюнктов языковых навыков в рамках юридического дискурса. Цель – изучение особенностей юридического дискурса и основных законов эффективного общения в их взаимодействии. Для реализации данной цели были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, методы описания и сопоставления.

Статья обладает безусловной научной новизной, так как впервые особенности юридического дискурса рассматриваются в совокупности с основными законами риторики на основе изучения профессионально ориентированных дисциплин «Академическое письмо» и «Тренинг профессионально ориентированных риторики, дискуссий и общения», заявленных в учебном плане по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, для обучающихся в очной форме (адъюнктов).

В первую очередь необходимо определить значения некоторых понятий, базовых в данной работе. Дискурс – это «речь, рассматриваемая как целенаправленное соци-

альное поведение, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах сознания. Одной стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для его интерпретаций. Другой стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим, социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи» [1, с. 79]. Понимание речи возникает только через нормативное изучение русского языка и сравнение языковой нормы с диспозитивными конструкциями и явными языковыми нарушениями.

Законы риторики – свод правил, включающий в себя весь объем риторических знаний о создании эффективной речи (устной или письменной), с учетом совокупности факторов, определяющих оратора, аудиторию, ситуацию общения, с последующим системным анализом речевого события.

В основе отнесения дискурса к юридическому лежит внеязыковая действительность: правовая сфера деятельности. Юридический дискурс «может пониматься в широком смысле как некое семиотическое пространство, характеризующееся совокупностью «вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих различные формы общения, в которых субъект/объект, адресат/адресант речи (или одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции» [2, с. 67].

Одна из важных задач современного юридического вуза – подготовка специалистов, обладающих высокой языковой культурой, широкой лингвистической эрудицией. Одним из основных условий успешной работы сотрудников органов внутренних дел является формирование языковой культуры. Развитие умений и навыков грамотно-

го использования языковых средств в профессиональной деятельности закладывается в процесс изучения дисциплин «Академическое письмо» и «Тренинг профессионально ориентированных риторике, дискуссий и общения», целью которых является совершенствование навыков устной и письменной профессионально-ориентированной коммуникации (в нашем случае – юридического дискурса) обучающихся в образовательных организациях МВД России. Небольшое количество часов, выделенное на ее освоение, предполагает внедрение в образовательный процесс различных методов и приемов, направленных на повышение эффективности обучения, активизацию познавательной деятельности обучающихся и развитие их языковой культуры.

При рассмотрении законов русского языка особое внимание следует уделить концептуальному и стратегическому законам риторики, так как именно они раскрывают теорию дискурса и способствуют совершенствованию практических навыков общения.

Рассуждение о реализации данных законов в контексте юридического дискурса приводит к выводу, что юрист, обладающий специальными юридическими знаниями в совершенстве, но неспособный грамотно объяснить вопрос или рассуждать на заданную тему, бесспорно, проигрывает перед коллегами, получившими серьезную языковую подготовку. В рамках данной статьи аксиомой представлен факт, что подготовка высококвалифицированных специалистов без обстоятельного обучения их искусству общения (в нашем случае – основам юридического дискурса) через анализ особенностей определенного языка (в нашем случае – русского) малопродуктивна.

С целью развития у адъюнктов понимания законов дискурса в любой конкретной ситуации (устного или письменного общения) и связанных с этим умений и навыков сознательного отбора языковых средств преподавателю необходимо подготовить, предложить и помочь выполнить некоторое количество заданий, способствующих формированию навыков юридического дискур-

са обучающихся и выработать у них умение подчинять свою речь основным законам риторики, понимаемой как теория мыслеречевой деятельности.

Например, умение разработать концептуальную основу речи предполагает не одновременный акт. Обучающемуся требуется разработать целую систему последовательных интеллектуальных действий. Поэтапность – строгая последовательность шагов в создании концепции – одно из необходимых действий. Начинать нужно, разумеется, с определения предмета речи, темы, основной проблемы. Понимание содержания этих категорий – важное теоретическое знание современного человека. На этом же этапе адъюнкт должен познакомиться с речевым жанром тезисов. Именно тезисная форма целесообразна для четкого и сжатого формулирования концепции. Следующий этап деятельности говорящего в ее докоммуникативной фазе – это развитие, обогащение тезисов, обоснование концептуальных установок, подбор и организация материала грамотной русской речи. Помогает развивать тезис так называемое учение об общих местах, которое иначе называют «топика». Общие места в современном русском языке – это ценностные логические категории; они характеризуются как определенные области содержания, имеющие универсальное значение, проверенные опытом и временем. «Местами смысловые модели были названы, вероятно, потому, что в сознании ритора (как и в языковых науках) речь (речевое произведение) представала как «карта местности», на которой каждая идея, каждое подразделение темы имело свое положение – место, позицию», – предполагает А. К. Михальская [3, с. 150]. Это значит, что можно развернуть грамотность содержания русской речи с помощью определения предмета речи, характеризуя его признаки, с помощью соотнесения его с целым или частью, родом или видом, развивая в отношении предмета речи мысли о причине, условии, месте, времени, сравнении, подобии, противополжении и других факторах, обусловивших его особенности» [4, с. 17].

Все вышперечисленное является базой для создания языкового высказывания, для успешного функционирования мыслеформы говорящего в контексте юридического дискурса. На отработку и закрепление этого умения существует немало содержательных и действенных заданий и упражнений.

Например, интерактивная игра «Расскажи мне обо мне». В ней играющим нужно дать устные характеристики друг другу, не называя человека, о котором говорят. Нужно определить, о ком речь, и сказать «это я!». Побеждает тот, чья характеристика не потребовала уточнения, дополнения. Главное условие – не забывать о корректном и уважительном отношении друг к другу.

Можно дать задание, имитирующее репетицию выступления, что является чрезвычайно действенным. Нужно разделить объемы данных ниже понятий (по каждому понятию нужно выделить не менее 6–7 составляющих, то есть проблем). Выбрать тему, которую будете обсуждать, в рамках каждой выделенной проблемы написать свой тезис. В качестве репетиции рассказать на базе этих тезисов, какой теме будет посвящено ваше будущее выступление: «Сложности юридического образования», «Молодая семья», «Проблема платного здравоохранения», «Проблема платного образования», «Алкоголь в России», «Инвективная лексика русского языка: проблемы понимания», «Обсценная лексика русского языка: принятие и отрицание», «Современная реклама», «Гаджет в нашей жизни (компьютер, телефон и др.)».

Интересным и познавательным является упражнение на обсуждение различных черт и свойств характера. Нужно ответить на вопросы: Какие качества являются основополагающими для современного человека? Какие качества являются необходимыми для современного сотрудника полиции? Какие качества усложняют взаимодействие сотрудника полиции с окружающими? Какие черты характера вам хотелось бы отметить в самохарактеристике? В завершение дополнить список некоторых свойств характера, которые можно отразить в характеристике:

аккуратность, безответственность, вспыльчивость, доброта, жизнерадостность, избретательность, леность, любознательность, мечтательность, наивность, настойчивость, недоверчивость, неуверенность, общительность, рассудительность, самообладание, скромность, смекалка, смелость, справедливость, тактичность, терпение, трудолюбие, трусость, упрямство, хитрость.

Отработке умения выстраивания антиномий помогает составление примерных схем и плана речи на тему «Богатство и бедность – равновеликие ценности». Для этого выделяются противоположности в теме, определяются главные характеризующие черты первого явления, а затем – второго явления.

На этапе рассмотрения стратегического закона разговор идет о целевой установке говорящего, способствующей выдвижению главного тезиса и появлению личностной позиции, поэтому анализ речи на данном этапе проводится через рассмотрение «программы» деятельности участника дискурса, созданной на основе цели, которую тот преследовал, продумывая свою речь. Стратегический закон выражается в демонстрации умения автора применять выбранные приемы, располагать их наиболее целесообразным образом.

Цель речи – это тот результат, на который направлен говорящий. Адресант всегда стремится достичь определенной языковой цели – установить контакт, создать договор, донести информацию, сформировать отношения разного типа. Общая цель языкового высказывания тесно связана с собственно коммуникативными характеристиками общения. Она фактически определяет тип речи, которая должна быть произнесена: убедить, объяснить, заинтересовать, побудить, сообщить и т. д.

Задание на умение завершить выступление через обращение является важным как в строгом языковом формате письма, написанного по-русски, так и в ораторской подготовке: нужно закончить выступление обращением к слушателям. Что можно им пожелать или посоветовать, используя данные ниже

факты? Например: 1) то, что сегодня обсуждалось, пригодится сотруднику полиции в работе; 2) сведения из сегодняшнего выступления помогут слушателям улучшить отношения с друзьями, начальством, в семье; 3) состоявшееся выступление может поднять настроение в сегодняшнее трудное время; 4) рекомендации, содержащиеся в выступлении, можно использовать в повседневной жизни; 5) скоро наступят праздничные дни; 6) приближается профессиональный праздник слушателей.

Интерактивное задание на тему «Уверенность, спокойствие, агрессивность» помогает закрепить теоретические знания: группа делится на две подгруппы, у каждого в руках лист, поделенный на три колонки: уверенное поведение, неуверенное и агрессивное. Ведущий задает ситуацию, которая заканчивается словами: «... и вы говорите...» Обучающиеся из первой подгруппы отвечают тремя способами: уверенно, неуверенно, агрессивно. Из второй подгруппы – оценивают каждый ответ по 10-бальной шкале, комментируя оценку. После того как все поработали в разных парах, подсчитываются баллы по каждому типу поведения и общие результаты обсуждаются (лучшие результаты; неожиданные для говорящего результаты и т. д.). Примерные ситуации: сделать замечание шумящим подросткам; подойти к сидящим возле подъезда местным жителям и задать необходимые вопросы; в период стажировки в ОВД вам поручено опросить свидетеля по делу о краже женской сумки. Он торопится, отказывается поговорить, вы настаиваете, он начинает злиться и вы говорите...; в столовой во время ужина

ваш товарищ, подойдя первым к столу, начинает выбирать хлеб, трогая руками каждый кусок. Вы подходите и говорите...; вы готовитесь к семинару. У вас мало времени и много дел. Вашему товарищу хочется поболтать, вспомнить недавно произошедший смешной случай, а вы боитесь, что не успеете подготовиться. И отвечаете ему...

Далее образуется три группы: одна из тех, кто набрал больше баллов по агрессивности, вторая – по уверенности, третья – по неуверенности. Каждой группе необходимо придумать историю и разыграть ее, но тем типом поведения, который они используют меньше всего.

В заключение следует подчеркнуть, что высокий уровень владения коммуникативными навыками, искусством устной и письменной русской речи способствует конкурентоспособности и профессиональной мобильности любого специалиста. Проблема овладения знаниями юридического дискурса имеет и психологический аспект: неумение продумывать тему разговора, составлять грамотный и структурированный план, неумение подготовить разные виды речи отрицательно влияют на продуктивность рабочего процесса, на атмосферу в профессиональной аудитории. Понимание особенностей юридического дискурса повышает личностный статус сотрудника полиции, уменьшает число стрессовых ситуаций и оптимизирует деятельность, реализующуюся не только в устном, но и (нередко преимущественно) в письменном общении. Поэтому включение дисциплин, направленных на углубленное разноаспектное изучение русского языка, актуально и своевременно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Косоногова О. В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7. № 1. 2015.
3. Михальская А. К. Основы риторики: учебник. М., Дрофа, 2001. 496 с.
4. Риторика: учебное пособие / сост. Л. А. Калимуллина, Э. А. Салихова. Уфа: Восточный университет, 2005. 88 с.

REFERENCES

1. Linguistic encyclopedic dictionary / ed. V. N. Yartseva. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. (In Russ.)
2. Kosonogova O. V. Characteristics of legal discourse: boundaries, content, parameters // Historical and socio-educational thought. Volume 7. No. 1. 2015. (In Russ.)
3. Mikhalskaya A. K. Fundamentals of rhetoric: textbook. M., Drofa, 2001. 496 p. (In Russ.)
4. Rhetoric: textbook / comp. L. A. Kalimullina, E. A. Salikhova. Ufa: Eastern University, 2005. 88 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Емельянова А. М., кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

Emelyanova A. M., Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию: 16.04.2022; одобрена после рецензирования: 04.05.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 16.04.2022; approved after reviewing: 04.05.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

О НОТАЦИИ ЖЕСТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

Ли́на Ильги́зовна Ихса́нова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, mail98@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся нормативно-правовые акты, регламентирующие официальный статус русского жестового языка, а также различные приказы Министерства внутренних дел Российской Федерации, направленные на организацию обучения сотрудников органов внутренних дел РЖЯ. Поднимается вопрос о нахождении оптимального способа письменной фиксации жестов. Рассматриваются разные точки зрения на структуру жеста, его компоненты. Приводятся возможные примеры нотации жеста, которые могут быть использованы на занятиях по русскому жестовому языку.

Ключевые слова: русский жестовый язык, нотация, обучение, локализация жеста, компонент жеста.

Для цитирования: Ихсанова Л. И. О нотации жестов при изучении русского жестового языка // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 128–132.

Original Article

ON SIGN NOTATION IN THE COURSE OF THE RUSSIAN SIGN LANGUAGE STUDY

Lina I. Ikhsanova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, mail98@yandex.ru

Abstract. The article presents the legal acts regulating the official status of Russian Sign Language, as well as various orders of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation aimed at organizing Russian Sign Language training for employees of the internal affairs bodies. The question is raised about finding the optimal way to record signs. Different points of view on the structure of the sign and its components are considered. Possible examples of sign notation that can be used in Russian Sign Language classes are given.

Keywords: Russian Sign Language, notation, teaching, sign localization, sign component.

For citation: Ikhsanova L. I. On sign notation in the course of the Russian sign language study // Bulletin of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 128–132.

Начиная с 2012 года в России была ратифицирована Конвенция о правах инвалидов. Это событие послужило толчком к созданию более благоприятных условий в обществе для людей с ограниченными возможностями здоровья. Конвенция дает права инвалидам наравне с другими гражданами на признание и поддержку их особой культурной и языковой самобытности [1]. Государства, которые подписали и ратифицировали Конвенцию, должны предпринимать все возможные меры для поддержки жестовых языков и других альтернативных способов общения по выбору инва-

лидов, признавать и поощрять их использование, способствовать освоению жестового языка. Таким образом, в нашей стране, также как и во многих других зарубежных государствах, жестовый язык получил официальный статус и был признан средством межличностного общения глухих и слепоглухих людей в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации.

Для исполнения положений Конвенции Министерством внутренних дел Российской Федерации был разработан ряд нормативных правовых актов, которые организовыва-

ли и регулировали обучение жестовому языку сотрудников полиции. 1 января 2016 года вступили в силу два приказа МВД России о владении сотрудниками органов внутренних дел навыками русского жестового языка:

– приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении Порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка» [2];

– приказ МВД России и Минобрнауки Российской Федерации от 15 июня 2015 г. № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации» [3].

Позже вышел приказ МВД России от 22 июня 2017 г. № 405 «О внесении изменений в Порядок определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка, утвержденный приказом МВД России от 12 мая 2015 г. № 544» [4].

Навыкам русского жестового языка обучаются сотрудники подразделений дежурных частей, участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службы, по обеспечению безопасности дорожного движения, уголовного розыска, по вопросам миграции. Таким образом, обучение сотрудников полиции жестовому языку осуществляется для конкретной, результативной и своевременной помощи глухим, слабослышащим и слепоглухим [5, с. 13].

В Уфимском юридическом институте МВД России русскому жестовому языку обучаются курсанты различных специальностей очного отделения в рамках дисциплины «Основы профессиональной деятельности», слушатели факультета профессиональной подготовки, а также организованы курсы повышения квалификации по русскому жестовому языку (далее – РЖЯ).

Стоит отметить, что многие обучающиеся проявляют неподдельный интерес к изучению русского жестового языка, что, по видимому, объясняется тем, что «с помощью языка осуществляется познание мира, и в языке объективируется самосознание личности» [6, с. 21].

Наблюдения показывают, что практически большинство из обучающихся никогда раньше не общались с глухими или слабослышащими на жестовом языке. Однако встречаются слушатели и курсанты, которые имеют глухих или слабослышащих родственников, друзей или знакомых, поэтому могут владеть определенными навыками дактильной и жестовой речи. И даже в этом случае они узнают для себя что-то новое и интересное на занятиях по русскому жестовому языку.

На написание данной статьи автора натолкнула одна из глав в книге Г. Л. Зайцевой «Жестовая речь. Дактилология» [7]. В ней рассматривалось строение жеста, который, как известно, состоит из нескольких компонентов. Первым, кто разбил жест на отдельные структурные элементы, был американский ученый Уильям Стоуки. Он выделил три главных компонента, из которых состоит жест: конфигурацию, пространственное положение и движение [8]. В итоге ученый дал характеристику каждому компоненту в американском жестовом языке, то есть все возможные конфигурации, местоположения и движения жестикулирующей руки / рук. Также и в других жестовых языках (английском, французском, немецком и др.) была раскрыта структура жеста. До работ У. Стоуки жест считался неделимой единицей.

Чтобы лучше разобраться во всем вышесказанном, обратимся к примерам. Рассмотрим два жеста «лето» и «папа». Эти жесты исполняются правой рукой в форме раскрытой ладони. В дактильной азбуке такой конфигурации руки соответствует дактилема «В». Для краткости пишут или говорят В-конфигурация. Местоположение жеста – возле лица, а именно – лоб и подбородок. При исполнении жеста «лето» рука касается сначала подбородка, а потом лба (движе-

ние снизу вверх). При демонстрации жеста «папа» рука идет наоборот от лба к подбородку (движение сверху вниз). Таким образом, два компонента: конфигурация и местоположение остаются неизменными, а третий компонент (движение) будет отличаться.

Следующий пример – жесты «работать» и «учиться».

Жесты также исполняются правой рукой в конфигурации, соответствующей дактилеме «Ч» (большой палец сомкнут с указательным и средним, остальные пальцы сжаты в кулак). Жест «работать» показывают с левой стороны груди, а жест «учиться» с правой стороны лба. Характер движения в обоих случаях – это повторяющиеся наклоны кисти руки вверх-вниз. В данном примере мы видим одинаковую конфигурацию и движения руки, но при этом совершенно разную локализацию (местоположение).

Для еще одного примера проанализируем двуручные жесты «сегодня» и «сейчас».

В жесте «сегодня» используется конфигурация рук в форме дактилемы «Ф» (полусогнутая ладонь, большой палец выпрямлен), а вот в конфигурации жеста «сейчас» уже будет дактилема «У» [9, с. 103] (кулак с раскрытым большим пальцем и мизинцем). Оба жеста исполняются в нейтральном пространстве. Руки расположены ладонями вверх, плавно опускаются сверху вниз. Теперь у нас поменялась конфигурация жеста, но местоположения и характер движения одинаковы.

Таким образом, изменение одного из компонентов в структуре жеста влечет за собой изменение в его значении.

Г. Л. Зайцева проводит параллель между компонентами жеста и фонемами в разговорном «звучащем» языке. Фонема представляет собой минимальную смысловоразличительную единицу языка. Она не имеет самостоятельного лексического или грамматического значения, но служит для различения и отождествления значимых единиц языка (морфем и слов) [10]. При замене одной фонемы на другую получится новое слово (брак – брат), также и в жестовом языке при замене одного компонента на другой будет иной жест.

Таким образом, ознакомившись со структурой жеста, мы плавно переходим к вопросу разработки системы записи (нотации) жестового знака.

Стоит отметить, что запись жеста в тетрадь – это одна из главных проблем, с которой сталкиваются многие обучающиеся на занятиях по РЖЯ. Каждый решает ее по-своему. Кто-то пытается зарисовывать, делать скетчи увиденного жеста, другие могут представить жест в словесной форме, в виде ассоциации с каким-нибудь действием, явлением. Однако часто преподавателю приходится слышать: «Как это вообще можно записать?!». Действительно, сложность в том, что записывать нужно так, чтобы по прошествии некоторого времени можно было легко и быстро расшифровать свои записи и воспроизвести на их основе тот или иной жест.

Г. Л. Зайцева, опираясь на характеристики компонентов жеста, дает следующий возможный вариант нотации жестового знака [7, с. 41]:

(*n* – правая рука; *л* – левая рука)

1) рассказывать Р Н • > R

2) обязанность *n* 1 Н ↓
л В Н N

В данных примерах жесты записываются с помощью различных буквенных, цифровых, графических символов, отражающих его структуру. Чтобы дешифровать такую запись, необходимо предварительно ознакомиться со значениями того или иного символа.

Так, в жесте «рассказывать» заглавная буква Р означает конфигурацию руки, которая принимает такое положение пальцев как при показе дактилемы «Р» (смыкание большого и среднего пальца). Далее указываются характеристики движения. Н означает нейтральное пространство, • > – щелчкообразное движение, R – повторяющееся движение.

Для двуручного жеста «обязанность» расписываются компоненты для обеих рук. Предварительно делается буквенная отметка для правой руки (*n*) и левой (*л*). Правая рука находится в конфигурации 1 (кулак с выпрямленным указательным пальцем или как при показе цифры 1), располагается в нейтральном пространстве, что обозначает-

ся заглавной Н, и движется вниз (↓). Левая рука в конфигурации В, т. е. раскрытая ладонь, также в нейтральном пространстве (Н) остается без движения (N).

Это очень интересный способ нотации, который значительно экономит время и силы. Однако для использования на занятиях по РЖЯ может оказаться не очень удобным. Обучающимся, помимо заучивания самих жестов, сначала нужно будет запомнить символы, характеризующие те или иные компоненты жеста.

Автор предлагает немного упростить эту систему нотации, убрав некоторые символы, заменив их описанием. Итак, жест может быть записан следующим образом:

- (1) человек – «Э»/ нейтральное/ ↓, плавное
- (2) мужчина – «В»/ у края лба/ –
- (3) вчера – «БП»/ у щеки/ назад, плавное
- (4) начало – *n* «1»/ нейтральное/ ↑, плавное
л «В»/ нейтральное/ –

При письменной фиксации жеста обязательно будем учитывать следующие его компоненты: конфигурация, локализация, направление и качество движения. Автору близка позиция У. Стоуки, который рассматривал локализацию как отдельный компонент, а не характеристику движения. Г. Л. Зайцева в своей книге выделяет только два компонента жеста: конфигурацию и движение [7].

В примерах каждый из компонентов отделяется косой чертой. Конфигурацию жеста предлагается заключать в кавычки.

Как правило, с конфигурацией жеста обучающиеся знакомятся достаточно быстро, изучив дактильный алфавит (конфигурация «А», «В» и т. д.), а также обозначение цифр и

чисел в жестовом языке (конфигурация «5», «200» и др.). Существуют дополнительные конфигурации, которые обозначаются сокращенно по названию пальца руки. Например, конфигурация «БП» – пальцы руки сжаты в кулак, большой палец направлен вверх. Другие варианты конфигураций основаны на соединении некоторых пальцев друг с другом или определенном положении ладони. Например, конфигурация «клюв» – смыкаются большой и указательный палец, конфигурация «горсть» – полусогнутая ладонь смотрит вверх. Во многих словарях по РЖЯ читателей знакомят с данными конфигурациями на первых страницах издания [9; 11].

Локализацию жеста выражаем словесным описанием, стараясь конкретно указать местоположение. Направление движения обозначаем стрелкой или же словом и через запятую описываем кратко качество движения. Последний компонент (движение) может отсутствовать, поэтому просто ставим прочерк (пример 2, 4). В двуручных жестах обозначаем правую (*n*) и левую (*л*) руку и также обозначаем компоненты для обеих рук (пример 4).

Итак, предложенный вариант нотации является лишь примерной схемой письменной фиксации жеста. При такой записи не всегда удастся точно отразить исполнение. Для описания некоторых жестов, возможно, понадобится указание большего числа параметров. Уточнение системы нотации даст возможность лучше изучить и понять структуру жестов, выявить их общие и отличительные черты, а также упростит процесс освоения жестового языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13 декабря 2006 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2013. № 6. Ст. 468.
2. Об утверждении порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка: приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/14914> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России № 681, Минобрнауки России от 15 июня 2015 г. № 681/587. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1055233> (дата обращения: 10.01.2022).

4. О внесении изменений в Порядок определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка, утвержденный приказом МВД России от 12 мая 2015 г. № 544. URL: <https://base.garant.ru/71725368> (дата обращения: 10.01.2022).

5. Валдавина С. Э., Посиделова В. В., Хорошко Е. Ю. Теория и практика русского жестового языка: учеб. пособие. М.: ДГСК России, 2018. 174 с.

6. Петрова Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозиций в диктежной дискурсивации: дисс ... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 416 с.

7. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с.

8. Stokoe W. C. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf // Studies in linguistics: occasional papers. № 8. Buffalo: University of Buffalo, 1960. 37 p.

9. Науразбаева Л. В., Посиделова В. В., Хорошко Е. Ю. Словарь русского жестового языка для сотрудников органов внутренних дел: словарь. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2019. 222 с.

10. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. 305 с.

11. Мини-словарь языка жестов / сост. Л. М. Осокина, В. И. Варыгина. Москва, 2014. 118 с.

REFERENCES

1. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (concluded in New York on December 13, 2006 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 6. Art. 468. (In Russ.)

2. On approval of the procedure for determining positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation, the fulfillment of duties for which requires that employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation have the skills of Russian sign language: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 12, 2015 No. 544. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/14914> (date of access: 01.10.2022). (In Russ.)

3. On the scope of proficiency in Russian sign language by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation replacing certain positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 681, Ministry of Education and Science of Russia dated June 15, 2015 No. 681/587. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1055233> (date of access: 01.10.2022). (In Russ.)

4. On amendments to the Procedure for determining positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation, the performance of duties for which requires that employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation have the skills of Russian sign language, approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 12, 2015 No. 544. URL: <https://base.garant.ru/71725368> (date of access: 01.10.2022). (In Russ.)

5. Valdavina S. E., Posidelova V. V., Khoroshko E. Yu. Theory and practice of Russian sign language: textbook. allowance. M.: DGSK Rossii, 2018. 174 p. (In Russ.)

6. Petrova E. A. Logical-cognitive interpretation of substantive-nominative proposives in dictemic discourse: diss ... Dr. of Philology. Ufa, 2012. 416 p. (In Russ.)

7. Zaitseva G. L. Gesture speech. Dactylology: textbook. for stud. higher textbook establishments. M.: Humanit. ed. center VLADOS, 2000. 192 p. (In Russ.)

8. Stokoe W. C. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf // Studies in linguistics: occasional papers. No. 8. Buffalo: University of Buffalo, 1960. 37 p. (In Russ.)

9. Naurazbaeva L. V., Posidelova V. V., Khoroshko E. Yu. Dictionary of Russian sign language for employees of internal affairs bodies: dictionary. Ufa: Ufimsky Yui MIA of Russia, 2019. 222 p. (In Russ.)

10. Апресян Ю. Д. Ideas and methods of modern structural linguistics. M., 1966. 305 p. (In Russ.)

11. Mini dictionary of sign language / comp. L. M. Osokina, V. I. Varygin. Moscow, 2014. 118 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 31.01.2022; одобрена после рецензирования: 04.03.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 31.01.2022; approved after reviewing: 04.03.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 378.635.016:811.161.1'221.24

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СИСТЕМАТИЗАЦИИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЖЕСТОВОМУ ЯЗЫКУ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Виктория Викторовна Посиделова¹, Елена Юрьевна Хорошко²,
Анна Викторовна Резникова³

¹ Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, v_posid@bk.ru

² Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина, Белгород, Россия

³ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В своей статье авторы рассматривают проблему речевого поведения сотрудников органов внутренних дел в структуре юридического дискурса, принимая за основу концептуальное положение о том, что одной из задач полицейского, в первую очередь, является достижение контакта с гражданами, чтобы успешно решать служебные задачи. Практика показывает, что коммуникативная неподготовленность достаточно часто может привести к различным затруднениям, и, наоборот, общение, выстроенное грамотно, выступает составляющей эффективной организации профессиональной деятельности. Таким образом, авторы полагают, что введение дисциплины «Основы русского жестового языка» в унифицированные программы обучения выступает элементом процесса совершенствования качества профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел и выдвигают тезис о том, что формирование, развитие и совершенствование профессиональной компетентности сотрудника полиции – закономерный процесс изменения профессиональных и личных качеств во время обучения в образовательных организациях МВД России, необходимый для осуществления правоохранительной деятельности в соответствии с современным социальным запросом.

Ключевые слова: русский жестовый язык, профессиональная компетенция, речевое поведение, коммуникативная задача, дактилология, жестовая речь.

Для цитирования: Посиделова В. В., Хорошко Е. Ю., Резникова А. В. Реализация принципа систематизации и последовательности при обучении русскому жестовому языку сотрудников полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 133–139.

Original Article

THE PRINCIPLE OF SYSTEMATIZATION AND CONSISTENCY IN TEACHING RUSSIAN SIGN LANGUAGE TO POLICE OFFICERS IMPLEMENTATION

Victoria V. Posidelova¹, Elena Y. Khoroshko², Anna V. Reznikova³

¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-don, Russia, v_posid@bk.ru

² Belgorod law institute of the Ministry of internal affairs of Russia named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russia

³ Don State Technical University, Rostov-on-don, Russia

Abstract. The authors investigate the problem of law enforcement officers speech behavior in the structure of legal discourse, based on a conceptual position that one of the tasks of a police officer, first of all, is to achieve communication goal contacting with citizens in order to solve professional tasks successfully. It is obvious that communicative failure can often lead to various difficulties, and, conversely, communication process that is well-organized becomes a component of the effective organization of professional activity. Thus, the authors believe that the implementation of the discipline «Fundamentals of Russian sign language» into unified

© Посиделова В. В., Хорошко Е. Ю., Резникова А. В., 2022

training programs is an element of the quality improving process of the law enforcement officers professional training and put forward the thesis that the formation, development and improvement of professional competence of a police officer is a natural process of changing professional and personal qualities during training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, necessary for the implementation of law enforcement activities in accordance with modern social demand.

Keywords: russian sign language, professional competence, speech behavior, communicative task, dactylology, sign language.

For citation: Posidelova V. V., Khoroshko E. Yu., Reznikova A. V. The principle of systematization and consistency in teaching Russian sign language to police officers implementation // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 133–139.

Включение дисциплины «Основы русского жестового языка» является мощным ресурсом для формирования профессиональных компетенций у сотрудников полиции, для расширения их возможностей выстраивания успешных траекторий общения с социумом, в частности с глухими и слабослышащими гражданами. Г. Л. Зайцева отмечает, что «стремление слышащих как можно лучше знать жестовый язык – это уважение к глухим, предпочитающим русский жестовый язык (далее – РЖЯ) как средство межличностного общения, стремление к наиболее полному взаимопониманию» [1, с. 121].

Изменение статуса русского жестового языка, а именно внесение следующей поправки в Федеральный закон: «Русский жестовый язык признается языком общения при наличии нарушений слуха и (или) речи, в том числе в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации» [2], а соответственно изменение социолингвистической ситуации в стране и расширение языковой среды, в которой происходит общение с инвалидами по слуху, объективно ведет к обновлению целей и содержания образования.

В настоящее время созданные условия использования русского жестового языка в Российской Федерации, возникшие в связи с изменившимся социокультурным контекстом, расширили возможности его функционирования, что повлияло и на его статус как учебной дисциплины. Реальные общественные потребности, связанные с необходимостью знания русского жестового языка полицейскими, создали благоприятные возможности для профессионально ориентиро-

ванного обучения русскому жестовому языку.

Изучение русского жестового языка, во-первых, позволяет расширить коммуникативные возможности сотрудников полиции: создать необходимую базу для общения с людьми со слуховой депривацией, во-вторых, сформировать практические навыки дактилологии и жестовой речи, в-третьих, воспитать толерантное отношение к людям с ограниченными возможностями. В целом, процесс изучения жестового языка в системе первоначальной подготовки сотрудников полиции в большей степени имеет прагматическую направленность.

Опыт обучения русскому жестовому языку как части профессиональной подготовки сотрудников полиции имеет еще достаточно короткую историю преподавания в образовательных организациях МВД России, в отличие от многолетнего опыта преподавания русского или иностранного языка, поэтому является новой и актуальной исследовательской проблемой.

Обучение русскому жестовому языку, ставшее компонентом профессиональной подготовки, смыкается с обучением профессии. В данном случае преподавание языка строится как расширение имеющегося коммуникативного опыта, как постижение нового, развивающего явления, обеспечивающего качественно новый уровень коммуникации в профессиональной служебной деятельности с использованием средств русского жестового языка. При обучении слушателей необходимо приблизить их владение русским жестовым языком к решению практических задач, то есть расширить коммуникативную компетенцию и преобразо-

вать ее в составляющую профессиональной компетенции.

Традиционно профессиональную компетенцию определяют как объем профессиональных знаний и опыта, необходимый и достаточный для эффективного взаимодействия в профессиональной сфере. Профессиональная компетенция, являясь интегративным понятием, состоит из отдельных компетенций, одной из которых является коммуникативная компетенция. Проблематика формирования коммуникативной компетенции и на сегодняшний день является актуальным полем для исследований в таких областях научных знаний, как психология, социология, этика, педагогика, языкознание и др. Г. С. Трофимова отмечает, что «коммуникативная компетентность есть интегративная способность, основанная на гуманистических качествах личности и направленная на обеспечение результативности коммуникативной деятельности, обусловленная опытом межличностного общения личности, уровнем ее обученности, воспитанности и развития и предполагающая учет коммуникативных возможностей собеседника» [3, с. 85].

Следует подчеркнуть, что в настоящее время одним из элементов коммуникативной компетенции сотрудников полиции является способность выстраивать отношения с глухими и слабослышащими гражданами.

В связи с тем, что в образовательных организациях МВД России русский жестовый язык слушатели осваивают «с нуля», а по учебному плану на дисциплину «Основы русского жестового языка» предусмотрено 28 академических часов, формирование знаний, умений, навыков и на их базе речевой компетенции происходит параллельно с формированием профессионально значимых компетенций в сжатые сроки. Таким образом, происходит приобретение профессионально значимых компетенций, в том числе и коммуникативной, за счет расширения базы профессионализации с учетом синтеза языка и профессии и освоения элементов профессиональной культуры в области взаимодействия с лицами с нарушенным слухом.

Необходимость обучения малораспространенному русскому жестовому языку (в сравнении со звуковым русским языком) для профессиональных целей обнаруживает ряд сложностей. В первую очередь, обнаруживается противоречие между объективными нуждами общества и государства, то есть между социальным заказом, а соответственно, возрастающими требованиями, предъявляемыми основными программами профессионального обучения, к уровню владения русским жестовым языком для профессиональных целей и сложностью достижения этого уровня в условиях сжатых сроков обучения вне языковой среды. Обучение русскому жестовому языку подчинено принципу прагматичности, что обуславливает целенаправленный характер процесса обучения, который согласован с целями и содержанием программы. Целью занятий является изучение законодательных и нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере инвалидности по слуху и зрению, формирование теоретических основ дактилологии и жестового языка и уточнение их роли в системе коммуникативных средств лиц с нарушением функции слуха; теоретические основы инклюзивного общения с людьми с нарушениями функции слуха; овладение лексическим минимумом общего, профессионального и тематического характера, необходимым для профессиональной служебной деятельности. Изучив данную дисциплину, полицейский должен овладеть нормами общения с глухими и слабослышащими людьми, навыками отбора жестов, обеспечивающих точность передачи словесной речи в смысловом отношении; способностью к организации и проведению конструктивного диалога на жестовом языке в профессиональной среде; возможностью использовать юридическую терминологию и рационально ее применять на русском жестовом языке. Таким образом, знание жестового языка сотрудниками органов внутренних дел расширяет возможности взаимодействия с гражданами в процессе профессиональной деятельности, оптимизирует реализацию служебных функций, обеспечивает эффективность совместных действий.

В итоге даже в условиях острейшего дефицита времени мы должны прийти к показателям, которые отразят уровень подготовленности сотрудника полиции к реальному общению с глухими и слабослышащими гражданами. Мы должны выстроить таким образом занятия, чтобы достичь глубины знаний, то есть сформировать устойчивые осознанные связи знания теории жестового языка, психологических особенностей людей со слуховой депривацией с другими знаниями, с ним соотносящимися, а далее достичь связи теории с практикой, то есть обеспечить гармоничную конвергенцию научных теоретических знаний о дактилологии и жестовом языке с практикой повседневной жизни.

Для достижения поставленной цели необходимо определить ведущие принципы, на которых строится реализация модели обучения жестовому языку сотрудников органов внутренних дел. А далее сквозь призму общедидактических принципов можно рассматривать целевые, содержательные и организационные параметры процесса обучения русскому жестовому языку. В современной дидактике XXI века количество принципов четко не установлено. Ученые продолжают изучать взаимодействие между всеми компонентами учебного процесса, в результате чего принципы трансформируются, углубляются, приобретают новое звучание в современном образовательном процессе. Основоположником выделения принципов обучения считают Я. А. Коменского, далее весомый вклад в разработку данного вопроса внесли И. Г. Песталоцци, К. Д. Ушинский, Б. П. Есипов, Д. О. Лордкипанидзе, М. А. Данилов, И. Т. Огородников, М. Н. Скаткин, И. Я. Лернер, Н. Г. Казанский, В. В. Давыдов и др.

В настоящее время технология обучения русскому жестовому языку сотрудников полиции – это уже грамотно и логически выстроенная система, но вместе с тем это еще и экспериментальная база для проверки рабочих гипотез преподавателей по оптимизации данного процесса, теоретические и практические наработки в данной области постоян-

но совершенствуются. В качестве основных дидактических принципов (принципов эдукации), определяющих концептуальные основы обучения русскому жестовому языку, выделим следующие: принцип научности; принцип связи теории с практикой; принцип последовательности, систематичности; принцип доступности при необходимой степени трудности; принцип наглядности; принцип сознательности; принцип активности обучаемых; принцип прочности усвоения знаний, умений и навыков в сочетании с опытом творческой деятельности.

В статье обратим внимание на реализацию принципа последовательности и систематичности при обучении русскому жестовому языку сотрудников полиции. Принцип последовательности и систематичности предполагает, что занятия имеют четкую систему: изучаемый теоретический и практический материал должен быть четко спланирован и систематизирован. «Все последующее должно опираться на предыдущее. <...> Все сегодняшнее должно закреплять вчерашнее, а завтрашнему указывать путь», – считал Я. А. Коменский [см. подробнее 4, гл. 18–19]. Систематичность обучения оказывает влияние на результат обучения, то есть должна проявиться в овладении целостной системой знаний по русскому жестовому языку и стать основой их сознательного применения в служебной деятельности.

Данный принцип эдукации базируется на следующих научных положениях: обучающийся только тогда обладает настоящим и действенным знанием, когда у него складывается четкая картина окружающего мира; главным способом формирования системы научных знаний является определенным образом организованное обучение; система научных знаний создается в той последовательности, которая определяется внутренней логикой учебного материала и познавательными возможностями обучающихся [5, с. 272–274].

Рассмотрим подробнее проявление данного принципа в организации учебного материала, а именно при построении системы

упражнений и заданий на занятиях по дисциплине «Основы русского жестового языка». Системное представление материала способствует оптимизации процесса и лучшему усвоению русского жестового языка. Принцип систематичности и последовательности предполагает постоянное повторение, закрепление материала, однако одним из условий успешности формирования коммуникативной компетенции следует считать не только систематичное выполнение упражнений, но их последовательность, а именно: от упрощенных, через – усложненные, дистрактивные, к сложным. Опираясь на репродуктивный способ, преподаватель предлагает обучающимся пройденный материал рассматривать с новых позиций, усложняя и сочетая со своим личным и профессиональным опытом.

Очень важно правильно выстроить оптимальную и эффективную для дальнейшего применения в профессиональной деятельности систему упражнений, направленную на овладение русским жестовым языком. Оптимальная система упражнений предполагает такой комплекс разнообразных упражнений, выполняемых в определенной последовательности, и в таком количестве, который обеспечит слушателям овладение дактильной и жестовой речью в их взаимосвязи.

Следует построить занятия таким образом, чтобы социальный заказ («Доступная среда»), несмотря на сжатые сроки, был выполнен качественно, и на выходе были получены высокие результаты.

Опираясь на принцип последовательности и систематичности и учитывая сроки изучения дисциплины, при организации учебного процесса мы используем интенсивные методы обучения. В современной методике существует несколько разновидностей данного метода. Хотелось бы остановиться на методе обучения Г. А. Китайгородской [6; 7] и рассмотреть эффективность его реализации при изучении русского жестового языка. Автор данной методики пишет о том, что формирование речевых навыков и умений происходит в результате использования коммуникативных заданий разного уровня.

В данной классификации выделяются три основных уровня управления речевой деятельностью слушателей: «жесткое управление», «частичное управление», «минимальное управление». Придерживаясь данной типологизации упражнений, рассмотрим систему заданий, применяемую на занятиях по русскому жестовому языку.

На первом уровне, при котором задания предопределяют выбор и употребление конкретных жестов, мы отрабатываем материал по готовой модели, изучаем жесты. Для лучшего усвоения следует жест повторить многократно, поэтому используем упражнения типа: повторите жест за преподавателем, покажите жест самостоятельно, покажите жест в словосочетании, предложении, переведите предложения, текст на жестовый язык, покажите диалог жестами, соблюдая четкую артикуляцию, и т. п.». На втором уровне частичного управления речевой деятельностью слушателей со стороны преподавателя при отсутствии готовой модели решения коммуникативной задачи используем упражнения: ответьте на вопрос, инсценируйте предложенный диалог, составьте диалоги из данных жестов и т. п. Третий уровень предполагает минимальное управление, когда преподаватель только направляет речевую деятельность обучающихся, при котором задания очерчивают область возможного применения средств русского жестового языка, сам же выбор и употребление этих средств определяются самими обучающимися, так же как и линия речевого поведения. Это уровень дидактических игр, то есть моделирование профессионально обусловленных ситуаций для сотрудников полиции, помогающее выработать у обучающихся навыки использования жестов, соответствующих коммуникативным целям. На данном этапе важно вовлечение слушателей в коммуникацию – общение на русском жестовом языке, чтобы научить слушателей ориентироваться в реальной языковой среде. Важно отобрать для применения такие речевые ситуации, которые являются инвариантными коммуникативными актами профессиональной деятельности сотрудников полиции. Можно использовать задания типа: составь-

те и инсценируйте диалог по предложенной теме, опишите людей по фотографиям, используя дактиль и жестовый язык. Чтобы активизировать учебную деятельность слушателей, необходимо предлагать такие речевые ситуации, которые предполагают сочетание гипотетически реальных обстоятельств и изученных жестов. Мы должны сформировать у обучающихся речевой навык, то есть прийти к автоматизму соответствующего уровня, научить оперировать усвоенными жестами в сложных условиях речевой деятельности. В результате комплекса заданий и упражнений слушатели смогут успешно решать служебные задачи, то есть осуществлять выбор, накопление и реализацию программ поведения с использованием русской жестовой речи в зависимости от способности человека ориентироваться в конкретной обстановке профессионального общения с гражданами, имеющими нарушения слуха, в ситуациях установления личных данных; проверки документов; проведения личного досмотра; досмотра вещей подозреваемого; досмотра транспортного средства; выяснения цели обращения глухих и слабослышащих граждан к сотруднику органов внутренних дел Российской Федерации; обращения к глухим и слабослышащим гражданам, совершающим/совершившим административное правонарушение, с целью его пресечения/предупреждения об ответственности за совершенное противоправное действие; обращения к глухим и слабослышащим гражданам с целью предупреждения об опасности; оказания помощи глухим и слабослышащим гражданам в

поиске объектов города, а также в ситуациях, угрожающих их жизни и здоровью.

Благодаря логически выстроенной цепочке коммуникативных заданий с соблюдением принципа системности и последовательности, занятия по дисциплине «Основы русского жестового языка» носят событийный характер, динамически организованы, а, очевидно, что оптимальный и эффективный путь к овладению общением на русском жестовом языке лежит через непрерывное общение в ситуациях реальной коммуникативной деятельности.

Введение дисциплины «Основы русского жестового языка» позволяет усовершенствовать профессионально-речевую образованность сотрудника полиции, то есть качественно изменить (расширить) характеристику речевой деятельности сотрудника полиции.

Практическое использование русского жестового языка в условиях интеграции, глобализации вызывает потребность наличия у сотрудников полиции определенного уровня сформированности коммуникативной компетенции, сущность которой продиктована необходимостью владения такими элементами коммуникации, как умение выполнять служебные функции в условиях разнообразного окружения, прогнозирование поведения людей, имеющих нарушение функции слуха и владеющих другим языком, способность адекватного реагирования на русском жестовом языке как в стандартных ситуациях профессиональной деятельности, так и в состоянии возникновения и развития конфликта [8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с.
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. ст. 4563 (ред. от 24 апреля 2020 г.).
3. Трофимова Г. С. Педагогическая коммуникативная компетентность: теоретический и прикладные аспекты: монография. Ижевск: УдГУ, 2012. 116 с.
4. Подласый И. П. Педагогика: учебник для вузов. Москва: Изд-во Юрайт, 2020. 576 с.
5. Коменский Я. А. Великая дидактика. М., 2012. 321 с.

6. Китайгородская Г. А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1986. 103 с.
7. Китайгородская Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика. М.: Высшая школа, Ноц «Школа Китайгородской», 2009. 227 с.
8. Посиделова В. В., Хорошко Е. Ю. Владение жестовым языком как элемент реализации коммуникативной компетенции сотрудников полиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1 (47). С. 117–121.

REFERENCES

1. Zaitseva G. L. Gesture speech. Dactylogy: textbook. for stud. higher textbook establishments. M.: Humanit. ed. center VLADOS, 2000. 192 p. (In Russ.)
2. On the social protection of disabled people in the Russian Federation: Federal Law of November 24, 1995 No. 181-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 48. St. 4563 (revised April 24, 2020). (In Russ.)
3. Trofimova G. S. Pedagogical communicative competence: theoretical and applied aspects: monograph. Izhevsk: UdGU, 2012. 116 p. (In Russ.)
4. Podlasy I. P. Pedagogy: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 576 p. (In Russ.)
5. Comenius Ya. A. Great didactics. M., 2012. 321 p. (In Russ.)
6. Kitaygorodskaya G. A. Methods of intensive teaching of foreign languages: textbook. allowance. M.: Higher school, 1986. 103 p. (In Russ.)
7. Kitaygorodskaya G. A. Intensive teaching of foreign languages. Theory and practice. M.: Higher School, Nots «School of Kitaygorodskaya», 2009. 227 p. (In Russ.)
8. Posidelova V. V., Khoroshko E. Yu. Knowledge of sign language as an element of the implementation of the communicative competence of police officers // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (47). P. 117–121. (In Russ.)

Информация об авторах:

Посиделова В. В., кандидат филологических наук;
Хорошко Е. Ю., кандидат филологических наук, доцент;
Резникова А. В., кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors:

Posidelova V. V., Candidate of Philology;
Khoroshko E. Y., Candidate of Philology, Associate Professor;
Reznikova A. V., Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию: 21.04.2022; одобрена после рецензирования: 04.05.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 21.04.2022; approved after reviewing: 04.05.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья

УДК 378.635.015.324:159.947.5(470)

**ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВОВ ПОСТУПЛЕНИЯ АБИТУРИЕНТОВ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ МЧС РОССИИ
И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ**

Владислав Васильевич Булгаков

Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы
МЧС России, Иваново, Россия, vbulgakov@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования мотивов поступления в образовательные учреждения МЧС России и их трансформации у курсантов в течение периода обучения. Выявленные у абитуриентов мотивы для выбора профессии позволяют разработать мероприятия, направленные на повышение конкурентоспособности образовательного учреждения МЧС России и привлечение наиболее мотивированных абитуриентов к поступлению. В целом можно отметить, что абитуриенты, поступающие в образовательные учреждения МЧС России, делают осознанный выбор, проявляют серьезное отношение к подготовке и испытывают в подавляющем большинстве гордость за результаты своего поступления. Полученные результаты трансформации мотивов свидетельствуют о их развитии к выпускному курсу в прагматичном социально-экономическом направлении, что требует в том числе разработки дополнительных мероприятий учебно-воспитательного характера, направленных на повышение уровня профессиональной ориентации выпускников и формирования у них профессионально-значимых качеств.

Ключевые слова: образовательные учреждения МЧС России, анкетирование курсантов, мотивы поступления, трансформация мотивов.

Для цитирования: Булгаков В. В. Исследование мотивов поступления абитуриентов в образовательные учреждения МЧС России и их трансформация в процессе обучения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 140–147.

Original article

**A STUDY OF THE MOTIVES OF STUDENTS IN EDUCATIONAL
INSTITUTIONS OF THE EMERCOM OF RUSSIA
AND THEIR TRANSFORMATION IN THE PROCESS OF LEARNING**

Vladislav V. Bulgakov

Ivanovo fire and rescue academy of the state fire service of the ministry of emergency situations
of Russia, Ivanovo, Russia, vbulgakov@rambler.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the motives for admission to educational institutions of the EMERCOM of Russia and their transformation in cadets during the training period. The motives identified among the applicants for choosing a profession allow us to develop measures aimed at improving the competitiveness of the university of the Ministry of Emergency Situations and attracting the most motivated applicants to enter. In general, it can be noted that applicants entering the university of the Ministry of Emergency Situations make a conscious choice, show a serious attitude to training and are overwhelmingly proud of the results of their admission. The obtained results of the transformation of motives indicate their development for the final year in a pragmatic socio-economic direction, which requires, among other things, the develop-

© Булгаков В. В., 2022

ment of additional educational activities aimed at improving the level of professional orientation of graduates and the formation of their professionally significant qualities.

Keywords: educational institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia, survey of cadets, motives of admission, transformation of motives.

For citation: Bulgakov V. V. A study of the motives of students in educational institutions of the emercom of Russia and their transformation in the process of learning // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 140–147.

Мотивы абитуриентов для поступления в высшие образовательные учреждения всегда вызывали интерес исследователей в области педагогической и социально-экономической сфер. Каждый вуз для привлечения абитуриентов и получения конкурентного преимущества проводит различные исследования контингента поступающих для повышения эффективности вступительной кампании. На базе обобщенного портрета абитуриента, предпочитающего поступление в данный вуз, разрабатываются мероприятия, направленные на развитие и поддержание положительного имиджа учебного учреждения и ведение рекламной PR-кампании [1; 2; 3; 4], открытие новых специальностей и направлений подготовки, профориентацию и привлечение перспективных абитуриентов [5; 6; 7], создание условий для повышения качества обучения [8; 9], организацию трудоустройства выпускников, их поддержку в течение периода их профессиональной деятельности [10; 11].

Основным фактором в выборе будущей профессии, соответствующего вуза и направления подготовки является наличие у абитуриентов сформированных ценностных ориентаций [12], которые автор [13] разделил на следующие группы: ценность самой профессии для человека, ценность нахождения своего места в жизни, которое приобретается в процессе получения профессии, значимость занимаемого места человека в обществе, благодаря профессиональной деятельности.

В образовательных учреждениях вооруженных сил и ведомственных вузов правоохранительного и силового блока одним из основных мотивов у абитуриентов для поступления являются патриотизм и служение отечеству [14].

Система ведомственного образования существует в структуре силовых ведомств, которые с учетом направления профессиональной деятельности готовят кадры в собственных образовательных учреждениях. Так, например, в структуре Министерства обороны Российской Федерации имеется 31 образовательное учреждение высшего образования, в Министерстве органов внутренних дел – 17. Каждое ведомство вправе определять образовательную политику, но с учетом требований федерального законодательства в области образовательной деятельности.

В целом в силовых ведомствах имеется одинаковая система набора обучаемых, порядок организации учебного процесса и последующего гарантированного распределения выпускников к местам службы. Ежегодно в образовательные учреждения Министерства обороны РФ поступают для обучения более 40 тысяч абитуриентов, которые проходят тщательный отбор. К основным особенностям поступления абитуриентов относится психологический отбор, проверка физической подготовленности с учетом ведомственных нормативов, сдача дополнительных вступительных испытаний, устанавливаемых вузами самостоятельно, а также учитываются результаты ЕГЭ.

Система ведомственного образования МЧС России включает 6 образовательных учреждений высшего образования, которые ежегодно выпускают более 1,5 тысяч молодых офицеров для службы в органах управления и подразделениях МЧС России. Координирующим органом является департамент образовательной и научной деятельности, определяющий стратегию развития ведомственного образования с учетом деятельности МЧС России и выполнения задач подготовки кадров для практических подразделений, вы-

полняющих задачи в области пожарной безопасности, защиты населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера, гражданской обороны и других.

В целях повышения конкурентоспособности образовательных учреждений МЧС России и привлечения наиболее подготовленных абитуриентов к поступлению существует необходимость исследования мотивов поступающих лиц для последующего учета полученной информации в организации и проведении приемных кампаний. Кроме того, исследовательский интерес вызывают не только мотивы, которые влияют на выбор учебного заведения МЧС, но и их трансформация в процессе обучения курсантов.

Материалы и методы

Для исследования мотивов к поступлению в учебные заведения МЧС и трансформации этих мотивов в течение периода обучения использовался психологический вербально-коммуникативный метод, реализуемый в форме анкетирования. С учетом имеющихся работ российских и зарубежных исследователей были сформулированы вопросы, которые позволяют получить достоверные сведения о мотивах, которыми руководствуются абитуриенты при выборе учебного заведения.

Вопросы, формирующие исследуемую область, сформулированы максимально корректно и позволяют лицам, проходящим анкетирование, дать ответ, характеризующий однозначное отношение респондента к изучаемому вопросу. Сформулированные вопросы анкет, имеющие множественные варианты ответов, позволяют получить достаточно цельную картину исследуемой области.

Для получения объективных данных применялось анкетирование респондентов, обучающихся на различных годах обучения по очной форме. Целью анкетирования, помимо исследования трансформации мотивов к поступлению в учебное заведение МЧС России, являлось получение объективной информации об организации учебного процесса, его положительных и отрицатель-

ных сторонах. Для обобщения полученных данных применялись теоретические методы анализа и синтеза, а также статистические и математические методы обработки результатов анкетирования.

Результаты исследования

Исследования мотивов поступления в образовательные организации МЧС России и их трансформация были организованы в Ивановской пожарно-спасательной академии Государственной противопожарной службы МЧС России (далее – академия). В академии анкетирование прошли курсанты, обучающиеся по специальности 20.05.01 Пожарная безопасность и направлению подготовки 20.03.01 Техносферная безопасность. Всего репрезентативная выборка исследования включала 437 курсантов 1, 3 и выпускных курсов, что позволило сделать объективные и обоснованные выводы по результатам анкетирования.

Исследование влияния семейных традиций и нацеленности на продолжение профессиональных династий при выборе учебного заведения представлено на рисунках 1 и 2.

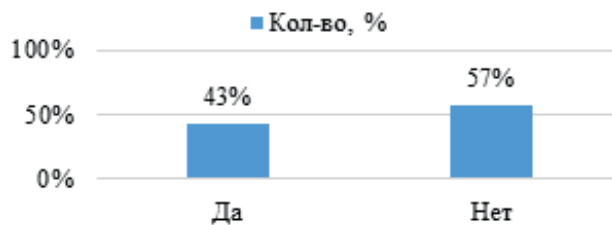

Рис. 1. Результаты анкетирования по вопросу «Имеют ли отношение Ваши родители и/или родственники к службе в ВС или ведомствах силового и правоохранительного блока?»

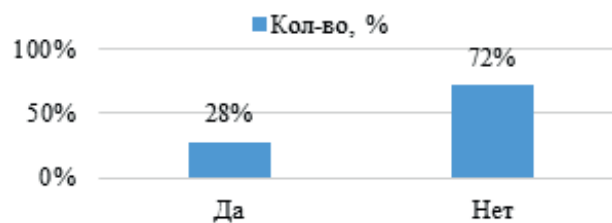

Рис. 2. Результаты анкетирования по вопросу «Имеют ли непосредственное отношение Ваши родители и/или родственники к службе в МЧС?»

На основании полученных данных можно сделать вывод о значительном влиянии профессиональной деятельности близких родственников и родителей на выбор их детьми учебных заведений и нацеленность их на продолжение династий в МЧС России. У 43 % курсантов, поступивших на 1 курс, родители или близкие родственники служат в вооруженных силах, ведомствах силового и правоохранительного блока, у 28 % – проходят службу непосредственно в МЧС России.

Обращает на себя внимание твердость намерений к поступлению в ведомственные вузы вооруженных сил, силовых и правоохранительных ведомств. Из общего числа курсантов, поступивших на 1 курс, 40 % после окончания школы твердо решили по-

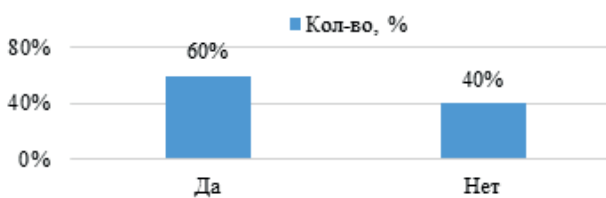

Рис. 3. Результаты анкетирования по вопросу «Делали ли Вы выбор для поступления после окончания школы между гражданскими вузами и вузами военнизированного профиля?»

ступать в вузы военнизированного профиля и выбрали для себя карьеру офицера (рис. 3).

Серьезное отношение к выбору своей будущей профессии у обучаемых можно оценить по времени начала их подготовки к поступлению в академию МЧС (рис. 4). По данным анкетирования курсантов 1 года обучения 36 % обучаемых начали подготовку за 2 года, 37 % – за год до поступления.

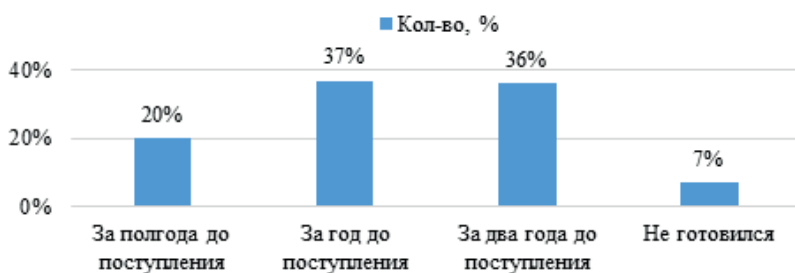

Рис. 4. Результаты анкетирования по вопросу «Когда Вы начали вести подготовку к поступлению в академию МЧС?»

К лицам, которые начали подготовку менее чем за полгода или совсем не готовившимся, относятся 27 %.

Опрос курсантов, поступивших на 1 курс, показал, что для 55 % из них наибольшие трудности вызвала, помимо ЕГЭ, сдача дополнительных экзаменов (математика и физическая подготовка), которые проводились непосредственно в академии. Испытания по физической подготовке (бег на 100 м, кросс на 3 км, подтягивание на турнике) наиболее сложными оказались для 31 % обучаемых, у 13 % вызвало наибольшие трудности психологическое тестирование (рис. 5).

Для прохождения вступительных испытаний в академии организуются абитуриентские сборы, которые предусматривают изолированный порядок жизнедеятельности в соответствии со строгим распорядком дня и выполнением уставных требований. По мнению курсантов, поступивших на 1 курс, к наиболее значимым сложностям с которыми они столкнулись на абитуриентских сборах, относятся недостаток сна (32 %) и строгое соблюдение распорядка дня (21 %). 14 % отметили сложности с отсутствием родителей и особенностями питания, и только для 7 % наибольшие сложности вызвала необходимость выполнения приказов (рис. 6).

Оценка курсантами 1 года обучения своего поступления в академию, свидетельствует о том, что подавляющее большинство из них (84 %) испытывают гордость. Нейтральное отношение к своему поступлению высказали 15 %, и лишь 1 % высказал сожаление (рис. 7). Рекомендации для родственников и знакомых к поступлению в академию высказали 79 % (рис. 8).

Одной из задач работы являлось исследование у курсантов трансформации их мотивов к выбору профессии и поступлению в академию МЧС с момента зачисления до выпуска. Сравнительные результаты анкетирования курсантов первого, третьего и выпускных курсов представлены на рисунке 9.

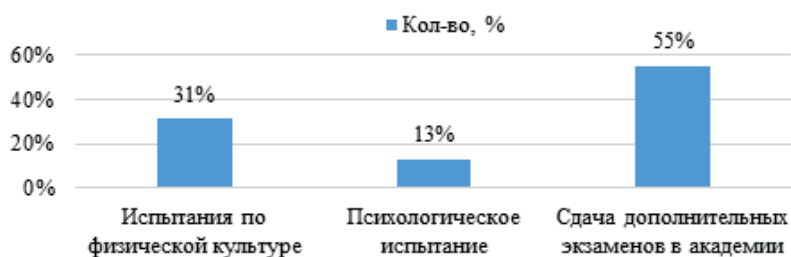

Рис. 5. Результаты анкетирования по вопросу «Что для Вас было наиболее сложным при прохождении вступительных испытаний?»

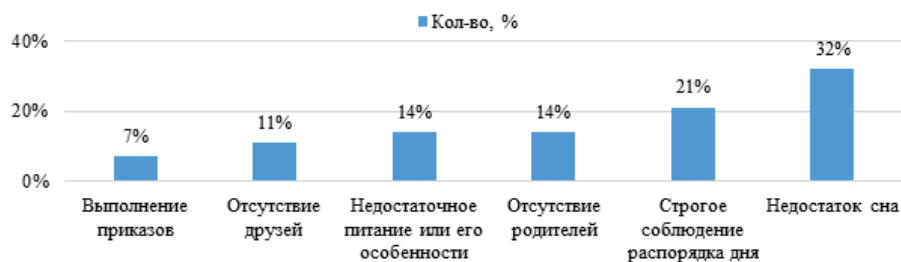

Рис. 6. Результаты анкетирования по вопросу «С какими сложностями Вы столкнулись на абитуриентских сборах?»

Рис. 7. Результаты анкетирования по вопросу «Какое Ваше отношение к поступлению в академию МЧС?»

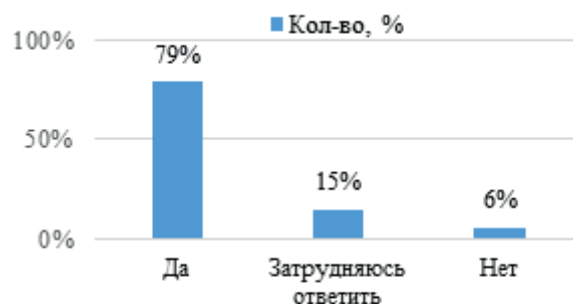

Рис. 8. Результаты анкетирования по вопросу «Порекомендовали ли Вы своим знакомым и/или родственникам поступать в академию МЧС?»

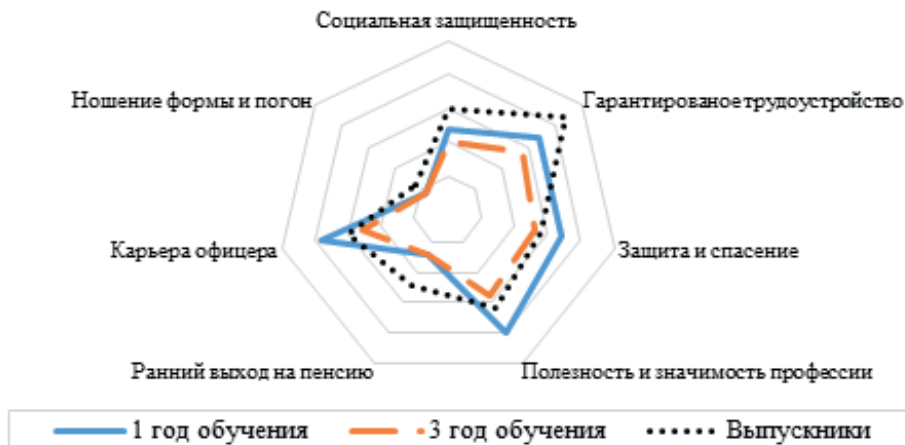

Рис. 9. Результаты анкетирования курсантов 1, 3 и выпускных курсов по вопросу «Что может Вам дать полученная профессия по окончании академии МЧС?»

На основании полученных данных анкетирования можно сделать вывод о развитии к выпускному курсу прагматичного социально-экономического ожидания от выбранной профессии, согласно которому мотивы, связанные с гарантированным трудоустройством, социальной защищенностью и ранним выходом на пенсию получают у выпускников более выраженный характер по сравнению с первокурсниками, у которых преобладают мотивы, связанные с полезностью и значимостью выбранной профессии, с выполнением функции защиты и спасения людей, а также с возможностью реализовать карьеру офицера.

Выводы

Исследование мотивов к поступлению в академию МЧС и их трансформации в течение периода обучения позволяет сделать следующие выводы:

– выбор профессии пожарного и учебного заведения МЧС для ее получения происходит в значительной степени под воздействием примера родителей и близких родственников, которые в 23 % случаев проходят службу в МЧС;

– значительное количество абитуриентов делают осознанный выбор образовательного учреждения МЧС для поступления

и проявляют серьезное отношение к подготовке к вступительным испытаниям;

– наибольшие трудности для поступающих вызывают дополнительные вступительные испытания, а также недостаток сна и необходимость строгого соблюдения распорядка дня на абитуриентских сборах;

– подавляющее число курсантов, прошедших вступительные испытания и поступивших на 1 курс, испытывают гордость за свои успехи и в случае необходимости рекомендовали бы своим знакомым поступать в академию МЧС;

– у курсантов первого курса происходит в течение периода обучения заметное изменение мотивов, определивших выбор образовательного учреждения МЧС для поступления, которые к выпускному курсу трансформируются в прагматичном социально-экономическом направлении.

Полученные результаты исследования возможно использовать для повышения уровня подготовки и проведения приемной кампании, а также при организации и реализации учебно-воспитательного процесса, направленного на формирование профессионально-значимых качеств, ориентирующих выпускников на выполнение социально-значимых задач по защите общества и государства от пожаров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Марочкина С. С., Щетинина Е. В. Формирование комплекса маркетинговых коммуникаций вуза на основе исследований предпочтений потребителей образовательных услуг // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 4 (39). С. 35–41.
2. Жукова Е. Е., Козырев М. С., Ильина И. Ю., Мельничук Ю. А. Анализ целевой аудитории рынка образовательных услуг на примере московских вузов // Перспективы науки и образования. 2020. № 2 (44). С. 430–442.
3. Красильникова А. А., Ряжапов Н. Х. Разработка предложений по формированию и поддержанию положительного имиджа академии гражданской защиты МЧС России // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 3 (29). С. 105–110.
4. Евсютин Д. Анализ приемной PR-кампании МГОУ // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2019. № 1. С. 23–24.
5. Украинцева И. И., Коновалова Г. М., Тамбовцев А. В., Берген О. В., Пушкарева Д. А. Работа опорного вуза со школьниками и молодежью // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 11. С. 117–128.
6. Маслевич Т. П., Сафронова Н. Б., Минаева Н. Л. Инновационные методы привлечения абитуриентов (на примере исследования факторов мотивации) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 6 (218). С. 52–60.

7. Клочкова А. В. Система привлечения высокомотивированных абитуриентов: проблемы и стратегия повышения эффективности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 3. С. 72–87.
8. Красильникова А. А., Рязяпов Н. Х. Анализ качества образования и научной деятельности академии гражданской защиты МЧС России как основа формирования положительного имиджа // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 2 (28). С. 170–178.
9. Абрамов Р. А., Морозов И. В., Наскидашвили Д. И. Оценка влияния качества современного образования на трудоустройство выпускников вузов // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 71–79.
10. Жмуров В. А., Фролова О. И., Бреднева А. И., Селиванова Н. В., Калинина В. Л. Сопровождение выпускников медицинских вузов как новая форма взаимодействия образовательного учреждения и медицинских организаций // Медицинская наука и образование Урала. 2019. Т. 20. № 2 (98). С. 109–114.
11. Алексеев С. Г., Меха И. В., Рабочих Т. Б. Постдипломное сопровождение выпускников педагогических вузов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 4 (38). С. 78–81.
12. Иудин А. А., Ситникова И. В., Тютнев А. С. Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 1 (57). С. 42–51.
13. Маркова Е. А. Ценностные ориентации профессионального самоопределения учащихся старших классов // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 284–292.
14. Коляго П. В. Служение отечеству и патриотизм в системе ценностей абитуриентов, поступающих в образовательные организации МВД России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3 (37). С. 187–190.

REFERENCES

1. Marochkina S. S., Shchetinina E. V. Formation of a complex of university marketing communications based on research on the preferences of consumers of educational services // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Economics and Management. 2019. No. 4 (39). P. 35–41. (In Russ.)
2. Zhukova E. E., Kozyrev M. S., Ilyina I. Yu., Melnichuk Yu. A. Analysis of the target audience of the educational services market on the example of Moscow universities // Prospects of science and education. 2020. No. 2 (44). P. 430–442. (In Russ.)
3. Krasilnikova A. A., Ryazhapov N. Kh. Development of proposals for the formation and maintenance of a positive image of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia // State Reg: State Regulation of Public Relations. 2019. No. 3 (29). P. 105–110. (In Russ.)
4. Evsyutin D. Analysis of the reception PR-campaign MGOU // Innovative economy and modern management. 2019. No. 1. P. 23–24. (In Russ.)
5. Ukraintseva I. I., Konovalova G. M., Tambovtsev A. V., Bergen O. V., Pushkareva D. A. Work of a flagship university with schoolchildren and youth // Higher education in Russia. 2018. V. 27. No. 11. P. 117–128. (In Russ.)
6. Maslevich T. P., Safronova N. B., Minaeva N. L. Innovative methods of attracting applicants (on the example of the study of motivation factors) // Bulletin of the Orenburg State University. 2018. No. 6 (218). P. 52–60. (In Russ.)
7. Klochkova A. V. The system of attracting highly motivated applicants: problems and strategies for improving efficiency // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Right. 2017. No. 3. P. 72–87. (In Russ.)
8. Krasilnikova A. A., Ryazhapov N. Kh. Analysis of the quality of education and scientific activity of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia as the basis for the formation of a positive image // State Reg: State Regulation of Public Relations. 2019. No. 2 (28). P. 170–178. (In Russ.)
9. Abramov R. A., Morozov I. V., Naskidashvili D. I. Evaluation of the influence of the quality of modern education on the employment of university graduates // Obrazovanie. The science. Scientific personnel. 2019. No. 1. P. 71–79. (In Russ.)
10. Zhmurov V. A., Frolova O. I., Bredneva A. I., Selivanova N. V., Kalinina V. L. Support of graduates of medical universities as a new form of interaction between an educational institution and medical organizations // Medical Science and Education Ural. 2019. Vol. 20. No. 2 (98). P. 109–114. (In Russ.)

11. Alekseev S. G., Mekha I. V., Rabochikh T. B. Postgraduate support for graduates of pedagogical universities // Science of man: humanitarian research. 2019. No. 4 (38). P. 78–81. (In Russ.)

12. Iudin A. A., Sitnikova I. V., Tyuntyaev A. S. Influence of value orientations on the professional choice of applicants // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2020. No. 1 (57). P. 42–51. (In Russ.)

13. Markova E. A. Value orientations of professional self-determination of senior students // Social and humanitarian sciences: theory and practice. 2019. No. 1 (3). P. 284–292. (In Russ.)

14. Kolyago P. V. Serving the fatherland and patriotism in the value system of applicants entering educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (37). P. 187–190. (In Russ.)

Информация об авторе:

Булгаков В. В., кандидат технических наук, доцент.

Information about the author:

Bulgakov V. V., Candidate of Technology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию: 11.12.2021; одобрена после рецензирования: 25.01.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 11.12.2021; approved after reviewing: 25.01.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОХОЖДЕНИЯ ПРАКТИКИ БУДУЩИХ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

Андрей Иванович Бутиков¹, Наталия Федоровна Гейжан²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ butikov-ai003@yandex.ru

² naftus@yandex.ru

Аннотация. Оценка результативности производственной (преддипломной) практики слушателей, проводимой образовательными организациями высшего образования МВД России, является одним из основных показателей сформированности профессиональных компетенций у выпускников и их готовности к самостоятельному выполнению служебных обязанностей. В основу формирования комплексной оценки эффективности проводимой практики закладываются принципы профессионализма, компетентностного подхода, организации обучающей среды, рефлексивного практического обучения и индивидуализации практического обучения.

В статье акцентируется внимание на таких оценочных критериях, как соответствие требованиям к профессиональной деятельности, требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, наличие профессиональной и педагогической квалификации у руководителей практики в территориальных подразделениях МВД России, соответствие условий и возможностей материально-технической базы в местах проведения практики, удовлетворенность практикантов результатами практики с наличием рекомендаций по индивидуальному развитию их интересов и способностей.

Опыт внедрения программы практической подготовки показывает необходимость организации обучения по модульному типу, с контролем полноты выполнения всех практических мероприятий. Предлагается оценивание фактической готовности выпускников к самостоятельному несению службы в три этапа: теоретический, практический и заключительный.

Ключевые слова: курсанты, оценка эффективности, практика, профессиональные компетенции, участковый уполномоченный полиции, МВД России.

Для цитирования: Бутиков А. И., Гейжан Н. Ф. Теоретические основы комплексной оценки эффективности прохождения практик будущих участковых уполномоченных полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 148–158.

Original article

THEORETICAL FOUNDATIONS OF A COMPLEX ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF THE PRACTICAL TRAINING OF FUTURE DISTRICT POLICE OFFICERS

Andrei I. Butikov¹, Natalia F. Geyzhan²

^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

¹ butikov-ai003@yandex.ru

² naftus@yandex.ru

Abstract. The assessment of the effectiveness of students' industrial (pre-diploma) internships conducted by educational institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia is one of the main indicators of the formation of professional competencies of graduates and their readiness for independent

performance of official duties. The principles of professionalism, competence approach, organization of the learning environment, reflective practical training and individualization of practical training form the basis for the formation of a complex assessment of the effectiveness of the practice.

The article focuses on such evaluation criteria as compliance with the requirements for professional activities, requirements of federal state educational standards higher education, availability of professional and pedagogical qualifications of practice leaders in the territorial units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, compliance with conditions and possibilities of the material and technical base in the places of practice, trainees' satisfaction with the results of practice with recommendations for individual development of their interests and abilities.

The experience of implementing the practical training program shows the need for modular training, with control over the completeness of all practical activities. It is proposed to assess the actual readiness of graduates for independent service in three stages - theoretical, practical and final.

Keywords: cadets, effectiveness assessment, practice, professional competences, district police officer, Ministry of Internal Affairs of Russia.

For citation: Butikov A. I., Geyzhan N. F. Theoretical foundations of a complex assessment of the effectiveness of the practical training of future district police officers // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 148–158.

Подготовка сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка в образовательных организациях МВД России осуществляется в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (далее – ФГОС ВО). В настоящее время принципиально меняются программы и сроки профессиональной подготовки этой категории сотрудников с пятилетнего срока на четырехлетний. Программы специалитета (очная форма по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность»; 300 зачетных единиц) заменяются на программы бакалавриата (очная форма по направлению подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка»; 240 зачетных единиц).

Несмотря на значительное снижение объема подготовки, в структуре программ бакалавриата блоки практики остаются неизменными, и их объемы должны составлять не менее 24 зачетных единиц. Сокращение сроков обучения происходит за счет уменьшения объемов теоретического изучения дисциплин. Это говорит об особой важности практической подготовки сотрудников полиции, которым придется взаимодействовать с разными категориями граждан, решать разнообразные правовые и психолого-педагогические задачи. В особой мере это относится к такой должности, как участковый

уполномоченный полиции (далее – участковый). По долгу службы именно участковому приходится сталкиваться и с бытовыми конфликтами, и с учетом неблагополучных семей и подростков, и с административным надзором за вышедшими из мест лишения свободы, и с профилактикой правонарушений, и с правовой пропагандой, а также с наставничеством добровольных помощников, в том числе народных дружинников.

Такое многообразие служебных задач участковых ставит перед организаторами практики необходимость ознакомления практикантов с различными ситуациями и видами служебной деятельности еще на этапе обучения в образовательной организации. Достижение этой цели в наибольшей мере возможно на преддипломной практике, которая является основным ее видом и длится в течение четырех месяцев на последнем году обучения.

В соответствии с п. 77.3 приказа МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», преддипломную практику обучающиеся проходят в подразделениях МВД России, направивших их на обучение и (или) по месту дальнейшего прохождения службы, в соответствии с соглашениями о взаимодействии по вопросам подготовки кадров [1]. В настоящее время образовательные орга-

низации имеют право самостоятельно определять перечень и виды профессиональных компетенций, которыми должны владеть их выпускники. Соответственно разрабатывается и комплекс средств для оценки этих компетенций с учетом видов подготовки.

Опрос преподавателей кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, преподающих на факультете подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и ответственных за проведение практик, показал, что 26 преподавателей из 28 (92 %) считают необходимым как улучшение организации практик в территориальных органах МВД России, так и преодоление формальных критериев оценки их результативности. Более половины из опрошенных преподавателей считают необходимым назначение практикантов на должности помощников участковых или стажерами по соответствующим должностям с предоставлением им процессуальных прав, возложения обязанностей и определения степени ответственности. Преподавателями отмечается и тот факт, что они не имеют возможности участвовать в практической подготовке слушателей и, следовательно, в неформальной оценке приобретенных умений, если практика проходит в других регионах, не по месту расположения образовательной организации МВД России. Отмечается также недостаточное внимание удовлетворенности самих курсантов и слушателей проведенной практикой и их склонность к тем или иным видам служебной деятельности.

В рамках исследования проблемы совершенствования практик по образовательным программам обеспечения законности и правопорядка была поставлена задача разработки комплексного подхода к оценке эффективности производственной (преддипломной) практики будущих участковых уполномоченных полиции в процессе практической подготовки в территориальных органах МВД России.

Исследования опираются на методологию выделения и анализа целей обуче-

ния оценочных критериев, проектирования комплексной оценки и ее апробации [2]. Использование методов объединения, сравнения и внедрения позволило обоснованно определить критерии комплексной оценки результативности практического обучения. Методом анкетирования были получены необходимые для анализа данные, на основе которых проводилась оценочная работа и были сформулированы выводы, позволяющие выделить этапы комплексного оценивания.

Вопросами оценки качества сформированности профессиональных умений, а также разработкой новых критериально-показательных методов оценки уровней сформированности профессиональной компетентности обучающихся занимались А. С. Варламов и Д. В. Изосимов. В своих исследованиях они говорят о недостаточной реализации деятельностного подхода в подготовке обучающихся и «разрыве между теоретическими знаниями курсантов и умениями их практического использования». Также они указывают на то, что существующая «система оценки качества сформированности профессиональных умений содержит противоречия между самооценкой обучающегося и оценкой преподавателя, поэтому не позволяет проследить динамику роста курсанта, и как следствие – снижение познавательного интереса к процессу обучения и качества образования» [3].

П. Т. Категорская и В. И. Сарченко в своих исследованиях обращают внимание на компетентностный подход в системе оценки результатов обучения, считают, что «уровень каждой конкретной практической компетенции должен в совокупности отражать степень профессиональной компетентности будущего специалиста, которая является интегрирующей величиной и включает в себя уровень всех отдельных компетенций, заявленных в ФГОС ВО по данному направлению подготовки и сформированных у студента за весь период образовательного процесса» [4; 5].

По мнению Т. Л. Шапошниковой и Т. Н. Шабанова «именно компетентностный

и квалиметрический подходы должны быть ведущими методологическими основами диагностики успешности прохождения студентами производственной практики» [6].

В основу проектирования комплексной оценки эффективности производственной практики будущих участковых уполномоченных полиции нами были положены следующие принципы.

Во-первых, принцип профессионализма (или практической направленности обучения), который требует, чтобы критерий оценки эффективности практического обучения соответствовал ведущим функциональным обязанностям, которые в будущем должен выполнять практикант, а также соответствие и наличие профессиональной и педагогической квалификации у руководителей практик в территориальных подразделениях МВД России.

Во-вторых, принципы компетентностного [7] и квалиметрического [8] подходов, которые означают, что оценка эффективности практики должна учитывать перечень компетенций, включенных в ФГОС ВО по конкретной специализации, комплексную оценку знаний и умений выпускника.

В-третьих, принцип организации обучающей среды, который предполагает соответствие условий и возможностей материально-технической базы территориальных подразделений МВД России требованиям ФГОС ВО и других нормативных правовых актов в вопросах организации прохождения практик.

В-четвертых, принцип рефлексивного практического обучения, который предполагает анализ практикантом прохождения разных видов практик как целостной деятельности, предъявляющей разнообразные требования к способностям и интересам будущего специалиста или бакалавра.

В-пятых, принцип индивидуализации практического обучения, который означает более внимательное педагогическое изучение особенностей практикантов для составления рекомендаций по более эффективному применению имеющихся у выпускника интересов, способностей и стиля деятельно-

сти выпускника (работа с документами, информационными базами данных МВД России, коммуникативные или организаторские способности, качества лидера или толкового исполнителя).

В соответствии с вышеназванными принципами было выделено шесть оценочных критериев, внедрение которых, согласно гипотезе исследования, может повысить эффективность практической подготовки будущих участковых уполномоченных полиции. Объединяет эти критерии в единую систему субъект-субъектный подход обучающего и оценочного взаимодействия, который предполагает учет мнений и оценок всех субъектов, включенных в профессиональное обучение и производственную практику: преподавателей, наставников и обучающихся (практикантов).

1. Соответствие результатов практики требованиям к профессиональной служебной деятельности по конкретной должности. Показателем по данному критерию может быть выполнение мероприятий, предусмотренных индивидуальным заданием по формированию компетенций в период прохождения производственной (преддипломной) практики, составленным на основе нормативных документов, регламентирующих конкретный вид практической деятельности и определяющих должностные обязанности.

2. Соответствие результатов практического обучения требованиям ФГОС ВО. Показателем соответствия и эффективности является оценочная ведомость преподавателя, предметом которой является оценка сформированных на практике компетенций.

3. Соответствие и наличие профессиональной и педагогической квалификации у руководителей практик в территориальных подразделениях МВД России. Показатель – наличие у наставника опыта работы и педагогической подготовки, а также инструкции, методические рекомендации, памятки руководителю практики, в которых разъяснены основные принципы и критерии оценки практиканта.

4. Соответствие условий и возможностей материально-технической базы тер-

риториальных подразделений МВД России требованиям ФГОС ВО и других нормативных правовых актов в вопросах организации прохождения практик. Показатель наличие условий для освоения практикантами возможно большего вида и количества функциональных обязанностей по конкретной должности, например, участкового уполномоченного полиции. «Материально-техническое обеспечение является необходимым компонентом достижения соответствующего качества образования, выхода на качественно новый уровень подготовки специалистов и во многом определяет организационно-методический инструментарий педагогического процесса, гарантирует конечность результата» [9].

5. Удовлетворенность практиканта результатами практики, анализ собственной профессиональной пригодности к различным видам деятельности, самооценка собственной успешности и причин неуспешности при выполнении практических задач. Показателем является дневник практиканта и его индивидуальный отчет, который строится по определенной структуре.

6. Наличие рекомендаций по индивидуальному развитию способностей и интересов практикантов при замещении должностей по профессии. Показатель – отзывы (характеристика) наставника и руководителя территориального органа МВД, где была организована практика.

Предлагаемая система оценок не увеличивает объем документации, сопровождающего практиканта, но структурирует и уточняет показатели оценки и самооценки эффективности производственной практики.

Дальнейшая задача исследования состояла в апробации оценки практик с использованием рассмотренных критериев и рассмотрения их эффективности. Рассмотрим их последовательно в соответствии с вышеприведенной нумерацией.

Изучение возможности и целесообразности оценивания эффективности производственной практики слушателей пятого года обучения осуществлялось на факультетах подготовки сотрудников полиции для под-

разделений по охране общественного порядка Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя и Санкт-Петербургского университета МВД России в 2020–2021 году. На основе проведенного исследования были сформулированы следующие критерии комплексной оценки.

Первый критерий. Соответствие результатов практики требованиям к профессиональной служебной деятельности по должности участкового. Требования к профессиональной деятельности участковых уполномоченных полиции закреплены в ряде нормативных правовых актов и конкретизируются в приказе МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности». Этим приказом утверждаются Инструкция по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке и Наставление по организации службы участковых уполномоченных полиции.

Инструкцией предусматривается исчерпывающий перечень обязанностей участкового уполномоченного полиции, которые закрепляются в его должностном регламенте.

В 2021 году нами было проведено анкетирование слушателей пятых курсов Санкт-Петербургского университета МВД России и слушателей Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя в количестве 111 человек на тему удовлетворенности результатами практического обучения в местах прохождения практики. Анкеты были составлены в соответствии с предъявляемыми требованиями к работе участкового уполномоченного полиции и включали в себя полный перечень задач и направлений этой служебной деятельности. Ответы анкетированных показали, что фактическое практическое обучение не соответствует в полной мере требованиям к профессиональной деятельности участкового уполномоченного полиции. Слушатели отметили ряд тех направлений деятельности участкового, с которыми они знакомились

явно недостаточно и не получили необходимого практического опыта или не встречались совсем. К таким направлениям были отнесены: участие в работе по рассмотрению обращений и приему граждан, участие совместно с участковым уполномоченным полиции в иных мероприятиях по профилактике правонарушений, участие в рассмотрении дел об административных правонарушениях, в раскрытии преступлений, участие в мероприятиях по осуществлению розыска лиц, использование различных форм профилактического воздействия при несении службы на обслуживаемом административном участке.

Изучая отзывы выпускников Санкт-Петербургского университета МВД России, работающих в настоящее время участковыми уполномоченными полиции и имеющими стаж работы от одного года до четырех лет, мы получили сведения о достаточно длительной адаптации к полноценному «вхождению» в должность. Приобретение опыта, достаточного для выполнения своих служебных обязанностей, и умения свободно и уверенно ориентироваться во всем многообразии ситуаций в работе участкового уполномоченного полиции у многих опрошенных выпускников заняло два–три года. Как и слушатели по окончании преддипломной практики, работающие выпускники делали акцент на недостатках в практическом обучении по тем же направлениям деятельности: недостаточность обучения работе по рассмотрению обращений и приему граждан, недостаточность участия в мероприятиях по профилактике правонарушений, несущественный опыт участия в рассмотрении дел об административных правонарушениях, раскрытии преступлений, отсутствие опыта в мероприятиях по осуществлению розыска лиц.

В связи с этим представляется необходимым проводить оценку прохождения преддипломной практики комплексно, разделяя практическую подготовку на отдельные модули «предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности» [10] по каждому направлению

деятельности участкового уполномоченного полиции. Как пример возможно построить схему оценок по следующим практическим направлениям:

- участие в несении службы на административном участке;
- работа по рассмотрению обращений и приему граждан, проживающих на обслуживаемом административном участке;
- работа по рассмотрению дел об административных правонарушениях и раскрытию преступлений;
- проведение индивидуальной профилактической работы;
- проведение иных мероприятий по профилактике правонарушений;
- осуществление мероприятий по розыску лиц.

Одна из оценок эффективности практического обучения слушателей во время преддипломной практики напрямую зависит от полноты выполнения тех практических мероприятий, которые лежат в основе служебной деятельности участковых уполномоченных полиции. Таким образом мы можем сделать вывод о прямой необходимости для обучающихся в выполнении ими обязанностей по их будущим специализациям, предусмотренных должностными регламентами и другими нормативными правовыми актами в максимальном объеме во время прохождения преддипломных практик.

Второй критерий. Соответствие результатов практического обучения необходимым компетенциям. Согласно требованиям ФГОС ВО специалитет по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» и бакалавриат по направлению подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка» у выпускников должны быть сформированы универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, установленные программами специалитета или бакалавриата.

В соответствии с частью 2 статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», профессиональные компетенции разрабатываются самими образователь-

ными организациями МВД России и определяются на «основе квалификационных требований к военно-профессиональной подготовке, специальной профессиональной подготовке выпускников, устанавливаемых федеральным государственным органом, в ведении которого находятся соответствующие организации» [11]. Соответственно, профессиональные компетенции, разрабатываемые на основе требований нормативно-правовых актов МВД России, должны включать в себя и перечень должностных обязанностей, предусмотренных по той или иной должности. И именно на основе этих обязанностей должна составляться «Программа производственной (преддипломной) практики».

Изучение программ производственной (преддипломной) практики ряда образовательных организаций высшего образования МВД России: Краснодарского университета МВД России, Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Санкт-Петербургского университета МВД России и Белгородского института МВД России имени И. Д. Путилина, разработанных для узкой специализации – деятельность участкового уполномоченного полиции – показало, что перечень профессиональных компетенций, включенных в эти программы полностью соответствует федеральным государственным образовательным стандартам и требованиям к специальной профессиональной подготовке выпускников, предъявляемым федеральным органом исполнительной власти – МВД России. Однако рабочие (индивидуальные) планы для практикантов, то есть фактическое содержание практики, не несут в себе всей полноты необходимых к практическому изучению мероприятий. При этом в ряде случаев профессиональной деятельности у участкового уполномоченного полиции, являющегося руководителем практики, в определенный промежуток времени могут и вовсе не возникнуть те конкретные и необходимые к практическому изучению слушателем ситуации. Соответственно, образовательными организациями должны быть предусмотрены гибкие пути решения

таких проблем с возможностью отработки необходимых заданий на нескольких административных участках, закрепленных за разными участковыми уполномоченными полиции.

Это означает, что пути овладения профессиональными компетенциями должны быть конкретными и лежать в русле не только теоретических знаний, но достигаться и закрепляться на практике, основываясь на принципе целостности изучаемого материала.

Третий критерий. Соответствие и наличие профессиональной и педагогической квалификации у руководителей практик в территориальных подразделениях МВД России. ФГОС ВО устанавливают кадровые требования к реализациям программ, и в образовательных организациях эти требования, безусловно, соблюдаются. Однако на руководителей практики территориальных органов МВД России данное требование не распространяется. Наиболее частой характеристикой является отсутствие психолого-педагогической подготовки наставников. По определению и традиционно наставники решают задачи практического обучения за счет собственного опыта, знания, практики. «Однако при работе с людьми опора только на личный опыт мало эффективна. Полезнее осмысливать его, опираясь на достижения в области обучения и воспитания» [12]. Загруженность сотрудников, текучесть кадров, некомплектованность должностей приводят к тому, что практиканты могут попасть еще и к недостаточно опытным сотрудникам. Это направление требует значительной работы по повышению квалификации или психолого-педагогической подготовке наставников, работающих с практикантами.

Четвертый критерий. Соответствие условий и возможностей материально-технической базы территориальных подразделений МВД России. Территориальные подразделения МВД России имеют отличия друг от друга не только на региональном уровне, но и на районном. Эти отличия проявляются как в имеющейся материально-технической базе, так и в складывающейся ситуации по

совершению и раскрытию правонарушений. Даже в пределах одного и того же региона участковые пункты полиции могут иметь различное оснащение средствами компьютерной техники, автотранспортом.

В случае направления обучающихся для прохождения практики в территориальные подразделения МВД России весьма часто наступают обстоятельства с неоднородным и неполным оснащением материально-техническими средствами различных подразделений, даже граничащих друг с другом.

Количество совершаемых правонарушений в сельской местности меньше количества правонарушений, совершаемых в городах- административных центрах, и гораздо меньше, чем в городах-мегаполисах, в которых наблюдается основной приток туристов и трудовых мигрантов, соответственно, объемы потенциальных возможностей по практическому изучению обязанностей участкового уполномоченного полиции могут быть разные.

Пятый критерий. Удовлетворенность практиканта результатами практики также рассматривалась нами в процессе экспериментальной работы. «Диагностика сформированности ПК осуществляется по анкетным данным <...> взаимооценке в группе и самооценке, а также по оценке наставников» [13]. Анализ отчетов и дневников практикантов до начала экспериментальной работы показал их разнообразие, зависящее от степени увлеченности практикантов делом, от условий их включения в более сложные виды работы. Структурирование требований (был дан определенный алгоритм отражения собственных наблюдений) показало, что отчеты стали менее формальными, стали служить самоанализу и анализу причин собственной успешности и пригодности к службе в выбранном направлении.

Шестой критерий – наличие рекомендаций по индивидуальному развитию интересов и способностей практикантов при замещении должностей – до настоящего времени разработан менее всего. Он требует большей психолого-педагогической подготовки и преподавателей, и, тем более,

наставников на местах. «Взаимодействие внешних и внутренних факторов профессионально-образовательного пространства, нелинейность и неравномерность профессионального развития личности порождают многообразие потенциальных траекторий становления и карьерных ориентаций» [14]. На наш взгляд рекомендации по индивидуальному развитию интересов должны оценочно учитывать степень личной подготовленности курсантов и слушателей на основе полученных теоретических знаний, мотивационную готовность, способность к самопознанию и саморазвитию, способность курсанта к проведению сравнительного анализа видов служебной деятельности с возможностью коррекции направления обучения или формирования своих стилевых особенностей без изменения направления подготовки [15]. В то же время потенциальные компетенции должны максимально соответствовать задачам и специфике административно-профилактической деятельности в системе МВД России, задавать приоритетные направления профессионального развития сотрудников полиции [16].

Таким образом, в процессе экспериментальной работы было внедрено оценивание по каждому из вышеописанных критериев. Анализ результатов позволил сделать следующие выводы.

Комплексное оценивание фактической готовности к самостоятельному несению службы должно происходить в несколько этапов.

Первый этап – теоретический, проходящий в образовательной организации МВД России и включающий в себя зачеты и экзамены теоретического характера по знанию нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность как сотрудников органов внутренних дел в целом, так и конкретизирующих профессиональную деятельность по направлениям подготовки.

Второй этап – практический и состоит в подготовке и практическом осуществлении профессиональной деятельности на протяжении длительного периода времени (до одного года) в территориальном подразделении МВД России, под руководством

наставника. Подбирается территориальный орган МВД России с необходимой материально-технической базой и наставники, имеющие нужную квалификацию. Важное значение на этом этапе имеет возможность назначения практикантов помощниками или стажерами по соответствующим должностям с наделением их процессуальными правами, обязанностями и ответственностью.

Третий этап – заключительный, включающий в себя комплексную оценку результатов теоретической и практической подготовки, по итогам которой комиссией, состоящей из сотрудников образовательной организации МВД России и территориальных подразделений МВД России, принимается решение о допуске выпускников к самостоятельному выполнению служебных обязанностей и назначении их на должности по профилям подготовки.

Завершая рассмотрение проблемы, можно заключить следующее: комплексная оценка готовности выпускников к практической деятельности по замещаемой должности должна включать в себя совокупность оценочных действий нескольких субъектов. Заключительным этапом такого комплекса является итоговый экзамен на основе выполнения практических обязанностей по должности, на которую претендует выпускник после окончания обучения и направления в территориальные подразделения МВД России. Срок прохождения преддипломной практики необходимо увеличить с одновременным назначением практикантов на должности, соответствующие направлениям обучения, с сохранением института наставничества, предоставлением процессуальных прав, возложением обязанностей и определением степени ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2022).
2. Фомин В. И. Использование модели комплексной оценки результатов обучения специалиста в логике компетентностного подхода // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1 (13). С. 161–163.
3. Варламов А. С. Оценка качества сформированности профессиональных умений курсантов в процессе изучения специальных дисциплин / А. С. Варламов, Д. В. Изосимов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 79-4. С. 21–31. DOI 10.18411/trnio-11-2021-144.
4. Категорская Т. П. Инновационный подход к системе оценки качества профессионально-практической подготовки студентов вузов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 12 (60). С. 107.
5. Сарченко В. И. Методический подход к оценке качества профессиональной подготовки выпускников вузов в формате компетентностного подхода / В. И. Сарченко, Т. П. Категорская // Фундаментальные исследования. 2015. № 8-1. С. 203–209.
6. Шапошникова Т. Л. Критерии и уровни успешности прохождения студентом производственной практики / Т. Л. Шапошникова, Т. Н. Шабанова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 10 (143). С. 66–72.
7. Зеер Э. Ф. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 23–30.
8. Зубков Д. А. Квалиметрический подход при оценивании профессиональных компетенций студентов вуза / Д. А. Зубков, Т. В. Фендель, И. И. Льюлько // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 1 (3). С. 97–99.
9. Озеров И. Н. Формирование практики реализации аккредитационных требований и условий материально-технического обеспечения образовательных программ при практико-ориентированном обучении сотрудников органов внутренних дел (на материалах Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина) / И. Н. Озеров, А. Н. Александров, Е. В. Клыкова // Государственная аккредитация: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов сотрудников Национального аккредитационного агентства в сфере образования и экспертов в области проведения государственной

аккредитации образовательного учреждения и научной организации, Москва, 17–18 апреля 2020 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальное аккредитационное агентство в сфере образования», 2020. С. 244–256.

10. Орленко С. В. Формы и методы практического обучения в учреждениях образования на примере модульного обучения / С. В. Орленко, А. Ф. Быстрянец // Актуальные проблемы практического обучения: материалы Международной научно-методической конференции, Могилев, 11 апреля 2014 года. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2014. С. 138–140.

11. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598.

12. Полицейская педагогика: теория и практика: монография / А. С. Душкин, Н. Ф. Гейжан, А. А. Кочин [и др.]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. 168 с.

13. Калинин С. В. Формирование профессиональных компетенций сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России / С. В. Калинин, В. А. Морозов, Б. А. Федулов. Барнаул: Барнаулский юридический институт МВД России, 2019. 140 с.

14. Зеер Э. Ф. Персонализированная учебная деятельность обучающихся как фактор их подготовки к профессиональному будущему // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 1 (44). С. 104–114. DOI 10.24412/2307-4264-2021-01-104-114.

15. Бутиков А. И. Проведение практик в образовательных организациях МВД России, с учетом индивидуальных особенностей будущих специалистов // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 октября 2021 года / под общей редакцией А. С. Душкина, Н. Ф. Гейжан; сост.: А. В. Демидов, М. Г. Баринаова, Ю. А. Новикова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 50–55.

16. Пряхина М. В. Технология разработки профилей профессиональных компетенций сотрудников полиции, осуществляющих административно-профилактическую деятельность / М. В. Пряхина, А. С. Душкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57). С. 227–233.

REFERENCES

1. On the approval of the Procedure for organizing personnel training for filling positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 5, 2018 No. 275 // RLS «ConsultantPlus» (date of access: 04.10.2022). (In Russ.)

2. Fomin V. I. Using a model of a comprehensive assessment of the results of training a specialist in the logic of a competency-based approach. The world of science, culture, education. 2009. No. 1 (13). P. 161–163. (In Russ.)

3. Varlamov A. S., Izosimov D. V. Evaluation of the quality of formation of professional skills of cadets in the process of studying special disciplines / A. S. Varlamov, D. V. Izosimov // Trends in the development of science and education. 2021. No. 79-4. P. 21–31. DOI 10.18411/trnio-11-2021-144. (In Russ.)

4. Kategorskaya T. P. Innovative approach to the system for assessing the quality of professional and practical training of university students // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2013. No. 12 (60). P. 107. (In Russ.)

5. Sarchenko V. I. Methodological approach to assessing the quality of professional training of university graduates in the format of a competency-based approach / V. I. Sarchenko, T. P. Kategorskaya // Fundamental research. 2015. No. 8-1. P. 203–209. (In Russ.)

6. Shaposhnikova T. L. Criteria and levels of success of a student in an internship / T. L. Shaposhnikova, T. N. Shabanova // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2019. No. 10 (143). P. 66–72. (In Russ.)

7. Zeer E. F. Competence-based approach to the modernization of vocational education / E. F. Zeer, E. E. Symanyuk // Higher education in Russia. 2005. No. 4. P. 23–30. (In Russ.)

8. Zubkov D. A. Qualimetric approach in assessing the professional competencies of university students / D. A. Zubkov, T. V. Fendel, I. I. Lyulko // Actual directions of scientific research: from theory to practice. 2015. No. 1 (3). P. 97–99. (In Russ.)

9. Ozerov I. N. Formation of the practice of implementing accreditation requirements and conditions for the logistics of educational programs in practice-oriented training of employees of internal affairs bodies (on the materials of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin) / I. N. Ozerov, A. N. Alexandrov, E. V. Klykova // State accreditation: yesterday, today, tomorrow: a collection of scientific papers by employees of the National Accreditation Agency in the field of education and experts in the field of state accreditation of an educational institution and scientific organization, Moscow, April 17–18, 2020. Moscow: Federal State Budgetary Institution «National Accreditation Agency in Education», 2020. P. 244–256. (In Russ.)
10. Orlenko S. V. Forms and methods of practical training in educational institutions on the example of modular training / S. V. Orlenko, A. F. Bystryantsev // Actual problems of practical training: materials of the International scientific and methodological conference, Mogilev, April 11, 2014 of the year. Mogilev: Educational Institution «Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», 2014. P. 138–140. (In Russ.)
11. On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53. Art. 7598. (In Russ.)
12. Police pedagogy: theory and practice: monograph / A. S. Dushkin, N. F. Geyzhan, A. A. Kochin [and others]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. 168 p. (In Russ.)
13. Kalinin S. V., Morozov V. A., Fedulov B. A. Formation of professional competencies of police officers in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. 140 p. (In Russ.)
14. Zeer E. F. Personalized educational activity of students as a factor in their preparation for a professional future // Vocational education and labor market. 2021. No. 1 (44). P. 104–114. DOI 10.24412/2307-4264-2021-01-104-114. (In Russ.)
15. Butikov A. I. Conducting practices in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, taking into account the individual characteristics of future specialists // Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice: materials of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, October 29 2021 / edited by A. S. Dushkin, N. F. Geyzhan; compiled by: A. V. Demidov, M. G. Barinova, Yu. A. Novikova. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. P. 50–55. (In Russ.)
16. Pryakhina M. V. Technology for the development of profiles of professional competencies of police officers engaged in administrative and preventive activities / M. V. Pryakhina, A. S. Dushkin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 1 (57). P. 227–233. (In Russ.)

Информация об авторах:

Бутиков А. И., без ученой степени;
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор.

Information about the authors:

Butikov A. I., no academic degree;
Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogy, Professor.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2022; одобрена после рецензирования: 26.04.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 14.04.2022; approved after reviewing: 26.04.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

Научная статья
УДК 378.635.09(470)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Олег Петрович Карнаухов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, karnauhov.oleg@bk.ru

Аннотация. Актуальность темы определяется необходимостью совершенствования профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел. Это связано с остающимся не допустимым количеством противоправных проявлений как в отношении сотрудников ОВД (полиции), в том числе причинений телесных повреждений при исполнении служебных обязанностей, так и со стороны самих сотрудников в отношении граждан. В статье представлено авторское видение ключевых моментов образовательного процесса подготовки сотрудников ОВД. Отмечены недостатки современного этапа профессиональной подготовки сотрудников ОВД. Отражаются преимущества отечественного опыта в методике проведения занятий, в частности, для первоначальной подготовки лиц, впервые принятых на службу в ОВД. Обосновывается методика проведения поэтапной подготовки обучающихся, важную роль в которой занимает демонстрация необходимых действий сотрудников ОВД при выполнении задач с последующими оценочными суждениями. Даются общие и конкретные рекомендации, необходимые для совершенствования образовательного процесса по наиболее актуальным вопросам, связанным с применением мер принуждения сотрудниками ОВД.

Ключевые слова: совершенствование профессиональной подготовки, профессиональная готовность полиции, трехэтапная система, применение административных мер принуждения.

Для цитирования: Карнаухов О. П. Актуальные вопросы совершенствования профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 159–163.

Original article

CURRENT ISSUES OF IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL TRAINING OF PERSONNEL OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Oleg P. Karnaukhov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Barnaul, Russia, karnauhov.oleg@bk.ru

Abstract. The relevance of the topic is determined by the need to improve the professional training of personnel of internal affairs bodies. This is due to the remaining unacceptable number of unlawful manifestations both in relation to police officers, including bodily harm in the performance of official duties, and by the employees themselves in relation to citizens. The article presents the author's vision of the key aspects of the educational process of training police officers. The drawbacks of the current stage of professional training of police officers are noted. The advantages of domestic experience in the methodology of conducting classes, in particular, for initial training, are reflected for persons first recruited into the service in the police department. The methodology for the stage-by-stage training of students is substantiated, an important role in which is played by the demonstration of the necessary actions of the police officers when performing tasks with subsequent value judgments. General and specific recommendations are given that are necessary to improve the educational process on the most pressing issues related to the use of coercive measures by police officers.

Keywords: improvement of professional training, professional readiness of the police, three-stage system, application of administrative coercive measures.

© Карнаухов О. П., 2022

For citation: Karnaukhov O. P. Current issues of improvement of professional training of personnel of the internal affairs bodies // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 159–163.

В современных условиях остается актуальным решение задачи по повышению эффективности подготовки профессиональных кадров в ОВД. Неслучайно вопросы, связанные с повышением профессиональной готовности, были затронуты в речи Президента на расширенном заседании коллегии МВД России 2021 года [1], а также присутствуют в концептуальных нормативных правовых актах МВД России [2].

Необходимо учитывать, что в соответствии с законодательством [3] основной критерий оценки деятельности полиции отражается через призму общественного мнения. Так, значительная доля показателей все еще свидетельствует о посредственной или негативной оценке деятельности полиции частью населения.

Информация о недостатках работы сотрудников полиции остается предметом общественной и научной дискуссии. О проблемах в данной сфере свидетельствуют факты гибели, ранений сотрудников полиции в период исполнения служебных обязанностей и высокое количество возбужденных уголовных дел по ст. ст. 318–319 УК РФ. Из обзоров ГУ МВД России по Алтайскому краю, например, «О профилактике чрезвычайных происшествий» [4, с. 3–4] следует, что количество таких случаев в 2018–2020 гг. росло и оставалось относительно высоким. К сожалению, такая тенденция характерна и для других регионов России [5, с. 53–60].

Такие проблемы не редко объясняются низким уровнем профессионализма, некомпетентностью сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) [4]. Это говорит о нерешенных проблемах в системе МВД России и соответственно ее важной составляющей – профессиональной подготовке кадров ОВД. В ходе реформирования не были решены накопившиеся старые проблемы и дополнительно появились новые.

При опросе и анкетировании слушателей, обучающихся в Барнаульском юридическом институте МВД России из Алтайского

края, Кемеровской области, республики Алтай и других регионов, из обзоров, представленных МВД России за 2017–2021 годы, средствами массовой информации, не трудно сделать заключение о том, что сотрудникам приходится нести службу нередко в сложных условиях. Так, при выполнении служебных задач им приходится сталкиваться с неадекватной реакцией, противоправной агрессией ряда граждан, нередко граничащих с угрозой здоровью и жизни. Во время подготовки данной публикации в Алтайском крае при исполнении служебных обязанностей был убит и сожжен в своем автомобиле участковый уполномоченный полиции (далее – УУП) [6]. Сотрудники строевых наружных подразделений полиции, УУП и другие сотрудники, непосредственно связанные с предупреждением, пресечением и раскрытием правонарушений, должны быть более подготовлены к выполнению задач, связанных с применением мер принуждения. Как правило, УУП приходится нести службу без поддержки напарников. При недостаточной готовности появляется риск в экстремальной ситуации сработать не эффективно, что может привести к отрицательным, необратимым последствиям, в связи с чем возникают заключения граждан о том, что сотрудники правоохранительных органов не редко не могут защитить даже себя [7].

К сожалению, ряд положительных отечественных методик, наработанных многолетней практикой образовательных организаций МВД России, в частности ориентированных на подготовку лиц, впервые принимаемых в ОВД, были утрачены и заменены новыми требованиями неоднократных программных изменений за последние годы. Речь идет и о модульном обучении практических занятий, проводимых одновременно преподавателями различных циклов (специальных дисциплин, огневой и физической подготовки и др.). Несомненно, проводимые неформально специалистами

различных дисциплин, такие занятия давали положительный эффект. Поурочная форма имела достаточные преимущества, когда преподаватель проводил опрос по предыдущей теме, раскрывал новую, а в конце занятия проводил по ней опрос на закрепление материала, проверяя обратную связь о его усвоении слушателями. В настоящее время в часто меняющихся требованиях к методическому обеспечению учебных программ не хватает стабильности и определенности. Учебные программы меняются достаточно часто. В условиях пандемии стала активно функционировать дистанционная форма обучения, в том числе по первоначальной подготовке. Как представляется, достаточно сложно подготовить слушателя (курсанта) необходимым умениям и навыкам по вопросам прикладных дисциплин, в частности боевым приемам борьбы, стрельбы из табельного оружия в дистанционной форме обучения, которая продолжают действовать. На занятиях, насыщенных темами различных дисциплин, для категории первоначальной подготовки, впервые принятых на службу в ОВД, не всегда усматривается связь с практической направленностью обучаемых. В разделах по многим актуальным темам в большей части присутствуют лишь практические занятия и семинары. Вероятно, разработчики программ рассчитывают на высокую сознательность обучающихся, способных самостоятельно изучать комплекс необходимых нормативных актов и прибывать подготовленными на практическое занятие. Соответственно с данным вопросом связана еще одна проблема – недостаточный отбор обучающихся на различных стадиях (от принятия стажера на службу в ОВД, в образовательную организацию МВД России до конца обучения). Как представляется, эта проблема обусловлена другой – кадровой текучестью и некомплектом, что связано с актуальными вопросами, в частности, высокими требованиями по службе и недостаточными социальными и правовыми гарантиями ее сотрудников.

Основы профессиональной подготовки (готовности) должны закладываться в

образовательной деятельности в системе образования МВД России для курсантов, слушателей поэтапно. Условно они должны реализовываться в три этапа:

1) формирование знаний по правовым, тактическим основам;

2) формирование умений, например, при решении практических ситуаций, задач, где нужно теоретически представить наиболее оптимальные ответы, при дополнении коллег, преподавателя;

3) формирование умения продемонстрировать, как будет выполняться тот или иной алгоритм действий.

Важно учиться ускоряться, не допуская при этом ошибок. Как раз здесь и будут закладываться необходимые навыки, о которых часто упоминается в разделах о компетенциях.

Существенно, что деятельность без последовательной отработки каждого этапа не должна переходить к последующему. Такая схема актуальна при изучении тем, связанных с государственными мерами принуждения, в частности специальными мерами пресечения (применение огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы). Отработка таких алгоритмов в различных ситуациях с составлением соответствующих служебных, административных материалов, при возможности с приглашенными практическими сотрудниками территориальных органов, имевшими положительный опыт, будет интересным занятием, значение которого трудно переоценить. Важно, что любой этап будет успешным лишь при соблюдении строгой дисциплины, а третий – при выполнении требований мер необходимой безопасности. Именно здесь будут формироваться умения в применении методов убеждения (коммуникативной и творческой активности) и принуждения (когда первое исчерпано). Однако, как правило, третьему этапу не уделяется должного внимания, вероятно, потому что предполагается, что в практической деятельности в нужный момент сотрудник должен правильно сориентироваться сам. Полагаем, что лишь правильные, неоднократные повторения

могут сформировать умение действовать автоматически. Также силовые элементы применения физической силы, спецсредств должны отрабатываться на сопротивляющемся условном противнике, а не на «подыгрывающем» напарнике. В противном случае может создаваться ложное впечатление о готовности сотрудника реально противостоять сопротивляющемуся правонарушителю. Естественно, что правильно наработанная способность выполнять те или иные приемы без последующих тренировок приведет к их постепенному аннулированию, что не редко происходит, когда слушатели покидают образовательные организации.

Таким образом, трехэтапная (ступенчатая) профессиональная система подготовки может работать даже в условиях учебных аудиторий, без соответствующих полигонов. Для решения указанных вопросов необходимо создание стабильности, благоприятных условий для несения службы и профессиональной подготовки личного состава.

Давно назрела необходимость подготовки и издания для обучающихся, преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников практических органов методических рекомендаций для однозначного толкования и применения административных мер принуждения. Более актуальны вопросы, касаю-

щиеся специальных мер пресечения. Целесообразно подготовить алгоритмы действий сотрудника ОВД в различных ситуациях, одобренные органами, осуществляющими контроль и надзор за деятельностью ее сотрудников, – прокуратурой, Следственным комитетом [8, с. 58]. За основу таких алгоритмов целесообразно брать и использовать положительный отечественный и зарубежный опыт, накопленный десятилетиями, в том числе ряд тактических научных разработок А. И. Каплунова [9, с. 201–218]. Необходимы подробные обзоры из практической деятельности по вышеуказанным вопросам с анализом и оценкой для соответствующего ориентирования личного состава с целью внедрения положительного опыта, а также использования положительного отечественного и зарубежного опыта. Среди приоритетных задач в сфере профессиональной подготовки необходимо выделять именно те, которые соответствуют современным потребностям служебной деятельности. Одним из важных направлений кадровой политики МВД России в сфере профессиональной подготовки должно быть создание условий, обеспечивающих формирование и совершенствование профессиональной готовности ее сотрудников к защите прав и свобод граждан от противоправных посягательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 15.02.2022).
2. Концепция кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел (на период до 2020 г.). URL: https://17.мвд.пф/служба/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovaj_politiki_Ministerstv. Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020–2023 годы: приказ МВД России от 30 марта 2020 г. № 191 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2021).
3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2021).
4. О профилактике чрезвычайных происшествий: обзор ГУ МВД России по Алтайскому краю. № 1/9638. 22 декабря 2020.
5. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2020 год: Сборник аналитических и информационных материалов. М.: ДГСК МВД России, 2021. 72 с.
6. В Барнауле убили и сожгли участкового полицейского // Вести Алтай. URL: https://yandex.ru/news/story/VBarnaule_ubili_i_sozhgli_uchastkovogo_policejskogo (дата обращения: 15.02.2022).

7. Полиция боится бить и не умеет стрелять // Новостной портал «Газета. ру». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/09/12/10885490.shtml> (дата обращения: 15.02.2022).

8. Карнаухов О. П. Отдельные вопросы и перспективы совершенствования правовой защищенности сотрудников полиции при применении огнестрельного оружия // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 55–59.

9. Каплунов А. И. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика: монография. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2018. 260 с.

REFERENCES

1. Extended meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (date of access: 02.15.2022). (In Russ.)

2. The concept of the personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the internal affairs bodies (for the period up to 2020). URL: https://17.mvd.rf/slujba/Gosudarstvennaja_grazhdanskaja_sluzhba/Koncepcija_kadrovoj_politiki_Ministerstv. On the approval of the Concept for the development of the service of district police officers of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2020–2023: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 30, 2020 No. 191 // RLS «ConsultantPlus» (date of access: 15.07.2021). (In Russ.)

3. On the police: federal law of February 7, 2011 No. 3-FZ // RLS «ConsultantPlus» (date of access: 07.15.2021). (In Russ.)

4. On the prevention of emergencies: a review of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory. No. 1/9638. December 22, 2020. (In Russ.)

5. Information on the state of work with the personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2020: Collection of analytical and information materials. M.: DGSK MIA of Russia, 2021. 72 p. (In Russ.)

6. A local policeman was killed and burned in Barnaul // Vesti Altai. URL: https://yandex.ru/news/story/VBarnaule_ubili_i_sozhgli_uchastkovogo_policejskogo (date of access: 02.15.2022). (In Russ.)

7. The police are afraid to beat and do not know how to shoot // News portal «Gazeta.ru». RU». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/09/12/10885490.shtml> (date of access: 02.15.2022). (In Russ.)

8. Karnaukhov O.P. Some issues and prospects for improving the legal protection of police officers when using firearms // Altai Legal Bulletin. 2021. No. 2 (34). P. 55–59. (In Russ.)

9. Kaplunov A. I. The use of firearms by police officers: legislation, theory and practice: monograph. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 260 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.12.2021; одобрена после рецензирования: 30.03.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 05.12.2021; approved after reviewing: 30.03.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

ПОТРЕБНОСТИ СЛУЖЕБНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ РОСГВАРДИИ РОССИИ В НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Анатолий Петрович Шарухин¹, Сергей Юрьевич Шимко²

¹ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, apsha@yandex.ru

² Научный центр стратегических исследований Росгвардии,
Москва, Россия, syshim@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются: актуальность темы, связанная с возникшим противоречием – потребностью войск национальной гвардии в эффективной подготовке и отсутствием научно обоснованного педагогического обеспечения служебно-боевой деятельности военнослужащих и сотрудников; цель – обоснование необходимости разработки и концепции учебника «Служебно-боевая педагогика» нового поколения. Приводятся статистические данные, доказывающие наличие противоречия. Показана теоретико-методологическая функция учебника применительно к служебно-боевой деятельности войск. Излагается структурная организация учебника: часть 1 – служебно-боевая педагогика войск национальной гвардии Российской Федерации как наука и учебный предмет; часть 2 – командир воинской части (подразделения) Росгвардии в системе педагогических отношений; часть 3 – передовой опыт решения учебно-воспитательных задач. Рассматриваются инновационные стороны будущего учебника: каждая глава заканчивается контрольными вопросами и учебными практическими задачами для самообразовательной деятельности; учебник будет иметь два формата: традиционный и электронный.

Ключевые слова: служебно-боевая деятельность, теоретико-методологическое обоснование, педагогическое обеспечение, служебно-боевая педагогика, концепция учебника, функция учебника, особенности учебника.

Для цитирования: Шарухин А. П., Шимко С. Ю. Потребности служебно-боевой деятельности воинских частей Росгвардии в научно-методическом обеспечении // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 164–171.

Original article

THE NEEDS OF THE SERVICE AND COMBAT ACTIVITIES OF THE MILITARY UNITS OF THE RUSSIAN GUARD IN THE SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL SUPPORT

Anatoly P. Sharukhin¹, Sergey Y. Shimko²

¹ Saint-Petersburg military Zhukov's Order Institute of the National Guard Troops
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, apsha@yandex.ru.

² Scientific Center for Strategic Studies of the Russian Guard, Moscow, Россия, syshim@yandex.ru

Abstract. The article reveals: the relevance of the topic is related to the contradiction that has arisen – the need of the National Guard troops for effective training and the lack of scientifically based pedagogical support for the service and combat activities of military personnel and employees; the purpose is to justify the need to develop and concept the textbook «Service and combat pedagogy» of a new generation. Statistical data proving the existence of a contradiction are presented. The theoretical and methodological function of the textbook in relation to the service and combat activities of the troops is shown. The structural organization of the textbook is described: part 1 – service and combat pedagogy of the National Guard troops of the Russian Federation as a

science and educational subject; part 2 – the commander of a military unit (unit) of the of the Russian Guard in the system of pedagogical relations; part 3 – best practices in solving educational tasks. The innovative aspects of the future textbook are considered: each chapter ends with control questions and educational practical tasks for self-educational activities; the textbook will have two formats: traditional and electronic.

Keywords: service and combat activity, theoretical and methodological justification, pedagogical support, service and combat pedagogy, the concept of the textbook, the function of the textbook, the features of the textbook.

For citation: Sharukhin A. P., Shimko S. Y. The needs of the service and combat activities of the military units of the Russian guard in the scientific-methodological support // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 164–171.

Войска национальной гвардии отметили свой 5-летний юбилей ростом боевой готовности, значительными достижениями в решении служебно-боевых задач, совершенствованием организационной структуры и системы управления, повышением качества кадрового потенциала и социально-правовой защищенности военнослужащих и сотрудников, наращиванием технического оснащения и тылового обеспечения, укреплением воинской и служебной дисциплины и многими другими успехами. Активное противодействие терроризму и экстремизму позитивно сказалось на обеспечении безопасности населения и гостей страны, всего российского общества и государства. У российских граждан появляется все больше поводов для гордости своей национальной гвардией, а у военнослужащих и сотрудников закрепляется уверенность в возможности успешного решения самых сложных задач.

Понятно, что сложившиеся позитивные тенденции должны быть не только сохранены, но им должен быть придан новый импульс развития. При этом внимание следует сконцентрировать на качественных параметрах совершенствования войск.

Однако возникает вопрос: где искать потенциал прогрессивных изменений? Ответ на него очевиден: прежде всего в научном обеспечении деятельности войск, укреплении связи науки и служебно-боевой практики. Касаться эти связи должны всех аспектов жизни войск: от сложнейших духовно-нравственных до простейших поведенческих.

Важность данного положения обусловлена тем, что история знает немало приме-

ров того, как неполное использование потенциала науки или (еще хуже) отказ от его использования (по причинам то ли недостаточного опыта или научной некомпетентности, то ли отсутствия воли или волюнтаризма и др.) тормозили достижение желаемых целей, создавали почти непреодолимые преграды в поиске оптимальных путей развития не только каких-либо сторон жизни общества, но и всей страны.

Для войск национальной гвардии, выполняющих задачи обеспечения общественной и государственной безопасности, защиты прав и свобод личности, разрыв между наукой и практикой недопустим. Особенно значимо данное положение в ситуации нарастающего геополитического напряжения, отражающегося на общественно-политической жизни внутри страны.

Войска должны быть не только сформированы организационно, хорошо оснащены технически, непрерывно управляемы, но и отличаться высокой моральной энергией и профессионализмом, государственным патриотизмом (в основе которого – постановка на первое место государственных интересов как формы проявления военнослужащим и сотрудником любви к Отечеству), дисциплинированностью и достаточным уровнем общей культуры, то есть быть надежными в нравственном, профессиональном, законопослушном, культурном отношении.

Комплекс названных характеристик, проявляющихся в соответствующих качествах личности военнослужащего и сотрудника, определяется Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, Общевоинскими уставами Вооруженных

сил Российской Федерации и другими нормативными документами, регламентирующими жизнедеятельность войск. Именно эти характеристики/качества выступают базисом моральной, профессиональной и психологической готовности военнослужащих и сотрудников выполнить поставленную служебно-боевую задачу качественно, беспрекословно и в срок.

Следовательно, эти базисные личностные качества военнослужащего и сотрудника (назовем их еще раз: нравственная надежность, состоящая из воинского/служебного долга, чести, ответственности и мужества; государственный патриотизм, как готовность во имя Отечества во что бы то ни стало выполнить поставленную служебно-боевую задачу даже ценой своей жизни; профессиональная надежность, как способность с наивысшим качеством выполнять поставленные служебно-боевые задачи в различных условиях обстановки; законопослушность, проявляющаяся в безусловном соблюдении законов в процессе выполнения служебно-боевых задач; культурно-эстетическая развитость, связанная с осознанием красоты служебно-боевой деятельности, традиций и ритуалов войск, формы одежды, техники, оружия и др., а также с соблюдением правил общего и служебного этикета) образуют его идеальную модель, которая, в свою очередь, выступает в виде педагогических целей (целей воспитания и обучения личного состава с учетом должностного предназначения).

Когда цели ясны, далее на прочной теоретико-методологической основе проектируется научно обоснованная методическая система их достижения. Но именно здесь и начинаются проблемы, выраженные в существовании парадоксальной ситуации: при огромной потребности в теоретико-методологическом фундаменте, на котором строятся системы обучения и воспитания личного состава, он на сегодняшний день отсутствует. Об этом говорят следующие факты.

Вопросами научно обоснованной организации обучения и воспитания военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации, для которых ведущей выступает

воинская деятельность, направленная на вооруженную защиту государства и неприкосновенность ее территории, занимается военная педагогика [1]. Научным обоснованием организации учебно-воспитательного процесса в органах внутренних дел Российской Федерации, служебная деятельность которых починена задаче защиты жизни и здоровья, прав и свобод человека посредством борьбы с преступностью на территории Российской Федерации, занимается полицейская педагогика [2]. Что касается войск национальной гвардии Российской Федерации, то они по какой-то причине остались без разработанной методологии и теории обучения и воспитания военнослужащих и сотрудников. Если для внутренних войск была подготовлена фундаментальная монография [3], которая должна была стать основой подготовки учебника, то для Росгвардии ничего подобного пока нет, за исключением учебного пособия, подготовленного в 2020 году «Воспитание военнослужащих и сотрудников подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации» [4], которое не может закрыть всю образовавшуюся «научную брешь». Конечно, научная работа не стоит на месте: осуществляются диссертационные исследования [5; 6 и др.], готовятся научные статьи [7; 8; 9; 10], проводятся научные конференции. И все же концентрированно-обобщающего педагогического труда, выполняющего теоретико-методологическую функцию и раскрывающего современные подходы к научной организации учебно-воспитательного процесса в воинских частях (соединениях) Росгвардии (по аналогии с базисными учебниками в других педагогических сферах «Педагогика», «Военная педагогика», «Полицейская педагогика»), не имеется.

Отсутствие разработанной теоретико-методологической базы педагогического обеспечения служебно-боевой деятельности войск негативно сказывается и на содержании нормативных документов, регламентирующих процессы обучения и воспитания войск. Проведенная автором экспертиза документов, посвященных вопросам мораль-

но-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности военнослужащих и сотрудников в рамках научно-исследовательской работы и подготовки учебника по педагогике для войск национальной гвардии, свидетельствует о том, что в них не учитываются современные выводы и рекомендации педагогической науки, а содержание в значительной степени противоречиво. Все это отражается на практике подготовки кадров. В частности, только около 5 % из более тысячи офицеров, прошедших курсы усовершенствования по дополнительным программам подготовки заместителей командиров рот, батальонов, ОМОН по работе с личным составом, изначально смогли сказать, что такое воспитание, приблизительно понимали его «механизмы» и что представляет собой целостная, инновационная система воспитания личного состава подразделения. В свое оправдание практически все выдвигали один аргумент: в нормативных документах про это ничего не говорится.

Естественно, данный факт не умаляет значения той большой и в целом плодотворной работы, которая организована и проводится в войсках по морально-психологическому обеспечению служебно-боевой деятельности войск. Однако мы говорим о необходимости дальнейшего движения вперед, повышении эффективности воспитания военнослужащих и сотрудников. Для этого и необходима постановка всей организационно-педагогической работы на научные рельсы. В то же время вызывает недоумение такая организация подготовки нормативных документов, при которой юридическая экспертиза документов проводится, а педагогическая экспертиза отсутствует, хотя по своему содержанию они, прежде всего, педагогические, так как регламентируют процессы воспитания военнослужащих и сотрудников.

Следует отметить, что правила разработки документов, связанных с регламентацией вопросов обучения и воспитания личного состава войск, не меняются уже давно. Однако опыт разработки Общевоинских уставов Вооруженных сил Российской Фе-

дерации свидетельствует о необходимости привлечения компетентных ученых-педагогов к решению экспертных задач.

Если подводить сказанному промежуточный итог, то надо заключить, что назрела необходимость разработки базового учебника по педагогике для войск национальной гвардии Российской Федерации. Учебника, который стал бы теоретико-методологической основой для научной (непротиворечивой) организации обучения и воспитания военнослужащих и сотрудников.

Каким должен быть базовый учебник по педагогике для войск национальной гвардии? Концепция учебника должна исходить из следующих положений.

Создание войск национальной гвардии и возложение на них задач, отличающихся от тех, которые решали внутренние войска и решают части и соединения Министерства обороны Российской Федерации, а также органы внутренних дел Российской Федерации, требуют разработки целостной теории обучения и воспитания военнослужащих и сотрудников с учетом миссии войск национальной гвардии Российской Федерации – обеспечение безопасности общества и государства, защита прав и свобод человека и гражданина. Специфика служебно-боевой деятельности задает педагогический тренд, который может быть назван «Служебно-боевая педагогика войск национальной гвардии Российской Федерации».

К новизне учебника следует отнести то, что обоснование педагогических систем подразделений, воинских частей и территориальных органов должно быть изложено с позиций антропоцентрической парадигмы. Это означает, что в создаваемой инновационной педагогической системе подразделения (воинской части и территориального органа) военнослужащий и сотрудник должны выступать не как объект воздействия, а как субъект педагогического (учебно-воспитательного) взаимодействия, имеющий свой жизненный опыт и стремящийся достойно самореализоваться в новой для себя системе отношений. Смысл педагогического мастерства командиров и других начальников

состоит в раскрытии и развитии лучших сторон подчиненного как субъекта служебно-боевой деятельности, личности и индивидуальности. При этом обучение не является процессом, обособленным от воспитания. Оно логически включается в систему воспитания, выступает важным его компонентом, одним из основных механизмов и инструментов, обеспечивающих формирование и развитие различных сторон военнослужащих и сотрудников (физической, мотивационной, компетентностной, интеллектуально-творческой, волевой и др.).

Обязательным условием эффективной организации учебно-воспитательного процесса выступает реализация педагогического потенциала культурно-средовых условий и различных видов деятельности военнослужащих и сотрудников (боевой, оперативной, служебной, учебной, культурно- и спортивно-досуговой, бытовой, общественной, внутриколлективной). Венцом концепции выступает модель педагогической деятельности командира подразделения, воинской части, территориального органа Росгвардии, отличающейся высоким педагогическим мастерством, реализующей современные педагогические стратегии и обеспечивающей эффективное решение учебно-воспитательных задач.

Учебник должен быть предназначен в первую очередь для офицеров подразделений, воинских частей и территориальных органов, преподавателей, адъюнктов и курсантов военных институтов Росгвардии.

Ядро концепции учебника должна составлять идея о том, что для успешного решения усложняющихся задач в войсках должны быть созданы педагогические системы, построенные на принципах эффективности, качества и инновационного развития (не секрет, что эффективность существующих педагогических систем в подразделениях, воинских частях и территориальных органах не всегда соответствует ожиданиям, которые исходят от служебно-боевой практики; причина кроется, как правило, не в самих системах, а в отсутствии передовой педагогической теории, которая помогла бы практике сделать

значительный шаг вперед). Инновационный учебно-воспитательный процесс является следствием функционирования педагогической системы, обладающей инновационными признаками и обеспечивающей успешное формирование и развитие каждого военнослужащего и сотрудника как:

- субъекта эффективной служебно-боевой, учебной и других видов деятельности;
- нравственно и профессионально надежной, государственно-патриотически настроенной, законопослушной (дисциплинированной), культурно-эстетически развитой личности;
- стремящейся к индивидуально-творческой самореализации и развитию индивидуальности.

К задачам служебно-боевой педагогики Росгвардии прежде всего следует отнести:

- 1) разработку ее методологических и мировоззренческих основ, показ места в общей системе педагогического знания;
- 2) обоснование и представление в наиболее удобном для освоения виде понятийного аппарата, выступающего в качестве теоретической основы управленческо-педагогической деятельности офицера подразделения, воинской части, территориального органа войск национальной гвардии;
- 3) раскрытие исторического опыта организации учебно-воспитательного процесса в войсках национальной гвардии;
- 4) изложение педагогических стратегий и перспективных технологий решения учебно-воспитательных задач;
- 5) формирование (через содержание) у будущих и исполняющих в настоящее время свои педагогические обязанности офицеров педагогической культуры, фундаментом которой выступает целостное профессионально-педагогическое мировоззрение, а также установка на проектирование личностно- и профессионально-ориентированных, эффективных педагогических систем, имеющих инновационные признаки, и осуществление творческо-продуктивной деятельности по обучению и воспитанию личного состава подразделения, воинской части и территориального органа.

В структурно-компонентном плане служебно-боевую педагогику Росгвардии целесообразно представить в виде нескольких частей:

Часть 1 (Служебно-боевая педагогика войск национальной гвардии Российской Федерации как наука и учебный предмет), включающая подразделы:

- служебно-боевая педагогика как наука;
- служебно-боевая педагогика как учебный предмет;
- исторический опыт становления и развития служебно-боевой педагогики войск национальной гвардии Российской Федерации.

Часть 2 (Командир подразделения, воинской части, начальник территориального органа Росгвардии в системе педагогических отношений), раскрывающая:

- сущность, структуру, характерные черты и особенности, методику оценки эффективности функционирования педагогической системы подразделения, воинской части (соединения), территориального органа Росгвардии как формы существования педагогических отношений;
- служебно-боевую дидактику: теорию обучения военнослужащих и сотрудников подразделений Росгвардии;
- теорию воспитания военнослужащих и сотрудников подразделений Росгвардии;
- теоретические основы организации педагогического сопровождения самообразования военнослужащих и сотрудников подразделений Росгвардии;
- модель педагогической деятельности командира подразделения, воинской части, руководителя территориального органа как носителей профессиональных ценностей, и организаторов учебно-воспитательного процесса.

Часть 3 – праксеологический раздел учебника, содержащий ответ на вопросы: как, каким образом обеспечивается высокое качество учебно-воспитательного процесса в подразделениях, воинских частях, территориальных органах; как решать актуальные и перспективные педагогические задачи.

Осваивая данный раздел, обучающийся должен понять и освоить, что качество

учебно-воспитательного процесса обеспечивается:

- четким определением педагогической цели и учебно-воспитательных задач;
- оперативным и объективным оцениванием сложившейся педагогической ситуации и прогнозированием возможных направлений ее развития, а также способов изменения;
- точным расчетом времени и других возможностей для эффективного решения педагогических задач;
- творческим подходом к разработке научно обоснованного педагогического замысла, выбора педагогической стратегии и принятия оптимального решения по ее реализации;
- обстоятельным и своевременным педагогическим планированием (долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным);
- постановкой адекватных целям и сложившимся условиям педагогических задач должностным лицам, отвечающим за эффективность учебно-воспитательного процесса; их качественным обучением, позволяющим успешно решать поставленные педагогические задачи;
- всесторонним обеспечением учебно-воспитательного процесса, полным соблюдением педагогических принципов в процессе решения учебно-воспитательных задач;
- системным контролем и объективной оценкой качества и результативности учебно-воспитательного процесса;
- своевременным внесением необходимых и достаточных коррективов для повышения эффективности функционирования и развития педагогических систем подразделений, воинских частей и территориальных органов.

Подводя итог сказанному, отметим, что издание учебника «Служебно-боевая педагогика войск национальной гвардии Российской Федерации», над подготовкой которого идет активная работа, должно стать существенным вкладом в научно-педагогическое обеспечение решения войсками служебно-боевых задач. Особую актуальность его подготовка приобретает в услови-

ях поиска путей и подходов к организации военно-политической (политической) работы с личным составом воинских частей (соединений) и территориальных органов, а

также дальнейшего совершенствования его подготовки к безусловному и безупречному выполнению своего воинского/служебного долга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шарухин А. П. Военная педагогика: учебник для вузов. СПб.: Издательский дом «ПИТЕР», 2017. 576 с.
2. Душкин А. С., Гейжан Н. Ф., Кочин А. А. и др. Полицейская педагогика: теория и практика: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2019. 168 с.
3. Колпаков В. Ю., Суворов В. А. Шарухин А. П. Организация процесса воспитания в частях внутренних войск МВД России: монография / рук. авторского кол-ва А. П. Шарухин; под редакцией В. Ю. Новожилова. М.: Издательство «На боевом посту», 2012. 648 с.
4. Шарухин А. П. Воспитание военнослужащих и сотрудников подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации: учебное пособие. СПб.: СПВИ ВНГ РФ, 2020. 240 с.
5. Смирнов Р. В. Педагогические стратегии развития профессионального воспитания военнослужащих войск национальной гвардии: дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2019. 204 с.
6. Харченко О. А. Технология педагогической профилактики противоправного поведения военнослужащих Росгвардии в процессе несения караульной службы: дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2018. 167 с.
7. Марченко С. М. Воспитание убеждения недопустимости героизации нацистских преступников и их пособников на основе историко-педагогического анализа проявлений радикализма и экстремизма / О. И. Белоус, С. М. Марченко // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2015. № 5 (123). С. 31–35.
8. Дарбинян Э. Н., Шарухин А. П. Система профессиональных ценностей офицеров национальной гвардии России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 179–184.
9. Смирнов Р. В. Раскрытие потенциала применения средового подхода в профессиональном воспитании военнослужащих / Р. В. Смирнов, Л. Н. Бережнова // Научное мнение. 2018. № 5. С. 22–26.
10. Шарухин А. П., Шарухина Т. Г., Шимко С. Ю. Акмеологические основы служебно-боевой педагогики войск национальной гвардии Российской Федерации // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: сборник избранных статей VIII Международной научно-практической конференции. Саратов: НОО «Цифровая наука». 2021. С. 229–232.

REFERENCE

1. Sharukhin A. P. Military pedagogy: textbook for universities. St. Petersburg: Publishing House «PETER», 2017. 576 p. (In Russ.)
2. Dushkin A. S., Geizhan N. F., Kochin A. A. et al. Police pedagogy: theory and practice: monograph. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 168 p. (In Russ.)
3. Kolpakov V. Yu., Suvorov V. A. Sharukhin A. P. Organization of the process of education in the units of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: monograph / Ruk. author's number A. P. Sharukhin; edited by V. Yu. Novozhilov. M.: Publishing house «At the combat post», 2012. 648 p. (In Russ.)
4. Sharukhin A. P. Education of military personnel and employees of units of the National Guard of the Russian Federation: a textbook. St. Petersburg: SPVI VNG RF, 2020. 240 p. (In Russ.)
5. Smirnov R. V. Pedagogical strategies for the development of professional education of servicemen of the National Guard troops: diss. ... cand. of pedagogy. SPb., 2019. 204 p. (In Russ.)
6. Kharchenko O. A. Technology of pedagogical prevention of illegal behavior of servicemen of the Rosgvardiya in the process of guard duty: diss. ... cand. of pedagogy. SPb., 2018. 167 p. (In Russ.)

7. Marchenko S. M. Education of the conviction of the inadmissibility of glorification of Nazi criminals and their accomplices on the basis of historical and pedagogical analysis of manifestations of radicalism and extremism / O. I. Belous, S. M. Marchenko // Scientific notes of the P. F. Lesgaft University. 2015. No. 5 (123). P. 31–35. (In Russ.)

8. Darbinyan E. N., Sharukhin A. P. The system of professional values of officers of the National Guard of Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2 (70). P. 179–184. (In Russ.)

9. Smirnov R. V. Disclosure of the potential of the environmental approach in the professional education of military personnel / R. V. Smirnov, L. N. Berezhnova // Scientific opinion. 2018. No. 5. P. 22–26. (In Russ.)

10. Sharukhin A. P., Sharukhina T. G., Shimko S. Yu. Acmeological foundations of service and combat pedagogy of the National Guard troops of the Russian Federation // New impulses of development: issues of scientific research: a collection of selected articles of the VIII International Scientific and Practical Conference. Saratov: NOO «Digital Science». 2021. P. 229–232. (In Russ.)

Информация об авторах:

Шарухин А. П., доктор педагогических наук, профессор;
Шимко С. Ю., кандидат педагогических наук.

Information about the authors:

Sharukhin A. P., Doctor of Pedagogy, Professor;
Shimko S. Y., Candidate of Pedagogy.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2021; одобрена после рецензирования: 26.01.2022; принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 08.12.2021; approved after reviewing: 26.01.2022; accepted for publication: 24.06.2022.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (Юридические науки)
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (Юридические науки)
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (Юридические науки)
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (Юридические науки)
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (Педагогические науки)
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (Педагогические науки)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (Филологические науки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (Филологические науки)

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru.

Структура статьи

Тип статьи указать отдельной строкой слева в начале статьи.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи на русском и английском языках.

Сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, наименование и адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), ORCID (при наличии) контактные телефоны). Если авторов более одного, указать одного как ответственного за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность и др.) привести с предшествующими словами «Информация об авторе» и указать в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10) слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация в порядке цитирования источников в тексте статьи. Дополнительно привести перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице («References»). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами

машинописного текста через одинарный интервал. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводят на языке текста статьи и, как правило, повторяют на английском языке.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

**Заявка
на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале
«Вестник Уфимского юридического института МВД России»**

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

(название статьи)

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.

Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА